

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

278975

e.

294

32

27

25

.....
Indian Institute, Oxford.

—◆—
THE MALAN LIBRARY

PRESENTED

BY THE REV. S. C. MALAN, D.D.,

VICAR OF BROADWINDSOR,

January, 1885.

ВЕЧЕРНИЕ ЧАСЫ,

или

ДРЕВНЯЯ
СКАЗКИ

СЛАВЯНЪ

ДРЕВЛЯНСКИХЪ.

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА

Типографіи Компаніи Типографической,
съ указнаго дозволенія,

1788.

СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

В Е Ч Е Р Ъ XXXVII.

Заключеніе повѣсти о Вадимѣ.

Семірѣ первой приступилъ исполнить волю своей родительницы, и повѣствовалъ приключеніе свое сначала, такъ какъ уже описано оное во Второй Части. Но томъ продолжалъ оное слѣдующимъ образомъ:

— — — Раны, мною полученныя, удержали меня въ войскѣ Славянорусскаго Князя до самаго отъѣзду Руснмова въ Хомоградъ. Ошущствіе *Арены* умножило душевную скорбь мою, и воспалило столько мои раны, что опчаялись обѣ моемъ выздоровленіи. Я всегда не считалъ себя щастливымъ въ моей страсти, однакожь столько ласкалъ себя со стороны дружбы, оказываемой мнѣ.

Часть IV.

А 2

мою

мою мою любовницею, что не зналъ, къ че-
 му приписать надлежало нечаянной ош-
 тьдъ ея, и особливо во время моей болѣзни.
 Какъ скоро могъ я сѣсть на коня, оп-
 правился искашь несправедливую *Арену*,
 чтобъ укорить ее, и либо узнать причину
 суроваго ея поступка, или умереть предъ
 ногами ея, когда произошло шо отъ презрѣ-
 нія ко мнѣ. Но куда могъ я обратиться?
 Всѣ развѣдыванія мои остались тщетны: ни-
 кто не зналъ ни объ *Аренѣ*, ни объ *Ноа-
 нѣ*. Странствуя по областямъ Славянорус-
 скимъ, заключилъ я предпріять путь мой
 въ Обры; ибо мнилъ, что не куда любов-
 ницѣ моей удались, кремъ въ ея отече-
 ство. Я нашелъ Дворъ Князя Обрскаго под-
 верженъ сугубой печали какъ о плѣнѣ
 Княжны единственной наследницы престола,
 мою считали содержимою въ оковахъ въ Хо-
 моградѣ, шакъ и о погибели войскъ, послан-
 ныхъ на помощь *Худояру*, изъ которыхъ
 спаслось самое малое число. Я сочелъ мнѣ
 нужное увѣдомить Государя Обрскаго, что
 несправедливъ слухъ шотъ, по которому сче-
 онъ дочь свою плѣнницею Славяноруссовъ, и
 представъ предъ него, рассказалъ все, что
 зналъ объ ошсущствіи ея изъ войскъ *Га-
 дориковыхъ*. Обрадованный тѣмъ Князь Об-
 рскій удержалъ меня нѣсколько времени
 при Дворѣ своемъ, и разослалъ множество

Вел

Вельможъ въ разныхъ государства для про-
вѣдыванія объ ней. Не знали, что заключишь
о причинѣ сего поступка ея, и утверждали,
что отъращеніе ея къ супругу, которому
она была назначена по принужденію, прину-
дило ее удалиться отъ своего отечества.
Родители ея приходилъ отъ того въ отчая-
ніе, и проклиналъ злоупотребленіе своей
власти; но все шо не приносило отрады
моему сердцу: я положилъ швердое намѣ-
реніе сыскать ее, или умереть въ отчаяніи.
Оставивъ Обры, пробѣжалъ я многія страны,
но нигдѣ не могъ получить ни малаго свѣ-
денія; возлюбленная моя *Арена* и вѣрной
ея *Ноанъ*, шакъ сказашъ, какъ бы въ воду
упали. Въ горести моей рѣшился я прибѣг-
нуть къ Бужанскому боговѣщалищу, и во-
просишь о судьбѣ моей; куда и прибылъ
безъ всякихъ противныхъ приключеній. Не-
сшану я описывашъ великолѣпіе храма и
аданій служебныхъ, посвященныхъ машери
боговъ: оныя довольно извѣстны, а скажу
шолько, что по прѣздѣ моемъ ко вратамъ
ограды, по первомъ вопросѣ отъ привра-
тника, представленъ былъ я предъ верхов-
наго жреца. Оный принялъ меня съ опшн-
ною ласковостію, и между шѣмъ, какъ по-
велѣлъ пригосовляшь надлежащее къ угоще-
нію моему, старался вывѣдать отъ меня,
кто я шакое, какъ называюсь, и канія

причины приводятъ меня къ боговѣщаницу. Я не намѣренъ былъ спѣ него скрывать о себѣ; рассказалъ все, и могъ замѣтить, что выслушивалъ онъ меня съ удовольствіемъ. Послѣ вкуснаго ужина ошвели мнѣ богато-убранной покой въ гостиницѣ, гдѣ я и заснулъ. Предъ восхожденіемъ солнца посланный ошъ верховнаго жреца разбудилъ меня, повелѣлъ мнѣ омыться въ водахъ священнаго Вуга, и ввелъ меня въ святилище Злашой — бзбы. Когда жертва воспалена была предъ истуканомъ, палъ я по дзнному мнѣ наставленію ницъ лицемъ, и ожидалъ ошвѣшу. Чрезъ нѣсколько минутъ послышалъ я согласіе разныхъ музыкальныхъ орудій, и великое благсвоніе, наполнившее весь храмъ, а по томъ изъ внутренности храма проліявшіяся ко мнѣ слѣдующія слова: „Шествуй *Семірв* къ предсказательницѣ, обитающей въ странѣ Слзвянорусской. „Тамо узнаешь ты всѣ подробности, ошно- „сящіяся до судьбы твоей. „ Ошвѣтъ сей принесть немалую ошраду спраждущему моему сердцу; одаривъ всѣхъ священнослужителей, ошправился я въ страны Слзвянорусскія, и по нѣкоторыхъ поискахъ ошкрылъ путь къ пещерѣ обитаемой моею родительницею. Сколько ни обрадованъ я моею находкою, встрѣчею съ возлюбленными мнѣ особами, и объясненіемъ неизвѣстной до-
селе

сель судьбы моей: но долженъ признаться, что потребно время для подвѣненія душевной моей слабости. Сердце мое, привыкшее любить страстно, не удобно согласилось лишиться себя всѣхъ надеждъ. — —

Окончавъ повѣсть свою, онъ вздохнулъ, обнявъ брата своего, и закрасившись умолюкъ. Мнимая *Арена*, или истинный *Нуредкинъ*, рассказывалъ по томъ приключенія свои слѣдующимъ образомъ:

----- Начало первыхъ случаевъ жизни моей извѣстно уже изъ повѣствованія *Ардоланова*: то есть что онъ купилъ меня у купца торгующаго невольниками, и подмѣнилъ на мѣсто дочери Князя Обрскаго. Когда началъ я разсуждать, весьма удивительна казалась мнѣ причина, для которой скрываютъ полъ мой. Хотя мамка моя безпрестанно твердила мнѣ, что онъ сего таинства зависитъ благополучіе предвѣдущихъ дней моихъ: но я не могъ вѣрить, чтобъ могъ быть я щастливѣе подъ названіемъ приговоримъ, нежели подъ своимъ собственнымъ. Однако мамка моя столько успѣла внушить мнѣ суевѣрія, что опредѣнилъ я до нѣкотораго времени, когда судьбѣ угодно будетъ сложить съ меня принужденное мое состояніе, сохраняюъ мою тайну. Прибытіе ко Двору Князя Обрскаго брата моего *Семира* пришло мнѣ великое

удовольствіе. Не постигая о томъ, что дѣйствіе единокровія раждало къ нему въ душѣ моей, съ перваго взгляду возчувствовалъ я къ нему искреннее дружество. Но произшедшая въ сердцѣ его ко мнѣ страсть, не могла надолго отъ меня утѣшиться, и проявила великое мнѣ беспокойство. Страданіе, приключаемое ему мнимомъ мсєю холодностію, подвергло его столь жестокимъ мученіямъ, что я не могъ видѣть оныхъ равнодушно, и стараясь утѣшать его, спешно покушался открыть ему мое шаманство; и тѣмъ вывести изъ заблужденія. Впрочемъ произшедшее отъ страсти ко мнѣ *Жудояровой*, извѣстно уже изъ повѣствованія *Семірова*. Гордый бунтовщикъ, вознамбрясь первыми успѣхами непродолжительнаго своего щасія, помышляя о дерзостномъ своемъ возвышеніи, не позабылъ о страсти своей ко мнѣ, и требовалъ меня у мнимаго родителя моего въ супружество; а приносилъ и нѣсколько войскъ на помощь къ достиженію своему на Славяно-русскій престолъ. Князь Обрскій, ослабленный успѣхами оружія бунтовщика сего, не сомнѣвался, что оный удобно свергнетъ *Гардолика*: и по тому союзъ съ нимъ полагалъ за весьма выгодный. Словомъ сказано, мощное войско было собрано, и я опредѣленъ въ супругу разбойнику. Не могу я до-

воль-

волью изобразить вамъ тогдашняго моего
 смяшенія. Оказанныя съ моей стороны со-
 прошивленія лишь раздражали мнѣ много мо-
 его родителя, и побуждали его сдержать
 свое слово, которое дааь онъ безъ моего
 согласія. Я видѣлъ себя приведенна въ край-
 ность открыться въ тайнствѣ, могущемъ
 вдругъ остановить всѣ его намѣренія; одна-
 ко предразсудки ли, вкорененные со сторо-
 ны суевѣрія, или воля судьбы учинили то,
 что я сохранилъ скромность. Оказавъ себя
 покорнымъ волѣ Князя Обрскаго, рассу-
 дааь я о способахъ, какимъ бы образомъ
 оплучиться изъ войскъ посланныхъ *Худоя-*
ру на помощь, не разгнѣвааь чрезъ то мо-
 его родителя, и не находилъ въ томъ за-
 трудненій въ разсужденіи моего пола. Должно
 ошчаси признаться, что склонность моя
 къ оружію, и дружество, чувствуемое къ
 брату моему *Семіру*, были главнымъ по-
 бужденіемъ моей скромности. Впервыхъ
 полъ мой приутоволяаь къ иному, нежели
 въ чемъ старались воспишати меня, и я
 хотѣаь узнать обстоятельнѣе воинскіе об-
 ряды; а вторыхъ, не могъ я сносить
 разлаки съ *Семіромъ*: и для того послалъ
 къ нему съ письмомъ вѣрнаго моего *Ноана*.
 Не сомнѣвааься я, что онъ, узнавъ о участи
 моей, поспѣшитъ ко мнѣ на помощь; при-
 чемъ могу я съ нимъ увидѣвшись открышь-

ся, по какимъ причинамъ не можешь онъ ожидать отъ меня, кромѣ дружества. Послѣ чего намѣренъ былъ я съ нимъ слѣдовать ко Двору Короля Козарскаго, и пробывъ тамъ нѣсколько, возвратишься въ Обры.

Между тѣмъ, какъ слѣдовали мы къ войскамъ *Худояровымъ*, нашелъ я способъ, пересѣвшись въ рыцарское вооруженіе, тайно оставишь Обровъ. Хотя позорище военное привлекало меня къ себѣ, но и склонность моя къ *Семиру* была не меньше оныя. *Ноанъ* не возвращался: и для того направилъ я путь мой въ Козары; однако тамъ не нашелъ я, чего желалъ. *Семиръ* въ то время отправился съ *Ардоланомъ* при посольствѣ къ Королю Готфскому, а съ нимъ и вѣрной мой *Ноанъ*. Не считая за нужное открыто появиться при Дворѣ *Абрадатомъ*, вздумалъ я возвратиться въ войска *Худояровы*; ибо уповалъ, что удовольствую склонность мою къ войнѣ, могу дожидаться тамъ прибытія въ войска Славянорусскія *Семира*; а при томъ выведавъ обстоятельно о силахъ бунтовщика сего, могу быть полезенъ справедливой сторонѣ, на которую намѣренъ былъ я перейти, какъ скоро придетъ туда *Семиръ*. Пробывъ въ войска *Худояровы* подъ именемъ богатыря изъ страны Горяскія, вскорѣ узналъ я, что осуществитъ мнимой Княжны

Обрской приключило ему великую печаль. Не опасался я предстать предъ Худояра въ разсужденіи того, что хоща бы онъ и вклепался въ лице мое; но полъ мой учинялъ меня безопаснымъ отъ гоненій сего свирѣпаго любовника. Въ самомъ дѣлѣ Худояръ смотрѣлъ съ особливимъ вниманіемъ на лице мое, когда я предлагалъ ему услуги мои въ его войскѣ; однакожь приближіея тогда волосы на бородѣ моей доказывали ему ошибку его. Онъ вздохнулъ, и съ особливою ласковостію опредѣлилъ мнѣ мѣсто въ своихъ войскахъ. Не рѣдко призывалъ онъ меня къ столу своему, и чрезъ разныя околичности старался узнать отъ меня, не въ свойствахъ ли я нахожусь Князю Обрскому. Не скрывалъ онъ и того, что чувствуетъ ко мнѣ особое дружество въ разсужденіи сходства лица моего съ нѣкоторою любезною ему особою. Но отъѣзды мои, къ коимъ я заранѣе пріуготовился, не подавали ему ни малаго объясненія. Я старался удаляться отъ Обровъ прибывшихъ къ нему на помощь, чтобъ оныя узнавъ меня, не нанесли мнѣ стыда; ибо необходимо подвергся бы я отъ того осандѣшельствованію, которое, какъ поносное для богатыря, принудило бы меня прежде времени оставить его войско. Напоследокъ услышавъ я о прибытіи Козарскаго войска

на

на помощь Славяноруссамъ, и не сомнѣваясь, чтобъ не присутствовалъ при ономъ *Семірѣ*, просилъ *Худояра* о вызовѣ противу меня на поединокъ богатыря изъ непріятельской стороны. Намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобъ по слабомъ сопротивленіи отдаться въ плѣнъ, и чрезъ то увидѣться съ *Семіромъ*, кторой помощію своею конечно не оставилъ бы меня въ неволѣ. По просьбѣ моей посланъ провозвѣстникъ для вызову мнѣ противника; и чтобъ лучше привлечь къ зрѣлищу сему *Семіра*, упросилъ я провозвѣстника сказать, что вызовъ сей происходитъ со стороны Обрскаго Полководца, приведшаго на помощь *Худояру* войска. Несчастіе привело меня сразиться съ возлюбленнымъ моимъ *Семіромъ*, которой самъ выѣхалъ на вызовъ мой, и мы другъ друга не узнали; ибо сразились съ закрытыми лицами. Мысль, вошедшая тогда мнѣ въ голову, что предавшись добровольно въ плѣнъ моему противнику, учинишь то меня военнопленнымъ, и въ случаѣ ошущствія *Семірова* подвергнешь неволѣ, а можешь быть и кавни, какъ сообщника буншовщиковъ, перемѣнила прежнее мое намѣреніе. Я опредѣлилъ стараться побѣдить моего противника, и тогда добровольно, а не плѣнникомъ перейти на сторону, защищающую законное право своего Монарха. Въ сей-то

бѣд-

Обдственной ошибкѣ нанесъ я многія ра-
 ны, и остояся побѣдителемъ надъ *Семиромъ*.
 Между тѣмъ какъ мы, узнавъ другъ друга,
 прекратили сраженіе и предстали предъ
 Славянорусскаго Полководца, началось напа-
 денте отъ войскъ *Худояровыхъ*. *Русимъ*
 вступилъ въ бой, а я проводила раненаго
Семира до шатра его. Въ то время по-
 думалъ я, что состояніе *Семирово* препяш-
 ствуешь мнѣ открыться ему въ тайнѣ о
 моемъ полѣ. Я разсуждалъ, что любовникъ,
 столько страшный, лишившись вдругъ всѣхъ
 надеждъ, конми питалъ себя чрезъ столь
 долгое время, не можетъ снести равнодуш-
 но шаковой перемены; съ другой стороны
 присущствіе мое не могло надолго ушаншь
 сего: и такъ, чтобъ не произвести ему вре-
 да, рѣшился я удалиться отъ него на нѣ-
 сколько времени, и по близости къ войскамъ
 ожидашь его выздоровленія. Встрѣтившись
 тогда со мною *Ноанъ* облегчалъ выѣздъ
 мой изъ Славянорусскаго ополченія; я поска-
 калъ съ нимъ по первой попавшейся мнѣ до-
 рогѣ, и разсказалъ ему причину, принудив-
 шую меня оставить *Семира*. *Ноанъ*, кото-
 рой самъ впервые слышалъ о переменѣ
 моего пола, пришелъ въ великое удив-
 ленте, и не зналъ къ чему приписать то,
 для чего воспышывался я подъ именемъ дѣ-
 вницы. Мы разсуждали съ нимъ о томъ
 раз

разными способами; но догадки наши лишь приводили насъ въ дальнѣйшее изумленіе. Ноанъ ничего не терялъ отъ шаковой перемены, и еще рязовался, что судьба учинила его наперсникомъ будущаго его Кнзя, а не подданнымъ какого нибудь чужестраннаго Государя. Углубившись въ разговоры, не примѣшили мы того, что заѣхали въ прегустой и великой лѣсѣ, и при наставшей темнотѣ ночной потеряли дорогу. Произшедшій тогда шумъ завелъ насъ въ сторону, и умноживъ мрачность, принудилъ насъ, сошедши съ коней, пробираться гѣшкомъ сквозь густошу лѣса для сысканія пути къ какому нибудь селенію; ибо не бѣвши во весь тотъ день, имѣли мы нужду въ пищѣ, также и лошади наши. По многомъ трудѣ выбрались мы на великую поляну, и вскорѣ увидѣли вдали свѣтъ отъ огня; мы съ удовольствіемъ поѣхали на оный. Шествоя болѣе двухъ часовъ по искривленной стезѣ, переправляясь чрезъ крутые рвы, густой лѣсѣ, теряя нашу стезку, и опять оную сыскивая, прибыли мы напоследокъ къ воротамъ страннаго двора. Оный обнесенъ былъ высокимъ полисадникомъ, и украшенъ повсюду торчащими на колахъ мертвыми человѣческими головами. Видъ сей не обѣщалъ намъ хорошаго; однакожь господъ принудилъ насъ послушаться въ ворота.

роша. На звукъ сей отворилось окно въ хороминѣ, находившейся надъ воротами, и грубой голосъ спросилъ насъ, кто мы шаковы и какую нужду имѣемъ въ его домѣ? Мы отвѣчали смѣло, что насъ двое сбившихся съ дороги путешественниковъ, кои имѣемъ нужду въ ночлегъ и пищу. Но не болѣе ли васъ? спрашивалъ сей грубой лѣсожишель, коего мы при первомъ случаѣ сочли за начальника, или приставодержателя разбойниковъ. Онъ желая удостовѣриться, выставилъ въ окно пукъ лучины, и осмошрѣвъ насъ съ ногъ до головы, пошелъ отпереть ворота. Вы здѣсь будете угощенны лучшимъ образомъ, говорилъ онъ, ошмыкая великой и крѣпкой замокъ. Впустивъ насъ на дворъ замкнулъ онъ ворота по прежнему, приказалъ своему работнику прибрать лошадей нашихъ, и ввелъ насъ по мрачнымъ переходамъ въ свои хоромы. Покой, гдѣ онъ насъ осматривалъ, освѣщаемъ былъ горящею лампадою, и при помощи оныхъ разсмошрѣвъ мы нашего спранкопринца. Свирѣпое и съ густою клокастою рыжею бородою лицо его, съ плаштемъ изъ-върняныхъ вверху шерстью сдѣланныхъ кожъ, уподобляли его совершенно лѣшему. Мы разсуждали съ Нодномъ порознь о сей встрѣчѣ, между шѣмъ какъ хозяинъ нашъ пошелъ стараться объ ужинѣ. Вскорѣ вошла къ намъ пригожая дѣвица,

а за нею и онъ. Дѣвица разослала скашерта; а онъ полсжилъ на оную великой хлѣбъ. Изъ словъ его узнали мы, что дѣвица сія была дочь его. Они принесли по шомъ великое блудо варенаго гороху, и просилъ насъ покушашъ. Сколь ни бѣдна была таковая пища, но съ голоду ѣли мы оную со вкусомъ. Хозяинъ сей поднесъ намъ по шомъ нѣкакаго пріятнаго напитку, онъ кошораго мы въ нѣсколько минутъ охмѣлѣли, шакъчто попадали безчувствъ. Незнаю я, что происходило съ нами въ сіе время, но очнувшись увидѣли мы себя въ подземномъ погребѣ, обезоруженныхъ и скованныхъ желѣзными цѣпями. Признаюсь, что не могъ снести равнодушно таковаго нещастія; ужасъ овладѣлъ мною, и принудилъ меня вострепеташъ. Я взиралъ въ безмолвіи на Ноана, мы спрашивали другъ друга взаимно, чему должно съ нами послѣдствовать, и въ какихъ рукахъ мы находимся? Всѣ обстоятельство не предаѣцали намъ добраго, и разсужденія наши лишь болѣе приводили насъ въ уныніе. При слабомъ свѣтѣ, впадающемъ въ окошечко, укрѣпленное желѣзною рѣшеткою, взгля мы замѣпишь, что уже были полдни, но никто не приходилъ навѣстить насъ, ни дасть намъ пици. На послѣдокъ услышали мы, что отворяется подъемная дверь, и увидѣли сходящаго къ намъ свирѣпаго на-
ше

шего хозяина. Онъ держалъ въ одной рукѣ широкой шопорѣ, а другую подавъ намъ горшокъ молока и два пшеничные хлѣба. Мы спрашивали у него, за какое преступленіе посажены мы въ темницу? Ъшьше, (ошвѣчалъ онъ съ грубостью) со временемъ вы объ шомѣ узнаете. Не удовольствовавшись шѣмъ, предлагали мы многіе ему вопросы, на которые однако онъ не удостоивъ насъ ошвѣшу, приказывалъ повелительно намъ замолчать и Ъшь. По окончаніи сего обѣда вышелъ онъ, и заперъ нашу темницу. Въ семъ состояніи провели мы болѣе двухъ мѣсяцовъ, не выдавъ никого, кромѣ нашего лѣшаго, приносившаго намъ пищу. Таковое несчастіе мое повергло меня въ жестокую шоску, ошъ которой я стольке исхудалъ, какъ бы послѣ шяжкой болѣзни. МиѢ представлялся безпрестанно любезной мой *Семиръ*, огорчающійся о несчастномъ моемъ ошсущствіи, и въ шакое время, когда бы дружеству надлежало меня удержать при немъ. *Ноанъ*, раздѣляющій со мною грусть мою, не въ лучшемъ моемъ былъ состояніи. Суровой нашъ хозяинъ, или скавашъ прямѣ темничный стражъ, при посѣщеніяхъ своихъ наблюдалъ молчаніе, и мы не слышали ошъ него, опричь брани, которую пронюсывалъ онъ взирая на насъ. Мы не понимали шого, чемъ мы оную заслужи-

Часть IV.

В

ва-

вали, равномерно какъ и причины нашего вѣщанія, до слѣдующаго происшествія:

Въ одну ночь, когда послѣ печальныхъ разговоровъ объ участи нашей, заснули мы сладкимъ сномъ, разбудилъ насъ женской голосъ, происходящій въ окошечко, находившееся на потолкѣ нашей темницы. Проснулись бѣдные люди (сказалъ намъ сей голосъ)! отецъ мой теперь усыпленъ пѣмъ же напишкомъ, чрезъ которой и вы попались въ сей смертной погребъ, и я могу свободно поговорить съ вами о томъ, чего уже чрезъ девять недѣль искала бесполезно. — Мы вскочили, и поблагодаривъ ее за сожалѣніе приведшее ее къ намъ, просили уведомить ее, за что мы посажены въ оковы, въ какомъ мѣстѣ и въ чьихъ рукахъ мы находимся. Это зависить отъ нѣкоторыхъ условій (отвѣчала намъ дѣвица, которую признали мы за дочь свирѣпаго лѣшему подобнаго мужика того); но чтобы могли въ скорѣе рѣшиться, склонитесь ли на мое предложеніе, или умереть отъ рукъ отца моего, вѣдайте: что онъ челоукодець, и вы не для наго намѣренія посажены въ сей погребъ, какъ послужить ему въ пинцу послѣ того, когда вы разжирѣете. Извѣстіе сего рода распрошело хладъ во всѣхъ нашихъ членахъ; а смерть, намъ угрожающая, не позволяла намъ долго сомнѣваться, что по-

потребно дашь согласіе на требованіа сей
 дѣвицы, каковаго бы рода оныя ни были.
 Мы клялись ей, что съ радостію исполнимъ
 ея желанія, когда только возвратимъ она
 намъ свободу и наше оружіе. Условіе, за
 которое вы то получишь можешь, сказала
 она, соспоимъ въ томъ, что одинъ изъ
 васъ, котораго я выберу, долженъ будетъ
 на мнѣ жениться. Требованіе шаковое умно-
 жило мой ужасъ, я не зналъ, что сказать
 на оное; однако Ноамъ, размысливъ наско-
 ро, что молчаніе можетъ раздражить сію
 нахальную невѣсту, которую самое Небо
 послало ко избавленію нашему отъ лютой
 угрожающей намъ смерти, отвѣчалъ ей:
 ешьли въ томъ только соспоимъ дѣло,
 прекрасная дѣвица, не нужно вамъ требо-
 вать съ насъ клятвъ. Выборъ вашъ оцщасти-
 авимъ каждаго изъ насъ; ибо должно при-
 изаться, что мы при первомъ взглядѣ оба ва-
 ражены были вашею красою, и сшолько
 въ васъ влюбилсь, что вы и въ нещастномъ
 нашемъ заточеніи составляли всегдашній
 предметъ нашихъ разговоровъ. — Я не могу
 радѣлнить моего сердца (сказала дѣвица,
 подумавши нѣсколько); признаюсь, что одинъ
 изъ васъ, котораго не знаю я, какъ назвать
 по имени, милъ мнѣ: ему я доспанусь; а дру-
 той долженъ оспаться доволенъ пѣмъ, что
 получишь свободу. — Она требовала отъ насъ

кляшѣ въ подтвержденіе, и мы считая, что нарушеніе оныхъ, когда принуждаешь необходимость изречи ихъ, заслуживаетъ извиненіе, каялись сколько ей было угодно. Теперь, сказала она радостно, постараюсь я избавить васъ изъ рукъ отца моего. Подожди нѣсколько; я скоро возвращусь, снявъ съ поясу у отца моего ключъ отъ вашей темницы. По томъ мы найдемъ ваше оружіе и коней; и когда удалимся отъ сего опаснаго мѣста, разскажу я вамъ обстоятельнѣе объ оцѣ моемъ, котораго сама не навизу. Мы дожидались нашей избавительницы между страхомъ и надеждою; однако она вскорѣ прибѣжала къ намъ съ фонаремъ, отперла двери, отомкнула замки нашихъ оковъ, и освободивъ насъ, вывела изъ погреба, въ коемъ осуждены мы были на смерть.

В Е Ч Е Р Ъ XXXVIII.

Хотя отецъ мой, продолжала дѣвица отъ даннаго мною ему соннаго написка не прежде очнется, какъ по прошествіи сушокъ; однако не должно намъ терять вре-

времени, чтобъ удалишься отсюда сколько возможно далѣе; ибо онъ не пропустишь гнаться за нами, и тогда мы погибнемъ всѣ отъ рукъ его: потому что иѣсть онъ въ себѣ силу невѣршатную. Послѣ сего показала она намъ мѣсто, гдѣ лежало наше вооруженіе, и гдѣ стояли наши лошади. Вооружившись и осѣлавъ лучшаго коня для нашей набавительницы, поскакали мы прочь отъ столь опаснаго мѣста, на вѣдая сами, куда ѣдемъ. Избавительница наша (которой выборъ палъ на Ноана, и которой не щиталъ сего за особенное несчастіе), когда уже мы по иѣнію нашему весьма удалились, рассказала намъ слѣдующее:

Отецъ мой происходитъ отъ чуднаго народа, издревлѣ въ сихъ странахъ обитавшаго. Когда Славяне и Русь овладѣли жилищами предковъ нашихъ, и покоривъ оныхъ учинили своими данниками, или вышѣснили ихъ далѣе къ Сѣверу и Востоку: предки нашего дому избрали жилище себѣ въ семь дикомъ лѣсу. Тушѣ простерли они ненависть къ своимъ побѣдителямъ до безчеловѣчія; ибо заклялись каждого попадающагося къ нимъ въ руки Славянорусса, убивая употреблять вмѣсто скота въ пищу. Хотя удаленная отъ жилищъ пустыня, гдѣ мы обитали, раздѣляла насъ отъ нашихъ непріятелей и защищала насъ отъ ихъ гоненія;

однакожь многіе изъ несчастныхъ заблужденныхъ въ лѣсахъ учинидись жертвою нашей ненависти, какъ-то свидѣтельствуешь головы, кощеры влопкнущы по сѣбнамъ около двора нашего. Отецъ мой, наслѣдовавшій отъ предковъ своихъ безчеловѣчіе, равномѣрно погубилъ многихъ странствующихъ. Онъ женился на одной Славянкѣ, попавшейся также къ нему въ руки, и красота ея, шпонувшая звѣрское его сердце, избавила ее отъ смерти. Однакожь проведенши два года съ нимъ въ мучительной жизни, и произведши меня на свѣтъ, не избѣгла и она смерти. Отецъ мой, не могши принудить ее къ ножиранію человѣческихъ тѣлъ, сполько рассвирѣпѣвъ, что убилъ и пожралъ самую ее. Я оставшись въ сиротствѣ младенцемъ, отъ дана была на воспитаніе къ моей шешкѣ, живущей также въ лѣсу въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дому нашего, но по щастію моему не слѣдующей обыкновенію своихъ предковъ, и возрасла съ отвращеніемъ отъ варварскихъ ихъ нравовъ. Вообще изъ всѣхъ нашихъ родственниковъ, населяющихъ въ тайнѣ пустыню сію, останаось только двое, кои бѣдѣтъ человѣческое мясо, отецъ мой и еще одинъ старикъ. Они попадающихся къ нимъ несчастныхъ откармливають, и убивъ приглашаютъ другъ друга на пиршество; для коего и вы оба бѣди назначены. Васъ ни-
что

что другое спасло отъ смерти, какъ что, что вы оба исхудали, и о чемъ отецъ мой весьма досадовалъ. Три года навадь тому, какъ возрастъ мой позволялъ отцу моему взять меня къ себѣ. Въ сіе время прешерпѣла я множество побоевъ за состраданіе мое къ несчастнымъ, попадавшимъ въ его жилище, и за отъращеніе мое къ человѣкоядству; онъ морилъ меня дни по шри голодомъ, чшобъ принудить ко вкушенію сей ужасной пищи, но ни чрезъ что не могъ успѣть въ томъ. Къ дополненію моего несчастія, опредѣлилъ онъ меня въ замужство за означеннаго шарика друга своего, которой страшнымъ лицомъ и варварствомъ превосходитъ еще и отца моего. Осторожность, которую наблюдали всѣ наши однородцы стѣ Славяноруссовъ, не позволяла какъ отцу моему, такъ и прочимъ, отлучаться дадѣ двухъ верствъ отъ домовъ своихъ; но чшобъ мщеніе къ непріадамъ не оставалось безъ пищи своей, подѣлали они множество искривленныхъ и прерывающихся стезей въ лѣсу, такъ что спрашивующіе впадающіе на оныя, должны либо попасться въ вырытыя глубокія ямы, или пришши къ ворошамъ нашимъ; что и вы испытали. Слабыхъ бралъ отецъ мой силой, а для вооруженныхъ употреблялъ сонной напишокъ, которой лишалъ ихъ чувствъ

и подвергалъ его волѣ. Вообще, изъ смѣжныхъ къ намъ за лѣсомъ находящихся деревень никто не смѣлъ входить въ лѣсъ сей; потому что изъ давныхъ лѣтъ разнесся слухъ, что въ ономъ обитають лѣшіе(*) очаровывающіе людей, и поймавъ оныхъ поймающіе. Къ чему можетъ быть видѣ и обыкновенія моихъ предковъ подали причину, когда кто нибудь съ ними встрѣтился, и до щастію спасся отъ рукъ ихъ. Когда кто попадался въ добычу оуду моему, имѣлъ онъ за мисю строгой присмотръ, чтобъ я не имѣла ни малѣйшаго съ нимъ обхожденія; онъ не повѣрялъ мнѣ и пищу носить къ нему; что послѣдовало и съ того времени, когда вы попались въ его узы. Онъ вамъшивъ склонность мою къ одному изъ васъ, содержалъ и меня въ заперти. Однако страсть моя внушила мнѣ средство податься вамъ забавленіе. Отецъ мой выпускалъ меня для услугъ ему пристолѣ, и я вамъшивъ, гдѣ онъ хранилъ сонной порошокъ, въ нынѣшній вечеръ всыпала ему онаго въ напитокъ столько, что онъ тотчасъ лишился чувствъ. Теперь (продолжала дѣвица, обращая къ Нону)

(*) Лѣшіе у Славянскихъ идолопоклонниковъ почитались за лѣсные божества, такъ какъ у Грековъ и Римлянъ Сатиры. Считали оныхъ имѣющими человѣческой образъ, но всѣхъ покрывшихъ сивою шерстью.

дану) нахожусь я подъ своею защитою, мой любезной; однако я шрепещу, чтобъ отецъ мой проснувшись не достигъ насъ. Мы всѣ погибнемъ отъ его силы, которой никакой человекъ пропивиться не можеть.

Я и Ноанъ ободряли дѣвицу сію, обнадеживая ее, что простая сила должна будеть уступить оружію, управляемому искусными руками. Мы проѣхали безъ остановки весь шопъ день, не могли выстрѣиться изъ лѣсу. Утомленіе коней нашихъ принудило насъ взять отдохновеніе. По наступленіи ночи, я сналъ на себя стражу, и далъ Ноану свободу успокоить робкую его красавицу; ибо сею услугою долженъ былъ ей за избавленіе мое отъ смерти.

Уже разсвѣло, какъ слышалъ я лай собакъ, который прямо къ намъ приближался; и для того разбудилъ покоящихся любовниковъ, дѣвица услышавъ оный, пришла въ смертельной ужасъ. О боги! вскричала она; эшо наши собаки, напущенныя по слѣдамъ нашимъ. Отецъ мой за нами гонится. Мы услышавъ сіе, приготовились къ оборонѣ, и натянувъ луки, ожидали нападенія. Шестъ страшной величины собакъ, разинувъ пасти прямо на насъ бѣжали; однако мы не допустивъ оныхъ, всѣхъ перестрѣляли. Вскорѣ появился и человекоедецъ, скачущій на лошадахъ съ своимъ другомъ.

Звѣрсобразныя сіи люди имѣли на плечахъ своихъ по великой дубинѣ съ желѣзными шинами. Они устремились на насъ, пронзая клятвы и брань. Ноанъ и я, давъ нѣсколько приближиться, пустили въ нихъ стрѣлы, кои прошивъ намѣренія нашего попали обѣ въ одного старика, и пронзавъ ему грудь, повергли мертвого. Отецъ нашей дѣвицы, увидѣвъ смерть друга своего, заревѣвъ подобно звѣрю, глаза его засверкали какъ угли, пѣна покрыла снѣга его губы, и онъ со взмахнутою дубиною кинулся на насъ. Я успѣлъ стрѣлою выбить ему глазъ; а онъ умертвилъ коня его. Текущая кровь лишь умножила его ярость; онъ вскочивъ съ земли, вырвалъ изъ глаза своего стрѣлу и изгрызъ оную. По томъ опустилъ на меня дубину свою съ такимъ жестокимъ размахомъ, что раздробилъ бы меня; ибо когда я уклонился и ударъ пришелъ въ близъ стоящее дерево, стибъ оное съ кореня. Шины дубины, увязшіе въ дерево, понудили его освободить оную; но между тѣмъ я обнаживъ мечъ, отсѣкъ ему руку. Тогда сей извергъ природы, видѣвъ свое изнеможеніе, обратилъ все мщеніе на дочь свою: онъ бросившись на нее, перегрызъ ей горло и пилъ кровь. Хотя удары мечей нашихъ тысячею ранъ изшоргли изъ шѣда меракой духъ его; но не могли спасти не-

не-

мещастную нашу набавишельницу: она была уже мертва. Мы пожалѣли объ ея участи, и отдавъ шѣлу ея погребеніе, шрупъ отца ея оставили въ добычу хищнымъ звѣрямъ.

Напоследокъ выбрались мы изъ той пустыни, и достигнувъ жила, увѣдомились, что война прекратилась; что войска буншовщиковъ всѣ разбиты, самъ *Худоярѣ* казненъ въ Хомоградѣ, и что всѣ войска Славнорусскія разпущены по домамъ. Хотя я прилагалъ всевозможное стараніе узнать, куда обратился *Семирѣ*, но никто не зналъ сего. Я прибылъ въ Хомоградъ, и тамъ отъ нѣкоторыхъ военачальниковъ свѣдалъ, что *Семирѣ* излѣчась отъ ранъ своихъ, отбылъ изъ воинскаго стану, не извѣстно куда. Сколько ни безуспѣшно было мое исканіе, но я радовался по крайней мѣрѣ тому, что другъ мой выздорѣвалъ. Я клялся не прежде успокоиться, пока найду его и выведу изъ подозрѣнія объ моемъ дружествѣ къ нему, рассказавъ случай меня съ нимъ разлучившій. Въ семъ намѣреніи странствовалъ я по разнымъ странамъ, не получивъ объ немъ ни малаго свѣденія. Наконецъ рѣшился прибѣгнуть къ Вужанскому боговѣщалищу, гдѣ получивъ одинакій съ братомъ мойи отвѣтъ, прибылъ въ сіе мѣсто. — —

Ну-

Нурединъ окончалъ свою повѣсть. *Вадимъ*, который до того занимался повѣствованіями *Сараффы* и дѣшей ея, позволялъ влюбленному *Арпаду* восхищаться вѣнцемъ на его *Предславу*: подступилъ къ нимъ, напомнилъ *Арпаду*, что возлюбленная его еще не знаетъ, какимъ таинственнымъ союзомъ соединилъ ихъ съ нимъ дружба и родство. Тогда *Арпадъ* представилъ *Предславъ* супруга сестры своей. Послѣ взаимныхъ привѣтствій всѣ просили *Предславу*, рассказать приключившееся съ нею со времени разлуки ея съ *Арпадомъ*. Почему она начала слѣдующее :

Приключеніе Предславы.

Нашедши себя предоставленну безъ всякой защиты, во власти *Рослава*, злѣйшаго врага моего, я не предвидѣла себѣ иной оспрады, опрочъ смерти. Злонравной сей Князь, снявъ тогда съ себя личину, и опложивъ почтеніе, началъ обращаться со мною какъ бы съ невольницею. Онъ угрожалъ мнѣ насиліемъ, еслии я не согласусь, забывъ моего возлюбленнаго *Арпада*, вышши за него замужъ. Предложеніе сего рода могло ли пріятно быть для сердца, ваяншаго достойнѣйшимъ и почтительнымъ любовникомъ? Но мнѣ не осталось тогда иного

го средства, какъ только прибѣгнуть къ прищворству. Я принявъ на себя ласковой видъ, отвѣчала моему гонителю, что сословіе мое не позволяеть мнѣ теперь помышлять о бракѣ; но когда уже судьба предопредѣлила меня въ его власть, конечно я соглашусь лучше быть его женою, нежели невольницею. Однакожь *Раславъ*! (продолжала я) естли присутствіе Дакскаго Князя, или сдѣланіе мое къ оному приспращіе и могло зашишь твои достоинства, то конечно не чрезъ угрозы и пренебреженіе меня можешь ты пріобрѣсти мое сердце. Таковыми и подобными симъ словами умѣла я столько обольщивъ *Раслава*, что оный началъ обходиться со мною съ великимъ почтеніемъ, и не входилъ въ покой мой ни ночью, ни безъ моего позволенія. Между тѣмъ я находила свободное время проливать слезы; разлука съ родителами моими не столько была для меня горестна, какъ воображеніе о участи любезнаго моего *Арпада*. Мнѣ представлялся онъ во узакъ рабства; Князь, рожденный для престола, подверженный неволѣ, единственно изъ любви ко мнѣ: то могла ли я измѣнить ему? тысяча смертей не представлялась мнѣ съ шакковымъ ужасомъ, какъ судьба, угрожающая мнѣ въ объятіяхъ ненавистнаго *Раслава*. Отчаяніе овладѣло тогда мною, однако бо-

ги

ки, зацѣпляющіе невинныхъ и покровитель-
 ствующіе чистосердечной любви; истребляю
 въ душѣ моей всѣ помыслы, вооружающіе
 руки мои на собственную жизнь мою. Миѣ
 представилось, что я не себѣ одной должна
 сбереженіемъ шѣхъ дней, кои по славнѣй-
 шимъ клятвамъ принадлежатъ любезному
 моему *Арпаду*. — Конечно такъ! вскри-
 чавъ Князь Дакскій, давно избирающій
 удобное время, чтобъ поцаловать ея руку;
 онъ поцаловалъ оныя обѣ, и пришолъ до
 нѣсколька разъ; и цаловалъ иногда не кста-
 пи: однакожь никто того не замѣчалъ. *Пред-
 слава* продолжала: — И такъ опредѣлила я,
 вручивъ себя Провидѣнію, спараться изба-
 виться отъ ненавистнаго миѣ любовника бѣг-
 ствомъ. Миѣ позволено было прогуливаться
 на палубѣ нашего судна, и я сообщивъ о
 ссѣчь моемъ намѣреніи *Раславу*, съ притвор-
 ною ласковостію подала руку ему; въ про-
 долженіи нашей прогулки примѣшила я лод-
 ку; привязанную къ корню нашего судна. Я
 рѣшилась въ глѣдующую ночь сѣсть въ оную
 и выѣрись себя морю. Ласки мои столько
 ослабили *Раслава*, что онъ въ доказатель-
 ство своего почтенія свелъ карауль, ко-
 торой по всякую ночь хранилъ двери моей
 каюты. Густой шумамъ происшедшій предъ
 вечеромъ, облегчилъ побѣгъ мой. Когда глу-
 бокая ночь успокоила всѣхъ: я вышла тихо,
 и мимо спящаго кормчаго съопасностію жив-
 ни

ни моей спустилась въ лодку, отвязала бую, и предавшись во власть боговъ, поплыла на щастіе. Не могу я описать страху мною овладѣвшаго, когда я увидѣла себя одну среди открытаго моря. Я избѣгла отъ рукъ *Раславовыхъ*, но могла впасть опять въ оныя: сверхъ того всякой встрѣчающійся разбойникъ, всякой мущина, могъ бытъ для меня *Раславъ*. Безпрестанно оглядываясь на всѣ спорсны, шептала я отъ cadaго облачка, вдали на горизонтѣ появляющагося: все мнѣ представлялось гонящимся за мною моимъ непріателемъ. Поднявшійся между тѣмъ вѣтръ воздвигъ ужасныя волны: колеблющееся море съ каждымъ валомъ угрожало мнѣ погибелью. Буря столько наконецъ усилилась, что отъ одного бросанія моей лодки приключилась мнѣ сморокъ. Не знаю я, что между тѣмъ со мною происходило, но надобно думать, что безчувствіе мое было продолжительно; ибо пришедъ въ себя, увидѣла я себя лежащую на пустомъ берегу, и морскую воду текущую съ моего плащя.

Не вѣдала я, въ какой части свѣта нахожусь, и не могла примѣнить жилища, гдѣ бы можно освѣдомиться, далеко ли сброшена я отъ государства моихъ родителей. Первое мое дѣло состояло въ принесеніи безсмертнымъ шеплыхъ моливъ, за
и-

избавленіе мое отъ моего гонителя и отъ пошопленія ; ибо не сомнѣвалась, что по опроверженіи лодки вынесена была на берегъ морскими волнами. По томъ пошла я чрезъ пустыню, пишаясь одними кореньями правѣ. Одежды мои сполли великой цѣны ; но я съ радостію промѣняла бы оныя тогда на рублища нищаго, чтобъ скрыть мой полѣ. Вродивъ болѣе шрехъ сушокъ, приблизилась я наконецъ къ горамъ, и при подошвѣ оныхъ увидѣла престарѣлаго пасхуха, спрегущаго стадо. Я спросила у него, въ какой странѣ находишься мѣста, на коихъ онъ обихаетъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ съ простосердечіемъ, что стадо сіе надлежитъ Вельможѣ Лесгиспанскому (*), котораго я неводникъ. Узнавъ таковымъ образомъ, что я не весьма далеко нахожусь отъ областей Волгарскихъ, просила пасхуха промѣняться со мною одеждою. Онъ посмотрѣлъ на меня пристально, обозрѣвъ съ ногъ до головы, и улыбувшись на оное согласился. По простотѣ своей конечно счелъ онъ меня сумасшедшею, что я отдавала ему платье, украшенное самоцвѣтными камнями и жемчугомъ, за толстыя и запачканныя рублища : впрочемъ не беспоко-

ясь

(*) Лесгиспанъ нынѣ надлежитъ къ имперіи Персидской, и находится на Западной сторонѣ Каспійскаго моря.

Ясъ ѿ томѣ, кто я, промѣнялъ ихѣ, и давѣ
 мнѣ кувшинѣ молока, часть сыру и хлѣба,
 погналъ прочь свое стада. Пища сего роду
 Юслаѣ травѣ и сырыхѣ кореньевѣ показав-
 лась мнѣ весьма роскошною; я укрѣпила
 оною истощенныя мои силы, одѣлась въ
 шажкое пастухово одѣяніе, и запачкавъ ли-
 це мое грязью, пошла въ виду морскаго бе-
 рега, избирая мѣста необитаемыя, чшобѣ
 избѣгая противныхѣ встрѣчѣ, могла достиг-
 нуть къ устью рѣки Амела, и слѣдствен-
 но въ Ашарѣ городѣ, надлежащій моему
 родителю. Однако нещастіе мое не дол-
 го позволило мнѣ питаться сею надеждою:
 по двунѣдѣльному странствованіи набѣжали
 на меня Половцы (*), и по обыкновенному
 своему промыслу взяли меня въ плѣнѣ.
 Сколькѣ ни старалась я скрыть полѣ мой,
 разбойники сіи оныи примѣтили, и прину-
 дивѣ меня обмывъ грязь съ лица моего,
 нашли оно столько прекраснымѣ, что
 въ томѣ же часѣ назначили меня въ подарокѣ
 своему Князю. Они посадили меня на завод-

Часть IV.

В

ную

(*) Половцы обитали по близости къ Азову.
 Вначалѣ составляли они малую кочующую
 орду, происшествіе которой покрыто дре-
 вѣстію; но въ послѣдствѣ умножившись, на-
 ходили Россіи великое безпокойство, и имѣ-
 ли города Шураканѣ, Сугровѣ, Валинѣ и Чен-
 цюевѣ.

ную лошадь, и возвращаясь домой, оказывали мнѣ нѣкоторое почтеніе. Ежели новое бѣдствіе сіе стѣснило мою душу: по крайней мѣрѣ радовалась я, что грубые Половцы, назначивъ меня для своего Государя, не могли покуситься на честь мою. Надежда ободрила меня, что Половецкій Князь по крайней мѣрѣ не будетъ столько грубъ, какъ его подданные; уваживъ мои нещасія, природу, ближнее соседство съ Волгарами, и съ честью препроводивъ меня къ моимъ родителемъ. Но чего было можно ожидать отъ варвара! По нѣсколькихъ дняхъ, въ которые отъ скорой верховой ѣзды пришла я въ совершенное изнеможѣніе, достигли мы къ шатрамъ сей кочующей въ полѣ орды. Меня ввели въ палатку Княжью, и я увидѣла его сидящаго съ своими Вельможами на посланныхъ по землѣ кожахъ дикихъ козъ, пьющаго вино, сдѣланное изъ кобыляго молока, и, къ дополненію моего ужасу, уже очень пьянаго. Онъ обрадовался, получивъ меня въ подарокъ; приказалъ меня немедленно переодѣть, и наградивъ моихъ плѣнителей, усугубилъ попойку. Женщины, которымъ поручено было переодѣвать меня, находили въ лицѣ моемъ много недостатковъ, и осмѣливались говорить, что Князь ихъ съ ума сошелъ, ежели считаютъ меня за красавицу. Я порадовалась было ихъ разго-

ворамъ, думая, что въ самомъ дѣлѣ родилась я не на Половецкой вкусъ, и что Князь проспавшись не захочетъ обидѣть Княжну, произшедшую отъ самодержавныхъ родителей, чрезъ насиліе. Но надежда моя исчезла, когда присланные отъ пьянаго Князя взявъ представили меня предъ онаго. Въ самомъ дѣлѣ она очень пригожа! сказалъ сей дикой Государь своимъ наперсникамъ, повѣдая съ того времени почиташъ меня за свою Княгиню. Онъ посадилъ меня проливавшую слезы близь себя. О! слезы твои, говорилъ онъ, не будутъ печь долго; я постараюсь въ сію ночь опереть оныя. Вы ошиблись, сказала я, пришедъ въ досаду; дочь Болгарскаго Государя не можешь считать за особенное щастіе, когда гнѣвная судьба учинишь ее женою Князька, отправляющаго дикую жизнь. — Ха ха ха! вскричалъ онъ съ смѣхомъ; она дочь Болгарскаго Князя! я очень радъ, что получу такова заживнаго шестя. Тѣмъ лучше Княжна! онедъ твоя подаритъ мнѣ за побою въ приданые городъ Астаръ; мнѣ оный кшатри, и мы наконецъ переѣдемъ жить туда. — Я онеѣтствовала на сіе потоками слезъ. — О! вы очень не къ мѣсту печальны, сказалъ онъ; поберегите слезы свои до пристойнѣйшаго случая, и не мѣшайте намъ веселиться. Послѣ этого налилъ онъ свою чашку, выпивъ, при-

казалъ гостямъ своимъ подражать себѣ, и видѣвъ, что я не перестую плакать, приказалъ меня опустить на свою постель. Придворные его проводили меня въ другой шатеръ, поцаловали мою полу, и осматривали меня одну разсуждавъ объ моемъ бѣдствіи. Озираясь въ отчаяніи по стѣнамъ шатра, увидѣла я вислицій кинжалъ, которой схвативъ, спрашивала за мои одежды, швердо намѣрившись поразить онымъ моего насильника; естли оный до меня коснется. Въ семъ намѣреніи дегла я на постель и покрылась одеяломъ, сдѣланнымъ изъ звѣриныхъ кожъ. Сердце мое возшептало, когда шумъ приближающихся къ шатру возвѣстилъ мнѣ приходъ въобразнаго моего властителя. Однакожъ оный столько былъ пьянъ, что звелъ его двое подъ руки, и почти безчувственна положили ко мнѣ на постель, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько минушъ захрапѣвъ въ крѣпкомъ снѣ. Сто разъ я покушалась воззять ему кинжалъ въ сердце Вы бы очень хорошо это сдѣлали! сказалъ *Ариадъ*, блвдибующій въ лицѣ съ самого того времени, какъ *Предслава* начала разсказывать о прибытіи своемъ въ шатеръ Половецкаго Князя. Она усмѣхнулась, взглянувъ на своего любовника, и поцаловавъ его съ нѣжностію, продолжала: Боги, сохранившіе мою невинность, учредили инако ващиченіе свое ко мнѣ.

Я покушалась убить его въ томъ инстинктѣ что послѣ шумства его учинюсь необходимо жершвою сего неистоваго челоѵка; но разсудивъ, что по смерти его предосаваю себя мщенію и наглоспямъ всего общества грубыхъ Половцевъ, ослала мое предпріятіе. Между тѣмъ вошло мнѣ въ умъ, что могу я избавишься изъ моего плѣну не обгаривъ рукъ моихъ въ крови челоѵческой. Мнѣ извѣстно было обыкновеніе Половцевъ, что предъ каждымъ шашромъ находишся у нихъ осѣдланый конь во всякое время; я покусилась употребить то въ мою пользу. Я съ осторожностію встала, выглянула изъ шашра, увидѣла коня и въ сторонѣ нѣскольکو пьяныхъ Половцевъ, спящихъ со всякою безпечностію. Ни что не препяшествовало моему побѣгу, и я сколько осмѣлилась, что сверхъ моего женскаго одѣянія успѣла надѣть кафшанъ и шапку Половецкаго Князя. По томъ опоясавъ его саблю, вышла, отвязала коня, сѣла на онаго, и съ осторожностію выѣхала изъ кочевья Половецкаго. Тогда пустилась я во всю прыть, такъ что въ вечеру другаго дня, когда уже ушомленый конь мой упалъ, достигла я въ области Козарскія. Народъ сей былъ просвѣщенной, и для странствующихъ не находилось опасности въ областяхъ, управляемыхъ великодушнымъ *Абрадатомъ*. Я назвалась плѣнникомъ.

комъ, спасшимся изъ неволи отъ Целовцевъ: по чему всюду оказывали мнѣ страннопріимство. Принявъ успокоеніе по прешерпѣнныхъ сполькихъ трудахъ и опасностяхъ, намѣрилась я при купеческомъ караванѣ отпра-виться въ мое отечество: и для того про-давъ шапку Полсвецкаго Князя, украшенную жемчугомъ, Армянскому купцу, купила себѣ на полученные за оную деньги коня. Армянской оный купецъ отправлялся въ Астаръ, и предлагалъ мнѣ свое шоварищество въ до-рогѣ, съ кошорымъ и вступила я въ путь.

В Е Ч Е Р Ъ XXXIX.

Сколь пріятны были воображенія мои, когда по прешерпѣннн разныхъ злоключеній приближилась я къ предѣламъ моего отече-ства! Тогда лишь прямо ощущала я удо-вольствие, ожидающее меня въ свиданіи съ ибжными родителами; но тогдажь однако несла съ собою неисцѣльную рану въ серд-цѣ моемъ. Любезной мой былъ разлученъ со мною; онъ могъ погибнуть подъ бременемъ невольническаго ига, и пользы Государствен-ныхъ могли меня навѣкъ испоргнуть изъ его
объ

обѣяшій. Въ таковыхъ переменныхъ по радостныхъ, по горестныхъ воображеніяхъ находясь, отстояла уже не болѣе двухъ сотъ верстъ отъ границъ Волгарскихъ. Въ то время разнесся слухъ о выходѣ сильной орды Гунновъ отъ предѣловъ Кишайскихъ; въ самомъ дѣлѣ начали появляться въ разныхъ мѣстахъ поредовыя шолпы оныхъ, кони, оставя вѣвѣ Государство Волгарское, чрезъ области Славянорусскія. Мы ускорили нашу Бѣду и удвоили осторожность; однакожь ибѣли нещастіе впасть въ плѣнъ Гунновъ. Армянинъ и я заключены въ оковы, и присоединены къ прочему множеству плѣнниковъ, которыхъ гнали какъ бы скотину. При таковомъ бѣдствіи починала я за великое щастіе, что полъ мой остался неизвѣстенъ въброднымъ Гуннамъ. Насъ повели къ Гуннигарду, куда всѣ орды имѣли путь свой для соединенія съ однородцами своими прежняго выхода. Между тѣмъ грабежи, кои они проваживали въ областяхъ Славянорусскихъ, привлекли на нихъ силу *Гардориковъ*. По шредневномъ моемъ плѣнѣ, прикрытіе, съ которыми вели невольниковъ, прешерпѣло нападеніе отъ Славяноруссовъ. По кровопролитномъ сраженіи Гунны были побиты до единого, и плѣнникамъ возвращена свобода, въ числѣ коихъ и я получила вольность. Не смѣла я шествовать къ предѣламъ моего ошечества; ибо степь между

онныхъ наполнена была Гуннами; и для чего обратилась во внутреннія области Славяно-русскія. Намѣрене мое было, явись при Дворѣ *Гардорикумъ*, яко союзницѣ съ Болгарскими, просить у сего Князя покровительства и пристойнаго продолженія въ мое отечество. Однако боги, инако расплагающіе судьбою мою, привели меня въ окрестныя мѣста сего убѣжища. Вскорѣ услышала я о славной предсказательницѣ, и тогда любовь внушила мнѣ спросить ее объ участи моего дражайшаго *Ариада*. Великодушная *Сараффа*, узнавъ подробно о моихъ несчастныхъ приключеніяхъ, и оказавъ ко мнѣ намернее состраданіе, убѣдила меня до времени остаться съ собою въ сей пещерѣ. Представленія ея показались мнѣ столько основательными, что я должна была онымъ послѣдовать. И наконецъ, благодареніе богамъ, я врю любовнаго моего возвращенна моимъ желаніямъ. — —

По окончаніи повѣствованія *Предславина*, Князь Дакскій продолжая восхищенные лобзанія рукъ своей любовницы, рассказалъ ей въпервыхъ о гибели общаго ихъ врага *Раслава* ошъ руки сестры его; по томъ достоверное извѣстіе о здравіи ея родителей, и о смерти брата ея, учинившей ее наслѣдницею Болгарскаго Княженія. Последнее извѣстіе повергло въ слезы безпристрастную

шную *Предславу*; однакожь утѣшенія ея любовника были достаточны вскорѣ отереть *Юныя*. Заспигшая ночь между шѣмъ принудила *Вадима* и товарищей его проводить оную въ сей пещерѣ. *Сараффа* угостила ихъ по Царски; показала имъ неисчетныя сокровища, доставшіяся ей послѣ разбойниковъ, и отвела особливый богатый убранный покои для успокоенія.

Поушрѣ *Сараффа* объявила свое желаніе слѣдовать съ ними въ *Хомоградъ* для соединенія съ своимъ супругомъ: надлежало по тому вывезти изъ пещеры сокровище. *Вадимъ* для распоряженія сего намѣренъ былъ послать въ войско своего оруженосца, но сей не имѣлъ труда совершить повелѣнное; ибо нашелъ почти всѣхъ военачальниковъ со множествомъ воиновъ слѣдующихъ къ пещерѣ, куда привлекло ихъ безпокойство объ отсутствіи *Вадимовомъ*. Немедленно привезена была колесница для *Сараффы* и *Предславы*; деньги и дорогие камни навьючены, а прочее все, какъ-то платье, събитыя припасы и напитки, отданы въ добычу воинамъ. Таковымъ образомъ свѣдѣвшія особы торжественно воспріяли путь къ *Хомограду*. Радость всеобщая сокращала дорогу, и каждый предметъ приносилъ веселіе сердцамъ успокоеннымъ. Они

новшорями приключенія свои, и ончасу болѣе утверждали свое дружество.

Въ нѣкошорый день, когда *Вадимъ* для отдохновенія войску опредѣлилъ дневаніе, и обходя шатры для надзиранія порядку, вѣдущаго поспѣшилъ Готфскаго военачальника. Подходя къ шатру его, увидѣлъ онъ множество людей, и при томъ громкой смѣхъ слышанъ былъ внутри шатра. Любопытство понудило его, удвоивъ шаги, спросить, что значитъ сіе собраніе. Отвѣчая ему, что приведенъ воръ ошибно справной, котораго поймали при кражѣ лошадей. *Вадимъ* вошедъ тихо, и запретивъ извѣщать о своемъ приходѣ, слушалъ причину смѣха. Ты будешь повѣшенъ! говорилъ сему владѣю Готфской Полководецъ. Ахъ, господинъ Судья! ошибчалъ воръ спавши на конѣ; я не хотѣлъ и въ мысляхъ не имѣлъ украсть вашу лошадь. Вотъ какъ дѣло было: я шолъ очень долго пѣшъ, и увидѣлъ такое множество лошадей, что и смѣшился. Ну! подумалъ я, эшошь богашой господинъ не осердится на меня, когда я возьму только одну лошадь для сбереженія ногъ моихъ. Конюхи ваши спали; я взялъ одну лошадь, и поѣхалъ было, однако эши плуты (продолжалъ онъ, показывая на воиновъ) поймали меня, и сказали, что я воръ. —

Пе-

Послѣ сего подступя къ Готфскому Полководцу, говорилъ ему какъ бы за тайну: слушай господинъ Судья! ты и въ умѣ себѣ не бери, чшобъ меня повѣсить! Для шго, какъ свѣдаетъ объ этомъ мой баринъ, кошорой рдился пдъ дубовымъ кустомъ, и кошорой очень сердитъ и силенъ, шо тебѣ еще хуже будетъ, нежели шому смѣльчаку, кой обидѣлъ его у пригожей барышни. — По шаковымъ словамъ *Вадимъ* узналъ вѣрнаго своего слугу *Простя*, и обрадовавшись, вкричалъ ему: не боися ничего! я здѣсь! *Простай*, узнавъ *Вадима*, вспрыгнулъ къ верьху, бросился къ нему, поцаловалъ полу его плашья, и спрятавшись за него, кричалъ къ Готфскому Полководцу: ты очень щастливъ, господинъ Судья, что я не сердитъ! впрочемъ бы мы раздѣлялись съ тобою, какъ должно. Слова его произвели великой смѣхъ; и по смѣхъ *Вадимъ* разказалъ Готфскому Полководцу, какого свойства былъ сей слуга его. *Вадимъ* пригласивъ военачальника къ столу своему, пошелъ представить дружьямъ своимъ нечаянную свою находку. *Простай*, входя въ шатеръ, и увидѣвъ *Арпада* сидящаго съ *Предславою*, предупредилъ господина своего. Ва! кричалъ онъ къ нему; я думалъ, что теба господинъ богатырь и на свѣшѣ нѣтъ, а ты такъ весело посиживаешь съ хорошенькими дѣвушками! *Арпадъ* и *Бурновой* обрадовались, увидѣвъ сего пршосердечнаго соупшнина своего,

его, которой глупостью своею не рѣдко разгонялъ бывшія ихъ печали. *Простай* наговоришь множество словъ, надѣлалъ разныхъ вопросовъ, которые скучно описывать и которые развеселили всѣхъ. Незнающіе *Простая* просили объяснить имъ, что онъ за-человѣкъ; и *Вадимъ* ко всеобщему смѣху рассказалъ прежнія его приключенія, о которыхъ Читатель уже извѣстенъ. Послѣ сего *Вадимъ* приказалъ самому *Простая* объявить приключившееся съ нимъ съ того времени, какъ разлучился онъ отъ него въ Сусолахъ. *Простай*, принявъ на себя важной видъ, началъ слѣдующее:

Второе приключеніе Простаева.

Со мною приключились такія диковинки, что иной, которой бы не шакъ былъ отваженъ, какъ я, давно уже забѣжалъ бы на край свѣта. Когда вы уѣхали не сказавшись никому изъ Сусоловъ, а я остался въ домѣ того богатаго барина, у котораго мы на судѣ были: стало мнѣ по васъ грусно. Правду сказать, что мнѣ жить у него было очень привольно: я пилъ, ѣлъ, сколько хотѣлъ а работы никакой не было: онъ не заставлялъ меня ни лошадей сѣдлать, ни сапоговъ чистить. Однако мнѣ пришло въ голову: хоть онъ себя шеперь и

коч

Кормить; но всё въдь онъ не свой господинъ; а припомъ же и не шакъ силенъ. Случись какая нибудь напрасина, кому защипишь? Чужая рука добра, да не къ сердцу. Кто вели ему вступаться за чужова слугу? Такъ — шо я подумалъ. А припомъ, между нами сказашь, я замѣнилъ, что эпошъ баринъ и всѣ ево люди были пошлые дураки; пошому что они безпрестанно хо-хотали шому, когда я говорилъ очень умно. Они же заспавляли меня насильно разсказывать похождение отца моего и братьевъ; я понималъ, что они это на смѣхъ дѣлаютъ; что мнѣ очень было досадно. А больше всего надобли мнѣ маленькія робашишки, которыхъ у него человекъ съ двашцать; эти плушишки не давали мнѣ проходу, всегда кололи спичками; и ежелибъ ты господинъ мой шумъ случился, не миновать бы поединку! Но безъ себя не чево дѣлать! Ошъ шово — шо мнѣ очень сгрушилось по тебѣ. Правду сказашь, одно меня шамъ удерживало. Дочь эпова барина, кошерую, сказывающъ, ты (говорилъ онъ *Вадимю*) не далъ сѣсть медвѣдю, охотно шла за меня за мужъ и сама мнѣ объ эпошѣ сказывала. Ты де красавецъ мой, говорила она, поди, проси у башюшки меня за себя за мужъ. Ужъ дѣло это чудъ было съ языка не сорвалось; но проклятыя робашишки съ своими спич-

Ка

ками такъ жнѢ надоѢли, что я всѢ бро-
сивъ, пришолъ на свой постоялой дворъ.
Эпошь богатырь (показывалъ онъ на *Арпа-
да*) былъ тогда очень хворъ, и такъ хворъ,
что не думалъ я ему и двухъ дней пере-
дыхать. . . . а теперь смотрико пожалуй!
(продолжалъ онъ глядя на него и *Предсла-
бу*, и качая головою). — Ну, господа!
по томъ вошь какъ дѢло было. Я плюнулъ
на эту глупую землю, и задумалъ искать
моего господина, во что бы то ни стало.
Но чтобы на дорогѢ кто ко маѢ не привя-
зался, вздумалъ я надѢшь плащье господина
Бурноея и назваться его именемъ. Это
очень кстаги, рассуждалъ я; *Бурноей*
таксй сильной и сердитсй челсвѣкъ, что
его всѢ боятся: такъ и меня никто не по-
смѣетъ обидѢть. Я подоѢлся помолодец-
ки, повязалъ саблю, и сѢвши на лучшаго
коня, поскакалъ такъ скоро, что меня ни-
кто не видалъ.

Дорогою безпрестанно спрашивалъ я объ
моемъ господинѢ, описывалъ его росшѢ,
примѢшны, и подробно рассказывалъ, что
онъ родился подъ дубовымъ кустомъ: но
люди эти не умѢе были тѢхѢ, отъ ко-
торыхъ я убрался; они хохотали на меня
глядя, и такъ меня засердили, что чуть
чуть не вытащилъ я саблю. БѢгалъ я по
Большой дорогѢ, и пока было у меня иѢ-
сколь

Сколько денегъ, вездѣ кормили меня и встрѣчали ласково; а какъ деньги изошли, то на одномъ постояломъ дворѣ опилили мою лошадь и вышолкали за ворота. Я очень за это разсердился; но не чево было дѣлать, пошелъ я пѣшкомъ. Миѣ пришлось бы умереть съ голоду, ежелибъ не нагналъ меня по дорогѣ какой-то господинъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, и въ поводу велъ лошадь, навьюченную всякой всячиною; а при томъ замѣтилъ я, что у него въ карманахъ греѣло много денегъ. Онъ спросилъ у меня, что я за человекъ и куда иду? Я отвѣчалъ ему, что я богатырь *Бурноей*, котораго на дорогѣ обокрали, и за шѣмъ иду я пѣшкомъ. Ахъ, почтенный *Бурноей*! сказалъ онъ миѣ; я слышался объ вашемъ имени, и сожалею объ вашемъ несчастіи. Послѣ сего предложилъ онъ миѣ сѣсть на заводную лошадь и съ нимъ виѣсѣ ѣхать. Я очень радъ былъ этому. Дорогою разговаривали мы съ нимъ объ нашихъ дѣлахъ: я рассказывалъ ему все то, что дѣлалъ мой господинъ, такъ какъ бы это самъ я; онъ сказалъ миѣ, что ѣздилъ по сѣшу искашь Княжну, которая бѣжала изъ Болгаръ. — А какъ его звали? спросилъ *Арпадъ Сивоѣ*, отвѣчалъ *Простай*. Тогда узнали, что былъ то *Сивоѣ* варягъ, отправленный *Арпадомъ* въ Дакію. — Ну! (продолжалъ *Простай*) эшомъ

Этотъ Сивой разскавалъ мнѣ, что этой Княжнѣ онъ не поймавъ, и ѣдетъ на свою родину въ Варяги. Мы останоились ночевать въ одной корчмѣ, гдѣ Сивой пилъ много вина, и легъ спать. Я самъ былъ пьянъ, но не такъ, какъ онъ, и вздумалъ отъ него уѣхать. За чѣмъ мнѣ въ Варяги? разсуждалъ я; не лучше ли пошаскаться у него деньги, и взявъ коня, ѣхать куда мнѣ угодно, а не шуды, куда онъ хочетъ. Я нищу своего господина, а онъ ѣдетъ домой, и такъ стало бытъ не по дорогѣ. Забравши это въ голову, пошелъ я осмотрѣть, что было на вьючной лошади. Тамъ въ сумакъ оцупалъ я пропасть денегъ; и обрадовавшись этому, сѣлъ на его лошадь, а другую увелъ съ собою. Я хотѣлъ оставить денегъ; но мнѣ придумалось, что онъ на деньги купитъ себѣ лошадь, догонитъ меня и вызоветъ меня на поединокъ. Надоно знать, господа честные, что я храбрый человекъ; но тогда положилъ варокъ, чтобы не сыскавши господина моего, ошнюдь не вынимать изъ ноженъ моей сабли: и для этого оставилъ я Сивова съ покоемъ. По нѣсколькихъ дняхъ поспѣшая вѣдою, прибылъ я въ большой у моря сшолщій городъ, которой называли Винешою. Тутъ я вздумалъ ждаться моего господина и на денежки свои повеселишься. Я нанялъ себѣ домъ и слугу, и сшалъ жить, какъ

бл:

баринъ. Много шушопинихъ господъ искали моего знакомства, они очень меня почитали: и для того я давалъ имъ попойки. Все бы шло хорошо; но любовь заползла въ мое сердце, и надѣлала мнѣ хлопотъ. Прощивъ оконъ моихъ на другой сторонѣ улицы жила какая-то знатная госпожа; обѣ чемъ я заключилъ по тому, что къ ней по вечерамъ ходило въ гости множество молодыхъ людей. Она всегда въ окошко на меня глядѣла и дѣлала такіе знаки, по которымъ я заключилъ, что она въ меня влюбилась. Однако не осмѣлился пойти къ ней въ гости, пока не пригласила она старушку звать меня къ себѣ. Я пришелъ къ ней, и такъ ласково былъ принятъ, что вздумалъ ночевать съ нею. Госпожа эта по нѣкоторыхъ оговоркахъ и пошрепавъ меня по карманамъ, въ коихъ вѣнчалъ деньги, на это согласилась. Она сдѣлала мнѣ разные вопросы о моей природѣ и о томъ, сколько у меня денегъ; совѣщала мнѣ все свое имѣніе перенести къ ней въ домъ. Здѣсь въ городѣ не безопасно отъ воровъ, говорила она; и въ отсутствіе свое могушь оныя украсть. Совѣтъ ея показался мнѣ добрымъ; я приказалъ слугамъ моимъ, и суммы мои были принесены, и отданы подѣ сохраненіе этой ласковой госпожѣ. Мы препроводили съ нею ночь, какъ лучшіе прішели. Поушру не мало я на-

Часть IV. Г мид-

нился, когда она начала называть меня своимъ мужемъ. Я долго сомнѣвался въ этомъ; но обращеніе ея со мною въ шсмъ увѣрило меня. Я самъ дивился моему безпамятству; ибо хоть сей часъ умереть, не помню, когда была наша свадьба. При томъ я подумалъ, что мнѣ спорить не объ чемъ: люди съ великими хлопотами ищутъ себѣ женъ; а я нашолъ одну безъ всякаго труда, и сверхъ того такую знатную и богатую госпожу. Въ такомъ щастіи жилъ я больше мѣсяца. Всѣ приходящіе къ ней гости поздравляли меня женившись, и у насъ всякой день была пирушка. Одно только мнѣ не нравилось, что всѣ эти гости больше ласкали жену мою, нежели меня. Я пенялъ ей за это; но она ссылалась на обычай тамошняго мѣста, что это такъ водится. Я подумавъ, что и въ самомъ дѣлѣ мое такъ было, пересталъ беспокоиться; и шѣмъ скорѣе, что жена моя не допускала меня ни до какихъ хлопотъ; она распоряжалась моими деньгами, какъ хотѣла, а я жилъ очень спокойно. Изъ двухъ слугъ моихъ одинъ счесть любилъ меня за то, что я ему часто давалъ на вино деньги. Онъ въ нѣкоторой день, когда жена моя съ однимъ пріятелемъ своимъ поѣхала гулять за городъ, сказалъ мнѣ: удивляюсь я вамъ, милостивой Государь, что вы не видите того, какъ васъ

васъ

насъ на носъ водятъ. Я разсмѣялся словамъ
 его, и подумалъ, что онъ пьянъ; для того
 что, какъ бы мнѣ не видать того, когдабъ
 меня водили за носъ. Слуга проникнувъ мы-
 сли мои, счелъ, что я его не понимаю, и
 для того продолжалъ: вѣдаете ли вы, что
 жена ваша, съ которою вы не заключали
 брака, не иная какая, какъ всенародная
 красавица, которую за деньги всякъ имѣть
 можешь? — А мнѣ какая до этого нуж-
 да? отвѣчалъ я; когда здѣсь въ городѣ
 такое обыкновеніе, то вѣдь мнѣ его не це-
 ренѣннать. — Вы меня не разумѣете, про-
 должалъ онъ; она ежедневно приспавляетъ
 къ вашему лбу по нѣскольку паръ добрыхъ
 роговъ, какъ на примѣръ и нынѣ — Я
 усомнился отъ словъ его, побѣжалъ къ зер-
 калу, осматривалъ себя спереди, сзади,
 и съ боковъ; но ни одного рога не видалъ.
 Тогда началъ я дохотать дурачеству моего
 слуга. Въ самое это время вошла жена
 моя. Она спросила меня о причинѣ моего
 смѣху; я рассказалъ ей. Ахъ, какой без-
 дѣльникъ эиотъ слуга! вскричала она съ
 досадою; онъ осмѣливается себя, мой свѣтъ,
 дурачить. Я сей часъ велю его съ двора
 сбить. Въ самомъ дѣлѣ она согнала его, и
 сколько я ни упрашивалъ ее о прощентіи
 ему, она не слушалась. Спашное ли дѣло,
 говорила она, чшобъ допустила я бездѣль-

ника ругашся надъ моиѣ мужемъ. Сло-
шакія миѣ полюбилсь; она стала миѣ мнѣ
прежняго, и мы жили еще нѣсколько вре-
мени.

Вѣ одинѣ вечерѣ съ какими-то
внѣкомыиѣ женѣ моей гостемъ
пришелъ къ намъ шотъ *Сивой*, у котораго
я увезъ деньги и лошадей. Я узнавъ его
очень испугался; онъ самъ узналъ меня,
схватилъ было за воротъ, однако жена
моя выпросивъ у него о причинѣ шакова с-
мною поступка, упростила его переговори-
въ собою на единѣ. Они пошли въ особливую
комнату, и запершись разговаривали часа
съ два. Вѣ это время она шакъ уговорила
его, что онъ вышедши обналъ меня, и ска-
залъ: забудемъ господинѣ *Бурновой* все,
что между нами случилось, и станемъ жить
побратски. Съ сего часа я переѣду къ те-
бѣ въ домъ, и все, что у меня есть, будетъ
у насъ за одно. Я порадовался шакой пере-
мѣнѣ, подоловалъ его; и въ самомъ дѣлѣ
послѣ ужина слуга его привезъ ему постелью,
сундукъ и нѣсколько дорожныхъ сумъ.
Вѣ семь дружествѣ жили мы дней съ пять;
въ которое время я уже готсѣ былъ на-
послѣдокъ съ нимъ раздружишься. Онъ по-
всякую почти ночь выманивалъ меня буд-
то бы для тайнаго разговору, и запиралъ
меня въ чуланѣ, гдѣ держалъ до самаго свѣ-
ту.

шу. Поутру эшо оборачивалъ онъ въ шумъ ку; хоша я шакой шумкѣ очень былъ не радъ. Я вздумалъ самъ надъ нимъ пошумишь, и между тѣмъ, какъ выбиралъ способной кѣ тому часъ, онъ выдумалъ надо мною великой обманъ. Вечеру ужинали мы безъ постороннихъ; онъ и жена моя подчивали меня добрымъ виномъ, и до тѣхъ поръ поили, что я обезпамятѣлъ. Проснувшись увидѣлъ я себя привязаннаго къ столу. Я началъ кричать, и на эшотъ голосъ абѣжала старуха, у кошорой жена моя домъ занимала; она ошвызала меня. Я пошелъ искашь жену мою, но не шокмо ее и Сибоя, но ни денегъ, ни плашья, ни постели не нашелъ; горницы наши были пусты. Я спрашивалъ у старушки, гдѣ все эшо дѣлось? и получилъ въ отвѣтъ: чего тебѣ дѣляшко искашь! Ты знаешь, какая пшица была жена швоя! Она жила съ шобою; а теперь уѣхала съ другимъ, какъ шакия водочайки и всегда дѣлаюшь.

Хоша мнѣ обида эша и очень была досадна, но не чемъ было пособишь. Я не имѣлъ при себѣ ничего, кромѣ нѣсколькихъ копѣекъ, кошорыя не знаю какъ у меня въ карманѣ завалились. Я купилъ хлѣба, и поѣвши въ полсыта, пошелъ по городу искашь жену мою, забравши въ голову ошмстись ей за насмѣшку. Цѣлой день бродилъ

диль я по улицамъ, нигдѣ съ нею не встрѣчалась; но надъ вечеръ замѣнилъ я ее, какъ она съ *Сивымъ* вышла изъ одного дому и пошла гулять. Я припаялся за уголъ, дожидаясь ихъ долго, и уже въ сумерки увидѣлъ ихъ возвратившихся въ тотъ же домъ. Я догадался, что они шумъ наняли себѣ горницы: и для того примѣчалъ, въ кошрѣ они живутъ. Покой ихъ былъ на самую улицу и окно было поднято. Я дождался той поры, какъ они легли спать, и ничего не опасаясь захрапѣли очень скоро. Тогда я насыпавши себѣ въ карманы сухаго пекучаго, вѣбавъ къ нимъ въ окно, и подкравшись началъ имъ обѣимъ набивать онаго въ разнущные рты. Долго они барахтались, но я не отсталъ до тѣхъ поръ, какъ они заснули смирнехонько. —

Ахъ, глупой челоуѣкъ! вскричалъ *Арпадъ*: я такъ ты удушилъ моего *Сивола*? — Нѣтъ, отвѣчалъ *Простай*, совсѣмъ нѣтъ! я только зашкнулъ ему глашку, чтобъ онъ не кричалъ; что мнѣ и удалось. Послѣ чего привязавъ я ихъ къ кровати покрѣпче, и обыскивая, нашелъ сумку денегъ, съ кошорыми убрался опять въ окно, ошущивъ за ихъ насмѣшку. Я побоялся даѣе жить въ семъ городѣ, чтобъ *Сивой* опять не сыскалъ меня, и не отнялъ денегъ; и для того пошелъ прямо за городъ. Къ сѣбу пришелъ я на постоялой дворъ, гдѣ пообѣдавъ

даль хорошо, купилъ себѣ лошадь съ сѣдломъ, и поѣхалъ искать моего господина.

Я слышалъ отъ васъ, что вы часто говаривали про землю Славянскую: и для того подумалъ, что вы конечно туда поѣхали, когда я нигдѣ съ вами не повстрѣчался. Мнѣ показали дорогу въ эту землю; я ѣхалъ долго, и думалъ, что уже нахожусь при краѣ свѣта, когда мнѣ вдругъ сказали, что я въ землѣ Славянорусской. Въ этой землѣ люди такіе же дураки, какъ и вездѣ; они смѣялись, когда я спрашивалъ у нихъ объ моемъ господинѣ, которой родился подъ дубовымъ кустомъ. Я не зналъ бы что дѣлать, естлибъ не попался мнѣ встрѣчу одинъ доброй господинъ.

В Е Ч Е Р Ъ XL.

Этотъ господинъ съ перваго взгляду полюбилъ меня. Онъ выпросилъ у меня, что я за человекъ, куда ѣду, и за чѣмъ. Я сказалъ ему настоящую правду; потому что мнѣ не полюбилось дальѣ называться *Бурновсемъ*: это имя было мнѣ несчастливое. Я описалъ ему господъ моихъ; чему онъ столько обрадовался, что съ полчася смѣялся.

Послѣ того сказааь миѣ, чшобѣ я ѣхалѣ къ нему въ домѣ, гдѣ могу дождашься господѣ своихѣ. Они, примолвилѣ онѣ миѣ, добрыѣ пріашели, и общаались бытъ ко миѣ вгости. Онѣ взяаь у меня деньги на сбереженіе, лошадѣ мою приказалѣ пустишь въ свой шабунѣ, и кормилѣ меня сѣ своего сшодла. Я жилѣ у него, пока снѣгѣ напалѣ, и послѣ того, какѣ онѣ сошелѣ; но васѣ господѣ своихѣ не дождался. Миѣ уже скучно сшало: я просилѣ, чшобѣ онѣ опустушилѣ меня искашь васѣ; но онѣ все проводилѣ меня со дня на день, и показывалѣ миѣ ваши письма, будшобѣ вы общаетесь къ нему бытъ. Не лзя было не повѣришь; по шому чшо я шѣ письма видѣаь своими глазами; вся бумага была написана.

Вѣ это время эшотѣ господинѣ поѣхалѣ куда - шо далеко. У него жена была баба плотная, и еще краше моей жены. Ей струсшилось послѣ мужа, и она призвавши меня, заставила рассказывать мое похождение. Она очень смѣалась моей женидѣбѣ, и спрашивала, о чемѣ я по ночамѣ говаривалѣ сѣ моею женою. Я не знааь, чшо ей сказать; пошому чшо мы сыпали сѣ нею молча. Она начала поднимать меня на смѣхѣ и приставала ко миѣ до шѣхѣ порѣ, чшо я принужденѣ былѣ показать ей все, какѣ дѣдо было. Сѣ шого времени всякую ночь при-

привыкала она меня сказывать сказки, и я не могъ сомнѣваться, что въ этой землѣ есть обычай женамъ въ ошлучку мужа выводить за мужъ за другаго. Я готовъ уже былъ показывать себя въ домѣ ея господиномъ; но она мнѣ накрѣпко запрещала сказывать, что я на ней женился. Здѣсь такой обычай, говорила она, что естъли ты хоть слово объ этомъ скажешь, то я уже не буду жена твоя. Я обѣщавъ это сдѣлать, и не хотѣлъ потерять ее. На послѣдокъ прѣхалъ господинъ домой, и съ тѣхъ поръ меня уже не звали сказки сказывать. Мнѣ досадно было, что онъ скоро возвратился и спалъ по прежнему мужемъ. У этого господина была сестра, еще лучше жены его, я вздумалъ на ней жениться, и пришедши къ нему, спалъ требовашъ, чтобъ онъ ее за меня выдалъ. Онъ сѣлся словамъ моимъ, и сказалъ въ отвѣтъ: моя сестра барышня, а ты слуга, какъ не пригоже ее за тебя выдать. — Нѣтъ! вскричалъ я съ сердцемъ, я уже не слуга, когда на твоей женѣ женился. Какъ женился! сказалъ онъ испугавшись; для того что въ лицѣ побѣднѣлъ. Я ему рассказалъ, какъ дѣло было. Это ему не полюбилось; онъ ударилъ меня въ щоку, и ежелибъ я на тошъ часъ не оробѣлъ, тобъ вѣднѣлся ему въ волосы. Онъ ушелъ отъ меня, и побоявшись далѣе со мною

драшься, вымѣстишь это на женѣ своей; а меня сослалъ въ другую деревню, и велѣлъ меня заставить свиней пасты. Посмотрю, что будешь далѣе, думалъ я; видно, что мнѣ здѣсь долго не уживься. Я ждалъ, что онъ опять куда нибудь уѣдетъ, и жена его по прежнему за меня выделъ: ни шумъ-то было! ужь стали сѣно косить, а я всѣо свиней пасъ. Постой же! вздумалъ я; когда такъ, я опсмѣю твою шушку. Я загналъ свиней въ лѣсъ, и самъ далъ тягу. Долго я ходилъ по деревнямъ, добрые мужики кормили меня вездѣ; и не требовали денегъ за это. Вчерась услышалъ я, что идетъ войско. Я съ роду эшова не видывалъ, и захотѣлъ посмотреть, что это за звѣрь. Мнѣ показали, въ которую сторону ийти надобно; я два дни бѣжалъ безъ отдышу. Нынѣ увидѣлъ я поушру большое стадо лошадей, а сторожи при нихъ спали. Мнѣ подумалось, что не велика бѣда изъ такова большаго стада взять одну лошадь; и припомъ не для чего инаго, что уже я пѣшкомъ идучи ноги отбилъ. Я поималъ лошадь, сѣлъ было и хотѣлъ ѣхать, да чортъ меня догадай разбудить одного сторожа и спросить у него, куда ѣхать къ войску. Онъ вскочилъ, поглядѣлъ на лошадь, схватилъ ее за поводъ, и закричалъ, что я воръ. Товарищи его сбѣжались, и

сколь-

сколько я имъ плутамъ не доказывалъ , что я честной человекъ; сколько ни грозилъ имъ именемъ моего господина : они связали мнѣ руки назадъ и приняли къ суду. Не знаю, что бы со мною было , естълибъ ты мой господинъ не приспѣлъ на выручку. Тушь-то у меня какъ гора съ плечь свалилась. — —

Повѣствованіе *Простаево* развеселило всѣхъ слушателей; онъ ушѣхалъ ихъ своими разговорами во время пути , котрой продолжали къ Хомограду, и ревновалъ къ *Арпаду* , что *Предслава* столько къ нему ласкова; ибо онъ былъ дуракъ со всѣми качествами.

Наконецъ появились вдали златоверхнія зданія Хомоградскія. *Гардорикъ* обремененный благодареніями мнѣмъ *Мстислава* , не зналъ, чемъ вѣще доказать ему свое признаніе. Великодушная встрѣча предводительствована была имъ самимъ; онъ выѣхалъ на нѣсколько верстъ со всѣми своими Вельможами , и для мнѣжайшаго обязательства возлюбленную его *Бряциславу* везъ въ своей колесницѣ по правую сторону. *Савраа-заръ* и *Озана* были въ числѣ занимающихъ мѣста въ колесницѣ его. *Гардорикъ* вышелъ, приближась къ нему обнялъ его , называлъ своимъ наставителемъ , другомъ , и возложилъ

ему

ему на шею владную цѣпь, снявъ съ своей шеи. Всѣ Вельможи ошдали ему Царскую почесть; народъ радостными восклицаніями наполнялъ воздухъ, и устналаъ пушь его своими одеждами. *Брянислава* съ радостными слезами прижала его къ своему сердцу, и сей Герой въ одномъ ея поцалуѣ нашелъ награду всѣхъ понесенныхъ трудовъ своихъ. *Арпадъ* привелъ къ сестрѣ своей возлюбленную свою *Предславу*. Нечаянная сія встрѣча умножила ихъ радость. Самъ *Гардорикъ* изъясняющій всѣмъ соудникамъ *Вадимовичъ* побѣдъ благодарность, узнавъ о щастіи *Арпадовомъ*, не могъ довольно изъяснить свою радость. Онъ забылъ, что онъ Государь, и привѣтствовалъ, какъ другъ. Но сколь ни привлекательно было сіе позорище въ другой сторонѣ предстоало поразительнѣйшее явленіе для всѣхъ чувствительныхъ сердець. *Сараффа* въ обѣихъ рукахъ вела сыновъ своихъ представить Царю Колхидскому. Перо слабо начертать сіе свиданіе. Должно представить иѣжнаго супруга и родителя: что можешь онъ ощутишь въ часъ шотъ, когда неожиданно увидишь супругу, щитаемую за погибшую, и дѣшей, коихъ не видалъ онъ со младенчества ихъ? *Сараазаръ* не могъ произнестъ, кромѣ словъ: *Сараффа!* любезныя дѣши! это *Семіръ*,

Ну-

Гурединъ? Объявля ихъ пресѣкали, и слезы радости кашились по бѣлой бородѣ его.

По прошествіи первыхъ врснорговъ началось шествіе въ Хомоградъ. Придворныя колесницы раздѣлили по себѣ высокія селенія: *Гардорики* не опустили отъ себя *Вадима* и *Арпада* съ ихъ возлюбленными; *Савраазаръ* сълъ съ супругою и дѣтьми своими въ другую, а *Бурновей* съ своею *Озаною*. Готфскій Полководецъ съ присоединившимся *Русижомъ* имѣли честь ввести въ городъ отрядъ побѣдоноснаго войска съ трофеями. Въ шотъ самый день розданы награжденія Готфскимъ военачальникамъ и всему войску, равно и Варягамъ; всѣ они угощаемы были великолѣпно чрезъ нѣсколько дней, и по врученіи наконецъ благодарныхъ грамотъ отъ *Гардорика*, и *Вадима* къ Королю Готфскому, опущены съ честью.

Между шѣмъ, какъ при дворѣ Славяно-русскомъ происходили шоржества и веселія, когда весь народъ угощаемъ былъ изъ Княжеской казны, должно упомянуть о важнѣйшемъ приключеніи.

Наушро по прибытіи въ столицу мнимаго *Мецислава*, Славянорусскій Князь повелѣвъ въ думной свой чертогъ собратъ первосвященнику, вельможамъ и военачальникамъ. Самъ *Вадимъ* приглашенъ былъ къ шому

ну онъ его имени чрезъ *Русма*. Всѣ со-
 брались по повелѣнію, и ожидали прибытія
 Государева, переговаривая между собою, что
 бы значило чрезвычайное такое собраніе.
 Наконецъ двери внутреннихъ терзоговъ рас-
 шворились. *Гардоркъ* вступилъ послѣдуе-
 ный *Урманомъ*, которой несъ на акса-
 нишной подушкѣ скипетръ и державу...
 Подступи, великодушный Герой! (сказалъ
 Князь *Вадиму*) собраніе, представляющее
 мое отечество, созвано не для чего иного,
 какъ узнать волю своего Самодержца, опре-
 дѣляющаго всезвѣдѣ твоимъ заслугамъ. Благо-
 дѣянія твои ко мнѣ и ко всему Славяно-
 русскому Государству столь велики, что
 не можно воздашь ихъ, кромѣ самаго вѣнца,
 которой возвратилъ ты на главу мою. —
 Да будешь извѣстно (продолжалъ онъ, обра-
 щаясь къ своимъ подданнымъ, и снимая съ го-
 ловы своей корону) Вельможамъ, войску,
 и всему народу, что мы, не имѣя наслед-
 никовъ, избираемъ въ содѣржаніе и наследіе
 престолу непобѣдимаго *Мечислава*. —
 Вельможи и всѣ въ собраніи бывшіе едино-
 гласно воскликнули: да здравствуетъ *Мечи-
 славъ*, Князь Славянорусскій! — *Гардоркъ* про-
 стиралъ руку съ короною для увѣнчанія
Вадимова; но сей безпримѣрный Герой
 отступивъ, сѣлъ на колѣно, и ошебчалъ слѣ-
 дующее: великій Государь! не за сію цѣну при-

принесла я жертву добродѣтели. Имѣла я в жизни не однократно случай возвыситься до престола; но никогда не хотѣла вступить онаго законныхъ наследниковъ. Вы, государы! имѣете брата, и ему по васъ надежьтесь ввѣдѣ сей. Увы! возопилъ *Гардорицъ*: не припоминай объ несчастномъ; слова твои раздирающъ язву моего сердца. *Гардорицъ* безроденъ; властолюбіе лишило его сей отрады. *Вадимъ*, возлюбленный *Вадимъ*, могъ бытъ подобенъ тебѣ въ добродѣтели Но ожесточеніе мое (продолжалъ, прерывая отъ рыданій) изгнало его изъ опеченства, повергло во гробъ. *Урманъ* принесъ мнѣ вѣсть сію, и съ нею извѣкъ выгналъ покой изъ несчастной души моей. . . . — О Государь! (вскричалъ *Вадимъ* проливая слезы и бросаясь къ ногамъ его) раскалите свое испоргаешь мою тайну - - - болѣе не могъ онъ выговорить; *Гардорицъ* одѣвпенѣвъ, и въ молчаніи влиралъ на всѣхъ, ожидая объясненія. Тогда *Урманъ* и *Русимъ* приступаютъ къ нему, повергаются на колѣни, и вопіютъ: познай его, Государь! *Мечиславъ* защитникъ твой — Скажите, прерываетъ *Гардорицъ*, обрадуйте сѣбѣсненную душу. — Это *Вадимъ*, братъ твой! При словѣ семъ новая жизнь простирается въ жилахъ *Гардорицковыхъ*, слезы лиются потоками изъ очей его; онъ подѣмлетъ *Вадима*, прижимаетъ

знаетъ его къ своему сердцу, и лишаетъ
 чувствъ въ его объятіяхъ. Всѣ бросающіе
 на помощь къ своему Государю, и объе-
 ляющіе колѣна *Вадимовы*. Князь приходитъ
 въ себя, добзаетъ снова своего брата,
 проситъ у него прощенія съ шаковыми ра-
 казіемъ, что все собраніе проливаетъ са-
 вы. — Великій Государь, и любезнѣйшій
 братъ! въздаль къ нему *Вадимъ*: сей часъ
 есть благополучнѣйшій въ моей жизни.
 никогда не желалъ иного, кромѣ чшобъ
 доказать вамъ, что я искалъ только любви
 вашей. Сіе совершилось, и *Вадимъ* всегда
 будетъ вашъ вѣрный подданный. — Если
 еще средство мнѣ поправиться (сказалъ *Гар-
 дорикъ*, воспріявъ важный видъ); я лишаю
 себя удѣла, но теперь уступаю тебѣ пре-
 шоль мой со всеиъ государствомъ. — Лю-
 безный братъ! подхващай *Вадимъ*: тебѣ
 не извѣстно мое сердце; оно наполнено къ
 тебѣ сыновнею горячностію и подданиче-
 скимъ почтеніемъ. Царствуй, пока угодно
 бога мѣ, и оставь *Вадиму* при-
 нимать твои повелѣнія: шокно на
 семъ условіи братъ швой предаешь забве-
 нію все прошедшее. — Сего много! вскри-
 чалъ *Гардорикъ*, обливаясь слезами и при-
 жимая къ груди своей *Вадима*; *Гардорикъ*
 могъ погрѣшншь, но слабъ снести угрызе-
 нія совѣсти!

Въ

Въ самомъ дѣлѣ съ того часа раская-
вшеюся *Гардорику*, объявивъ по себѣ наслед-
никомъ своего брата, виаль въ великое
уныніе. Спаранія и ласки *Вадима* и *Бря-
числавы* не могли успокоить тайной его
грусти. Бракъ ихъ, шоржешствованный въ ско-
ромъ послѣ того времени, принесъ ему на
малое время ошраду; но жестокая горячка,
ему приключившаяся, вскорѣ повергла его
во гробъ. Онъ скончался на рукахъ своего
брата, и имя его было послѣднее слово,
извѣстѣнное изъ устъ его.

По оплаканіи сего урона, и возданіи
послѣдняго долга шѣлу *Гардорикову*, *Ва-
димъ* съ *Брячиславою* вѣнчанъ былъ на
Славианорусскій престолъ; они удержали при
себѣ всѣхъ высокихъ особъ. Въ Болгары по-
сланъ былъ Посолъ для возвѣщенія родите-
лямъ *Предславинымъ*, что оная сыскана
Арпадомъ; они просили позволенія для за-
ключенія ихъ брака въ столицѣ ваяши *Ар-
падова* Славианорусскаго Князя. Между шѣмъ,
какъ ожидали возвращенія Посла сего, совершил-
ся бракъ *Бурновой* съ *Озаною*. *Вадимъ* награ-
дилъ сего участника злоключеній своихъ удѣломъ
наслѣдія, отказанаго родителемъ его покойно-
му брату его *Гунгарду*, и *Бурновой* во всю
жизнь свою былъ вѣрный вазаль и другъ ему.

Савраазаръ намѣрился было ошѣхашъ
съ семействомъ своимъ въ Козары; но *Вадимъ*
Часть IV. Д прозь-

просьбамъ своимъ удержалъ его при Дворѣ своемъ, общая употребить всю силу свою къ возстановленію его на престолѣ Колхидскій. *Семірѣ* съ того времени, какъ предметъ любви его превратился въ его брата, находилъ единственную отраду бытъ съ нимъ неразлучно. Въ нѣкоторый день приобѣждалъ онъ въ великомъ смятеніи къ *Арпаду*, и когда сей спросилъ его о причинѣ онаго: естъли сердце мое не обманываетъ меня ложною надеждою, сказалъ онъ, я нахожу лекарство въ странномъ моемъ несчастіи. Въ покояхъ брата моего дожидается чужестранецъ, желающій васъ видѣть; онъ называется *Нурединомъ*, и столько сходенъ лицомъ къ брату моему, что нѣтъ всѣхъ обстоятельствъ не можетъ быть иной, кромѣ Княжны Обрской, которую ищетъ столь давно *Ардоланъ*.

Арпадъ съ своей стороны вспоминая о набавившемъ своемъ, которой искупилъ его нѣтъ павиу въ Сузахъ, побѣждалъ шуда. Въ самомъ дѣлѣ нашелъ онъ тамъ великодушнаго *Нуредина*; онъ бросился съ дружескими къ нему объятіями, возобновлялъ благодарность, которою вѣчно обязанъ ему за свою свободу, и спрашивалъ, исправно ли дѣлалъ къ нему выкупъ, посланный онъ Полянскаго Государя. *Нурединъ* уведомилъ его, что замедленіе Армянскаго купца бы-

до

по причиню, что онъ не болѣе, какъ за мѣ-
 сяцъ предъ самъ получалъ вольность, и что
 слѣдуя въ Вужанское боговищаище для во-
 трошенія о судьбѣ своей чрезъ области
 Славянорусскія, услышалъ объ его имени,
 покрытомъ толкою славюю, и пришелъ уви-
 дѣться съ нимъ. Они обнялись снова. *Семірѣ*
 не пропустилъ съ своей стороны препору-
 чить себя въ дружество незнакому сему:
 сердце его билось жестоко при семъ случаѣ,
 и онъ шепталъ *Арпаду*, что нѣжность ли-
 ца и голосъ сего чужестранца подтвер-
 ждаютъ его догадки. *Арпадъ* представилъ
 его *Вадилу*, которой принявъ благодаренія
 друга своего съ особливою милостію, пред-
 лагалъ ему убѣжище во Дворцѣ своемъ.
Нурединъ благодарилъ его за сію милость,
 и признавался, что судьба, предоставившая
 его невольничеству съ самаго младенчества,
 сокрывшая отъ него самыя имена его ро-
 дителей, не можетъ представить ему луч-
 шаго щастія, какъ покровительство столь
 великаго Монарха. *Арпадъ*, сравнивая догад-
 ки *Семірови* съ повѣствованіемъ *Ардо-*
лоновымъ, и скромность *Нуредину* въ от-
 крытія его приключеній, желалъ нѣкошо-
 рымъ образомъ проникнуть въ его тайну:
 онъ убѣждалъ его разсказать свои приклю-
 ченія, естъя обстоятельство не обязывающъ
 его къ продолженію скромности. — Мой
 Д 2 при-

приключенія, отвѣчалъ *Нурединъ*, маловажны. Я еще во младенчествѣ проданъ въ неволю, не знаю къмѣ и въ какой странѣ. Купившій меня Армянинъ воспиталъ меня въ своемъ домѣ; онъ умеръ бездѣшенъ, когда я былъ еще десяти лѣтъ; имѣніе его продано, въ томъ числѣ и я достался *Византійскому* купцу. Сей полюбилъ меня, и желая со временемъ доставить мнѣ пропитаніе, отдалъ въ наученіе къ славнѣйшему живописцу. Я занялъ художество моего учителя въ такомъ совершенствѣ, что работа моя почиталась ошмѣнною и у самыхъ Грековъ. Великодушный мой господинъ послѣ сего опыта своей милости далъ мнѣ свободу. Я отправился въ Грецію, и проведши тамъ нѣсколько лѣтъ, собралъ моими трудами много денегъ. Напослѣдокъ вздумалъ я переѣхать въ Римъ; однакожь несчастіе предало корабль, на которъ сѣлъ я, въ руки Сиріянцамъ. Оные продали меня Жиду, торгующему невольниками; а сей привезши меня въ Сузы, продалъ тому доброму *Иудейяну*, у котораго имѣлъ я случай оказывать услугу вамъ, Свѣтлѣйшій *Арпадъ*; узнавъ изъ вашей повѣсти объ высокой вашей природѣ, вспомнилъ я, что въ бытность мою въ Греціи слышалъ объ васъ отъ нѣкоего Варяга, по имени *Сивола*, которъ разсказывалъ мнѣ ошчасши похождение ваше съ *Болгарскою*

Княж-

Княжнѣю. По сему - то сказывалъ я тогда вамъ, что опчасти вѣдаю, кто вы. Чшожь надлежитъ до причины, принуждавшей меня къ скриванію истинныхъ моихъ приключеній: оная теряетъ свою силу, когда уже нахожусь я подъ защипою великаго Славяно-русскаго Монарха. Полъ мой, кошрой до сего часа имѣла я шоль мнѣго труда сокрышь, находясь въ рабствѣ между сластолюбивымъ народомъ, налагалъ узы на языкъ мой. Я нещасная дѣвица, незнающая, кому должна я моею жизнію.

Семиръ побѣдѣвалъ и лишился почти чувствъ, услышавъ сіе; а *Ардоланъ*, съ нещербнѣемъ слушавшій ея повѣствованіе, повергся предъ нею на колѣни. Ахъ, прекрасная дѣвица! вскричалъ онъ; прости моей дерзости: позволь обнажить икру лѣвой ноги швоей. Сколько милостивы боги, естль ты на оной имѣешь природное пятно подобное полумѣсяцу! По сему знаку узнаешь ты своихъ родителей, а я дочь моего Государя, и единственную наследницу Обрскаго престола. — Боги! что слышу я! какое извѣстіе! вскричалъ мнимый *Нурединъ*, и радость лишила его чувствъ. Бросилсь на помощь, и прежде нежели привели ее въ память, престарѣлый *Ардоланъ* снялъ уже сапогъ, цаловалъ щасливый признакъ на лѣвой ногѣ ея, восклицая: загладилось мое

Пресшупленіе! Ахъ, *Арена*! какая радость для своего родителя! какое щастіе для всѣхъ Обровъ!

По совершеніи такового важнаго открытія, надлежало истинной *Аренѣ* объяснить, какимъ образомъ развязался узелъ странныхъ ея приключеній. *Сараффа* сядла оное на себя, между тѣмъ какъ во внутреннихъ чертогахъ возлагали на нее одежды, приличные ея полу и природѣ. Съ какимъ новымъ собраніемъ прелестней вышла сіа красавица, и какое новое впечатлѣніе произвели варазы ея въ сердцѣ *Семирамѣ*! Но чтобъ сказать короче: взаимная симпатія влекла ихъ другъ къ другу, посредствомъ *Вадима* и его супруги облегчило ихъ признаніе, и чрезъ нѣсколько дней *Семирѣ* въ новой *Аренѣ* нашелъ бальсамъ для ранъ сердца своего, а Княжна Обрская увѣичала щастіе его вѣчною любовію.

Генецъ, прибывшій изъ Волгаръ возвѣстилъ шестіе къ Хомограду родителей *Предславинныхъ*, которые не могли даже сносить, чтобъ ее не увидѣть. *Вадимъ* встрѣтилъ ихъ съ своею супругою и прочими высокими особами еще на половинѣ пути. Свиданіе сихъ нѣжныхъ родственниковъ являло чувствительное позорище; торжественія при семъ случаи были великолѣпны; но радостнѣйшее составлялъ бракъ *Арпада* съ

съ *Предслагою*. По нѣкоторомъ времени возвратились они съ своими родителями въ Болгары. *Арпадъ* наследовалъ ихъ престолъ; велъ благополучную жизнь; вѣрныя сѣ лю-бовники не престаи оными быти въ супружествѣ; и пошомки ихъ чрезъ многие вѣки подавали законы Болгарскому государству.

Вадимъ сдержалъ слово, данное Колхидскому Царю. Войски его, соединенныя съ Коварскими, освободилъ не токмо царство *Савраазарово*, но и всю *Иверію* присоединилъ къ оному; съ котораго времени составляеть она единую область.

Семіръ съ *Ареною* отправился въ *Обры*: родители его возлюбленной, чрезъ посредство Дворовъ Славянорусскаго и Коварскаго, а наиболѣе изъ благосклонности къ *Семіру*, не токмо сочешалъ его съ своею дочерью, но за старостию лѣтъ своихъ уступилъ ему престолъ свой. Онъ скончался, видѣвъ уже валеги любви дѣшей своихъ. Пошомство *Семірово* долго царствовало надъ *Обрами*; но по престѣненіи оного, *Обры* подверглись утѣсненію Скифовъ, кои изгнали ихъ изъ отечества. Они проиаша до области *Дулесовъ*, овладѣли оною; но непорядки, происходящіе отъ безначалія, вооружили на нихъ *Дулесовъ*, кои всѣхъ ихъ истребили.

Нурединъ чрезъ стараніе Князей Болгарскихъ и Брячиславы вступилъ въ супружество съ Цедальмою Королевною Маркоманскою; онъ и цощомки ея царшвовали въ Ньеріи.

Русимъ, сорвавъ послѣдвіе лавры побѣдъ своихъ въ Колхидѣ, со славсю окончаль дни свои при дворѣ Вадимовомъ. Сей Государь почишалъ, слушался, и погребъ его, какъ ошца своего.

Урманъ, возвышенный чинами и довѣренностію своего Монарха, былъ другъ его и вѣрныи подданныи.

Но чшобъ не позабыть и о Простаѣ; онъ жалъ неослучно при Вадимѣ, кошо-раго счишалъ богатымъ господиномъ и судьею въ Хомоградѣ. Онъ безпрестанно волочился на придворными пѣвицами, жаловался на ихъ суровость, и признавался, что красавица въ Винешѣ была гораздо ихъ умнѣе.

Таковымъ образомъ по претерпѣніи великихъ злоключеній Вадимъ съ возлюбленною своею Брячиславою наслаждались мирною жизнію; они устроили благоденствіе своихъ подданныхъ, и оставили онымъ по себѣ достойныхъ наслѣдниковъ.

СКАЗКА

Объ Раймірѣ и Милославѣ.

Прежде нежели при берегахъ Дуная основалось владѣніе Даковъ, находилось шумъ сильное королевство, названіе котораго и описаніе погибло отъ нашествія времени. Подъ снѣмъ климатомъ, пріятнымъ и плодотворнымъ, царствовалъ нѣкогда Король, могущественный какъ по пространству своего владѣнія и богатству, такъ и въ разсужденіи покровительства волшебницы, обитавшей въ областяхъ его. Столичный его городъ находился близъ береговъ Чернаго моря. Нѣкоторый чужестранецъ, Раймірѣ по имени, претерпѣвъ близъ онаго кораблекрѣзненіе, и спасшись отъ похищенія, шелъ въ оный искавъ убожища. Бѣда приближилась къ воротамъ, встрѣчаясь взору его народъ, въ замѣшательствѣ изходящій изъ городъ. Рыданіе нѣкоторыхъ и болѣвниное молчаніе прочихъ, представляли всеобщую печаль.

Король ихъ шествовалъ тихо, орошилъ
 пушъ свой слезами; Королева его находилась
 пушъ же съ равномѣрными знаками печал-
 ли на лицѣ своемъ; она опиралась на Ко-
 ролеву дочь свою, и въ прекрасныхъ коек-
 очей кашлялась слезы по розовымъ щекамъ
 ее. Нечувствительно глубокая тишина, раз-
 дѣлявшая повсемѣстно, предвозвѣстила
 ожиданіе какаго нибудь чрезвычайнаго
 происшествія. *Райміръ* подступилъ; вели-
 чественный видъ его, и одѣяніе, хотя нѣ-
 сколько разстроенное при кораблекрушеніи,
 дали ему свободный пушъ среди народа.
 Между тѣмъ видѣлъ онъ двухъ ужасной
 величины хищныхъ птицъ, спускающихся
 съ воздуха къ Королевицѣ; она завернулаъ
 ее въ покрывало, которое держали въ ког-
 тяхъ своихъ, подхватили и предъ всѣ-
 ми врише лая и унесли за облака.
 Ни одинъ человекъ не смѣлъ защищать ее
 отъ нихъ; рыданіе возобновилось, и Король
 закрывъ платкомъ лице свое, поведенъ былъ
 обратно въ городъ отъ Вельможъ своихъ.
 Королева, лишенная почти чувствъ, при по-
 мощи придворныхъ госпожъ также воз-
 вращилась въ свои чертоги. *Райміръ*, удив-
 ленный шаковымъ позорищемъ, послѣдо-
 валъ за ними во Дворецъ, и нашелъ всѣхъ
 вообще проливающихъ слезы. Онъ под-
 ступилъ къ одной престарѣлой боярыни,
 стоящей

сидящей въ углу, и просилъ ее объяснить ему причину происшествiя, возмущившаго ихъ городъ. Волярыня, узнавъ по сему вопросу, что онъ иностранецъ, согласилась на нѣсколько времени отереть свои слезы, и въ удовлетворенiе его любопытству рассказала слѣдующую

П О В Ъ С Т Ъ

о Королевнѣ Милославѣ.

Сiа Королева, похищенная у насъ предъ вашими глазами, есть единая наследница сего великаго государства. Немилосердая судьба возхотѣла, чтобъ Король и Королева не видали свою любезнѣйшую дочь на время, когдѣ предѣль не извѣстенъ; но должно разсказать вамъ причину сего плачевнаго разлученiя.

При рожденiи *Милославы*, Король слѣдуя обычаймъ своихъ предковъ, пригласилъ въ свои чертоги одного духа и двухъ волшебницъ, коихъ столько находилось тогда въ его королевствѣ, для унасиженiя на пиршествѣ, и для полученiя своей дочери отъ нихъ даровъ, разсочаемыхъ ихъ могуществомъ. Одна изъ волшебницъ, *Зоримона* называемая, была весьма привязана къ пользамъ Короля нашего: она почасту навѣщала Дворъ его,
для

для разсужденія о поправленіи случающихся
 неурядковъ въ государствѣ, или бывъ
 привлекаема знаками почшенія, ей оказывае-
 маго. Она въ особѣ своей соединяла всѣ
 прелести молодости, красоту несказанную,
 появляющуюся при всѣхъ ея дѣйствіяхъ, съ
 склонностію дѣлать добро; за что ее всѣ
 любили. Другая волшебница, равно какъ и
 духъ, были собою очень безобразны, худо-
 щавы, поведенія суроваго, оба ощущали
 тайное удовольствіе въ содѣланіи зла, и
 имѣли страшную сію привычку. День, опре-
 дѣленный къ веселію шоржества и обряда
 предрѣченія судьбы Милославной насталъ;
 празднованіе началось съ восхожденіемъ соли-
 ца разными пошѣхами, и противуборствами
 силы и быстрости; госпожи были убраны
 великолѣпно, и ничего не упустили, чрезъ
 чтобъ показаться любезными. Мушны все
 употребили, чтобъ имъ нравиться; и ще-
 гольство празднества служило предлогомъ къ
 тайному шоржеству любви. Послѣ - обѣденное
 время проведено въ разныхъ увеселеніяхъ.
 По наступленіи вечера собраніе вступило въ
 великолѣпно освѣщенный залъ, куда при-
 влекъ оное согласный звукъ музыкальныхъ
 орудій; нѣжный полъ занявъ ряды скамей,
 одна надъ другою возвышающихся представ-
 лалъ позорище, достойное къ украшенію
 двора сямой богини прелестей.

Спо-

Сполы съ избраннѣйшими Ёствами были уже готовы. Волшебницы и духъ, занимавшіе всегда мѣсто по сторонамъ Короля, раздѣляли съ нимъ почестъ празднества. Торжество кончилось. Волшебница *Зоримана* просила у Короля позволенія придашь отъ себя нѣчто къ веселію празднества. Вамъ извѣстно, сказала она къ особамъ присутствовавшимъ въ собраніи, что званіе мое учиняетъ меня повелительницею не токмо всѣхъ скрываемыхъ землею сокровищъ, но и всѣхъ прочихъ даровъ, удобныхъ составить щастіе смертныхъ, какъ - то дарованія разума, или личныхъ пріятностей; я хочу сдѣлать васъ участниками всѣхъ сихъ даровъ, но только на однихъ мушницъ желаю я расточить оныя. Пусть всякъ приходишь у меня просить, и я утверждаю клятвою волшебницы, что каждый въ шуже минушу получитъ свое желаніе.

Тогда всѣ мушницы начали переговаривать между собою, о чемъ бы просить имъ волшебницу; и какъ случилось, что почти всѣ желали одной вещи, одинъ вмѣсто всѣхъ подступивъ къ ней, говорилъ слѣдующее: Великомочная волшебница! не безизвѣстно намъ превосходство вашего искусства; вы можете по единому изволенію возвысить смертнаго на степенъ величества, одарить богатствомъ, даже дать ему власть надъ

надѣ спихіли, и наградишь всѣми прелестями душевными и шѣлесными; но мы соглась въ разсужденіи вещи, о которой намъ просишь васъ должно, когда вы намъ шо позволили, не находимъ ничего могущественнѣйшаго въ вашей власки прелестей вашихъ, заравнившихъ глаза и сердца наши. Между всѣми выгодами, кои можемъ мы получитьь отъ васъ, щастіе вамъ нравиться показалось намъ драгоцѣннѣйшимъ. удостой, великозлочная волшебница, въ исполненіе своего общанія; почти одного изъ насъ своимъ выборомъ.

Я не ожидала шаковаго безкорыстія, отъвѣчала *Зоригана*; вы требуете отъ меня самаго лѣгчайшаго подарка; между шѣми родъ прозьбы вашей приводить меня въ неспособность исполнить мою клятву: я не могу сдѣлать выбора между особами равнозвѣрно совершенными; но я дамъ вамъ больше, нежели вы отъ меня требуете. Вотъ шалисманы, имѣющіе силу удерживать нѣжность; чрезъ ихъ помощь воспрепятствуете вы красавицамъ, вами обожаемымъ, учиться вамъ невѣрными; но для совершенія сего дѣйствія надлежитъ вамъ присоединить ласковыя услуги и шу нѣжную осторожность, которая составляетъ всю прелестъ истинной любви. Тогда раздала она пощущанамъ сіи драгоцѣнныя шалисманы.

Духъ

Духъ по примѣру ея пригласилъ ибж-
ный полъ просить у него даровъ, и обѣ-
щавъ желанія ихъ исполнить. Однѣ изъ она-
го просили у него шамшва, чшобъ ошата-
са вѣчно прекрасными; другія, чшобъ лю-
бовныя ихъ похождения безъизвѣсныя ошави-
лись ихъ супругамъ и былибъ безпре-
пятственны; инныя требовали, чшобъ онѣ
соединилъ славу женщины добродѣтельной
съ поведеніемъ самымъ щеголеватымъ; иб-
кошорыя просили молодости; прочія здо-
ровья. Очень мало нашлось желающихъ раз-
ума, и ни одна не просила о здравомъ
разсудкѣ.

Старая волшебница также подзвала
женщинъ, и предлагала къ услугамъ ихъ свое
искусство. Они подходили къ ней поровню
докладывать о своихъ желаніяхъ, но во всемъ
шомъ не нашла она ничего, чшобъ польсти-
ло собственнѣйшей ея особѣ: вслѣкъ говорилъ
шодько объ самомъ себѣ; чшо вложило
въ нее жестокою ревностью къ волшебницѣ
Зориманѣ; ибо она, хотя была уже
въ глубокихъ лѣтахъ и непріятна видомъ,
шо считала себя прекраснѣе самой Лады.

Пожилой духъ пораженъ былъ тако-
вымъ сумасбродствомъ; онъ весьма ескорбил-
ся швѣвъ, чшо ни одна женщина не по-
требовала его сердца: онъ ропталъ и бор-
шоталъ шанже, какъ и старая волшебница.

Оба они приняли на себя пасмурный видъ, и Король замѣнилъ уныніе, являющее ихъ досаду. Хотя онъ ни малю не участвовалъ въ прикаючившемъ имъ обиду, но вѣдая опасное свойство ихъ нрава, шрепешалъ, чшобъ слѣдствіе сего не было бѣдственнo его дочери. Онъ усугубилъ къ нимъ знаки поштенія, что ихъ поразвеселило, и думали, что они успокоены.

Шествовали по шомъ въ чертоги Королевины, гдѣ въ колыбели находилась новорожденная *Милослава*. Волшебницы и духъ окружили оную, и послѣдній взглянувъ на Королеву, сказалъ: „Я присвою ей всѣ прелести красоты, но она никогда не выдешъ за мужъ, естли не окажешъ суругу своему тысячи одной благосклонности прежде совершенія брака; или впрочемъ день свадьбы будешъ послѣдній ея жизни.“ — Сказавъ сіе, превратился онъ въ комету и исчезъ.

Старая волшебница изрекла послѣ него слѣдующее: „Я даю *Милославѣ* всѣ совершенства разума; но всѣ желанія ея, кои окажешъ она до совершенія шеснашцати лѣшъ, будущъ ей бѣдственны на всю жизнь.“ — При концѣ словъ сихъ появилось чудовище съ страшными когшами; волшебница вскочила на оное, и ускакала вонъ изъ Дворца.

Ко-

Король и Королева остались въ глубокомъ уныніи. Предсказаніе духово ихъ по-разному: условіе, присоединенное къ браку ихъ дочери, было непреоборимымъ претягиваніемъ, и престолю по смерти ихъ надлежало перейти въ чужія руки. Слова старой волшебницы не меньше того смущали ихъ: всѣ желанія дочери ихъ должны были ей бѣдственны; извѣстное дѣло, что никто не имѣетъ столь изобильныхъ желаній, какъ молодая дѣвица: какое же поле печасній шо представляло!

Волшебница *Зоржана* въ утѣшеніе ихъ общалась не оставитъ дочь ихъ замышлю дѣйствіе сихъ предсказаній, говорила она, не можешь быть уничтожено силою моего искусства, я могу только облегчить оное. Тогда ввела она младенца на руки, и изрекла: я даю тебѣ нравъ крошечкой и постоянной. Послѣ сего сдѣлала она родителямъ ея наставленіе, какимъ образомъ поступать при ея воспитаніи. Пріучише ее заблаговременно, говорила она, не желайши самыхъ бездѣлицъ, и чтобъ всѣ дѣйствія ея жизни, сколько можно, были невольныя. Сказавъ это, обняла она ихъ, и безъ всякаго шума удалась въ одни изъ палатъ своихъ.

Когда *Милослава* стала смыслишь, и брали меня къ ней въ мамы; волшебница по часту приходила наставляшь меня, какъ

Часть IV. Е миѣ

жиѣ съ нею поступать должно. Наконецъ
 когда она достигла возрасту, въ коемъ ока-
 зывается рассудокъ, Король, родители ея,
 открылъ ей предсказанную судьбу ея, а Зо-
 рмана обѣщала облегчить средства, по
 коимъ бы она лучше могла слѣдовать внушен-
 нымъ ей правиламъ до шестнадцатилѣтняго
 возрасту. Но чшобъ легче пріобучить ее
 къ прошивностямъ, подарила она ей пер-
 стень съ руки своей. Удивительная сила
 онаго содержала слѣдующее: когда Мило-
 слава гуляла въ придворныхъ садахъ и что
 нибудь начинало ей нравиться, въ то игно-
 вение ока садъ превращался въ ужасную пу-
 стыню. Вспылъ кошорый нибудь лѣтній ве-
 черъ нравился ей прохладностію и тишиною
 вдругъ небо тогда померкло, луна съ звѣ-
 здами исчезала въ мрачности облаковъ и под-
 нимались вихри. Словомъ сказать, то же
 пронаходило со всѣми вещами, привлекающи-
 ми ея вниманіе: даже когда она хотѣла по-
 смогрѣться въ зеркало, черты лица ея пред-
 ставлялись беспорядочными и столь неѣ-
 пными, что и самолюбіе не находило въ нихъ
 удовольствія; а сіе дѣйствіе въ судьбѣ ея
 было изъ шѣхъ, къ коему она меньше всего
 могла привыкнуть. Между шѣмъ не было
 ничего ее прекраснѣе: живость очей ея по-
 ражала, цвѣтъ кожи замиѣвалъ снѣгъ, а
 румяность устъ и щекъ розы; она нѣблѣ
 росшѣ

ростъ довольной, складъ прелестной, и вышупку непринужденную и красивую. Но вы не видѣли (продолжала боярыня) и согласитесь, что я сдѣлала объ ней только самое слабое начертаніе. Наконецъ за нѣсколько дней предъ симъ волшебница *Зоржана* приехала пригостовить Короля и Королеву къ нынѣшней съ дочерью ихъ разлуки. Она обѣщала имъ щастливья изъ того послѣдствія; они рѣшились тогда на это съ радостію, но нынѣ не могутъ удержатъ стремленія слезъ своихъ. — —

Мама Королевина окончала шѣмъ свою повѣсть; *Райміръ* поблагодарилъ ее съ вѣжливостію, и удалился изъ Дворца. Первая дорога, которую онъ избралъ, привела его на просторную долину. Онъ углубленъ былъ въ великое размышленіе; онъ созывалъ въ воображеніи своемъ всѣ видѣнные имъ предметы, и все, объ чемъ слышалъ; при чемъ воспоминаніе объ *Милославѣ* не оставовало его ни на минушу. О! сколько красавица проливающая слезы являетъ въ себѣ прелестей! Знаки печали на прелестномъ лицѣ почасту бывають для любви сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ, нежели резвѣщая усмѣшка; сердце не можетъ тогда не почувствовать жалости, удобно превращающейся въ нѣжность. — *Райміръ* ощущалъ тогда смущеніе, которое представ-

лялось ему пріятнымъ ; нещастія Королевы припоминали ему о всѣхъ прелестяхъ , кои была она украшена ; сіи прелести становились для него разительнѣе , и училили его ошчасу чувствительнѣйшимъ къ ея влочастію.

Занимающія его размышленія были прерваны предметомъ , представшимъ его взорамъ : было шо-великолѣпное , хоша нѣсколько безпорядочное , зданіе. Пятнацать шеремовъ , различныхъ между собою , построены были поукругомъ , окружены глубокимъ расмъ , а на верьху воротъ находилась слѣдующая надпись : *бѣги сюда рѣвляющееся юношество ; здѣсь жилище блаженства.*

Райміръ прошелъ обширнымъ дворомъ , и вступилъ въ сѣни , имѣющія круглой сводъ , вводящія въ первой изъ пятнацати шеремовъ : нашелъ онъ сей обитаемый множествомъ женщинъ совершенно прекрасныхъ , кои приняли его самымъ лестнымъ для мущины образомъ. Нѣжныя взгляды , пріятныя нечаянности были распочаемы для учиненія его чувствительнымъ ; предложили ему тысячу различныхъ забавъ. Въ какой покой ни входилъ онъ , находилъ гошовой столъ съ ошмѣнными вѣствами , которыми его пошчивали съ искусною и прельщающею вѣжливостію. Одинъ надиванъ вкус-
ный

ныя вины, а прочія соединяли изъ голосовъ своихъ обворожающее пѣніе, и чрезъ пласку и игры старались внушить въ него страсти, кои собою представляли; но дѣйствія оныхъ не проникали въ его сердце: воспоминаете объ *Милославѣ* было для него въ тысячу разъ драгоцѣннѣе. Онъ вырвался изъ рукъ ихъ, и вступилъ въ смежной къ шому перемѣ,

Тутъ нашелъ онъ другихъ женщинъ съ ошачною красоюю и одѣваніемъ отъ шѣхъ, коихорыхъ онъ оставилъ. Снѣ также старались привлечь его разными ласками, но онъ умѣлъ противиться; и хотя во всякомъ проходимомъ перемѣ окружали его новыя красавицы отчасу прелестнѣйшія, заманивающія его искусиѣйшимъ образомъ; сердце его удержало свою нечувствительность и онъ достигъ четвертаго-надесять шерема, сохранивъ свое постылишше.

Въ оноиъ обшала дѣвица, коихорой видъ поразилъ было его сначала; оный сходствовалъ нѣсколько къ любезной его *Милославѣ*, такъ что онъ не могъ лишить себя удовольствія ошаться съ нею. Дѣвица зашѣшила то изъ его радости и смущенія; она съ своей стороны оказала ему разположенія самыя благосклонныя. Онъ предался обману, и не испышывая, была ли то самая *Милослава*, уступилъ безъ извѣшя той

склонности, которую она къ нему оказывала. Однако въ самое время обязательствъ, въ которыхъ онъ впадалъ, опасался онъ, чтобъ не составили оныя невѣрности къ его дражайшей Королеви; но заблужденіе его казалось ему прелестнымъ, и не прежде постарался онъ объяснить свое сомнѣніе, когда соотвѣтствовалъ движеніямъ нѣжности, кои оказала ему сія дѣвица.

Когда узналъ онъ, что она не была *Милослава*, вдругъ печаль объяла его сердце и оказалась на лицѣ его; крайняя холодность вазшупила мѣсто прежнихъ чувствованій. Дѣвица то замѣшила, и ему упрекнула. Ахъ, сударыня! отвѣчалъ онъ, надлежитъ открыться предъ вами чистосердечно: есѣлибъ любовь была движеніе вольное, вы составлялибъ для меня особу пріятнѣйшую, и къ которой бы я привязанъ былъ надолго; но я не властитель надъ моимъ сердцемъ; дочь Королевская, весьма любви достойная, которую видѣлъ я только на нѣсколько минушъ, и кою можешъ бышь не увижу вѣчно, овладѣла онымъ. Я почувствовалъ къ вамъ склонность только по сходству лица вашего съ нею. Я врю, что мнѣ предопредѣлено любить ее вѣчно; потому что вы не могли учинить меня ей невѣрнымъ.

Учасна

Участъ ваша для меня жалостна, отвѣш-
 ствовала дѣвица, вы не увидите больше ше-
 рема, нѣз коего выйдете; ибо не сыщете
 уже вбонный входу. Нещасіе самое плачев-
 ное предстоитъ вамъ, когда войдете вы въ
 послѣдній; законы духа, владычествующаго
 надъ сердцами, суть шаковы: смершній
 вступившій въ сіе зданіе, и не могшій ва-
 нянь сердца своего въ кошоромъ нибудь ше-
 ремѣ, опредѣляется къ жестокому муче-
 нію. — Предосереженіе шаковое не сдѣ-
 лало въ немъ впечатлѣнія; онъ вошелъ въ
 послѣдній шеремъ. Едва установилъ онъ
 тушь ногу свою, все изчезло; онъ очутилъ
 ся при вратахъ города, стоящаго на долинь,
 кошорой взоры не находили предѣла. Опом-
 нившись наконецъ онъ быспрошы спремле-
 нія, кое сюда его примчало, хотѣлъ онъ
 вступитъ въ городъ; но въ шо мгновение,
 какъ наклонилъ онъ голову въ дверцы,
 невидимая рука оплелась около головы его,
 лишила зрѣнія, и въ шоужъ время страш-
 ной голосъ произнесъ явственно слѣдующія
 слова:

Воляность, щедрой даръ природы,
 Кошь не лзя счестъ за порокъ;
 Смершной щасшаніѣ отъ свободы,
 Сколькo тушь къ ней ни жестокъ:
 Но любовь безъ опомщенія

В 4

№.

Не оставишь оныхъ часъ ,
 Кто вкушаетъ услажденья ,
 Не признавъ ея всю власшь .

Райміръ столько пораженъ былъ вражностью, лишившею его зрѣнія, что не слышалъ изреченія сего; онъ напрягалъ всю силу свою для сорванія съ головы своей оной общественной повязки; но испытавъ безъ пользы свое стараніе, пошелъ ощупью въ городъ. Едва ступилъ онъ нѣсколько шаговъ, услышалъ близъ себя нѣкоего разговаривающаго, къ которому оборотись, употребилъ просьбу въ таковыхъ словахъ: вразуми меня, ежели можно, какимъ образомъ лишился я видѣнья моего зрѣнія? Что это за неизвѣстной мнѣ городъ, и кто въ немъ обитаетъ? — Развѣ ты не слышалъ словъ (ощупывая ему голосъ), кои произнесъ Оракулъ при вступленіи моемъ въ сей городъ? Здѣсь Богъ любви наказываетъ смертныхъ, вкушающихъ его ушѣхи, не носивъ его оковъ. — Какъ! не носивъ его оковъ? подхватилъ *Райміръ*; по чему же заслуживаю наказаніе, когда я люблю прекрасную Королеву, не имѣя и той надежды, чтобъ ее когда нибудь увидѣть? — Вы любите ее? сказалъ голосъ; о! ваша нѣжность къ ней довольно доказана въ перемахъ, изъ коихъ вы вышли; мнѣ извѣстно, какъ вы тамъ вели себя, по-

потому что я самъ чрезъ оныя попалъ въ сей несчастной городъ, и всѣ находящіяся здѣсь люди испытали то же. Когда сонъ, или другая какая нибудь жизненная нужда вамъ приключится, нѣшъ вамъ нужды ходить здѣсь долго оцупью; весь городъ составленъ изъ длинныхъ комнать, въ конхъ находишся всякое изобиліе къ продолженію таковой жалости достойной жизни, какова ваша. Между шѣмъ есть одинъ лучъ льстящей намъ надежды: въ нѣкоторомъ мѣстѣ сего города находишся висѣщая на воздухѣ стрѣла, кошорой можно коснуться лбомъ. Тѣ щасливыя изъ нашей братьи, кошорые напкнущя на оную, въ шомъ же часѣ освобождаются ошъ повязки на глазахъ, и бывають перенесены въ другое жилище.

Раймірѣ поблагодарилъ слѣпаго гражданина, подавшаго ему сіе наставленіе; онъ заключилъ искать оную стрѣлу до шѣхъ поръ, какъ оная ему попадется, или чрезъ смерть избавиться ошъ своего мученія. Онъ пошелъ широкими шагами, не вѣдая самъ, куда идеть; но по бесплодныхъ исканіяхъ нашелъ себя столько ушомленна, что принужденъ былъ искать отдохновенія; онъ оцупалъ входъ въ комнату, и пошелъ пробирашся около стѣны.

Прошедъ нѣсколько, услышалъ онъ шумъ многихъ разговаривающихъ голосовъ, и ощутивъ порожнюю постель, легъ на оную; вскорѣ почувствовалъ, что еще нѣкто пришелъ, и ложась къ нему, сказалъ: пора уже спать. Сколько вы щасливы, сказалъ онъ ему, что можете помышлять обо снѣ! Чшо лежишь до меня, ужасная повязка, лишаящая меня зрѣнія, не даетъ мнѣ ни на минушу покоя: о естли бы вздумалось лютому духу, чшобъ то мгновение ока, въ кои лишилъ меня глазъ, было послѣднее моеи жизни! — Не трудно узнать, что вы новопришелець въ сѣмъ городѣ, отвѣчалъ ему лежащій съ нимъ на постелѣ; вы подвержены еще первымъ горестямъ, но дайте времени подѣйствовать надъ умягченіемъ вашей печали. — Вы общаете мнѣ способъ самой легкой, сказалъ Райжиръ. — Конечно оный есть, подхвѣшилъ старожилецъ того города; по срединѣ города находится столбъ, имѣющій шаковую удивительную силу, что естли вы чрезъ нѣсколько минутъ потрете объ него лобъ свой, ощутите шакую перемену, что волпомянаніе прошедшаго совсѣмъ заглядится въ вашей

па-

памяти, и даже помышленіе о предбудущемъ исчезнетъ. — Нѣтъ! ошвѣчалъ Райміръ, я не хочу воспользоваться тѣмъ, когдѣ воспоминаніе о прошедшемъ и составляетъ весь ужасъ состоянія, въ которомъ я нахожусь; но я не могу рѣшиться оное украсить. Какъ! чтобы мнѣ забыть прекрасную Королеву, которую видѣлъ я похищенную изъ объятий родителя ея, и когдѣ слезы были столько нѣжны и поразительны? Я и самую роковую стрѣлу не для чего иного найши желаю, чтобы вырваться изъ сего бѣдственнаго жилища, и искать по всему свѣту мою возлюбленную Милославу. Но я не увижу сего драгоценнаго предмета! Немилосердая повязка, покрывающая глаза мои, лишаетъ меня наѣки благоденствія увидѣть ее. — Не предавайтесь съ такимъ отчаяніемъ вашимъ обстоятельствомъ, сказалъ старожилецъ; ибо отчаяніе ваше будетъ бесполезно, спарайтесь сохранить ваши силы и разумъ для ежедневнаго исканія той освободительной стрѣлы; она можетъ быти сыскана. Въ каждое мгновеніе ока можно ожидать, что она подастъ намъ помощь; но какъ очень часто бывають сюда новопришельцы, то городъ весьма наполненъ народомъ, и еще дѣлаетъ затрудненіе,

Гав-

Разговоръ старожильца подавъ *Райміру* лучъ надежды, уменьшившій грусть его. Какая несправедливость, сказалъ онъ, во образъ, ксимъ наказываетъ насъ адъсь духъ, владычествующій надъ сердцами! Онъ поставленъ за преступленіе, что мы вкусили его ушъхи, не носивъ его оковъ; но шакъ произносилъ Оракулъ при вступленіи нашемъ въ сіе бѣдственное жилище. Обвиненіе это не основательно; надобно любить, чтобъ познать ушъхи, приносимыя намъ любовію: но красота, къ которой мы равнодушны, не имѣетъ въ себѣ ничего могущаго произвестъ ушъхи сіи. — Вы заблуждаете, отвѣчалъ старожилецъ; ни любящая насъ особа, ни ша, къ коей мы равнодушны, приносятъ намъ истинныя ушъхи; потому что въ семъ случаѣ оныя не возмущаются ни ревностію, ни страхомъ объ отсуствіи, ни самою разлукою, и ни множествомъ отращенія, происходящаго во взаимной любви. — Ахъ! сказалъ *Райміръ*, сіи отращенія, кои считаете вы прошивными ушъхамъ, учиняють ихъ только живѣйшими: правда то, что разлука стоитъ жестокаго мученія; въ отсуствіи отъ любезнаго предмета проводимъ мы мучительные часы: но съ другой стороны какая же бываетъ и радость, какіе сладостные слѣдуютъ восшорги послѣ сихъ горестныхъ часовъ,

ко-

когда свидишься съ возлюбленною! Кого мучитъ ревность, подверженъ шомъ безъ сомнѣнiя великому страданiю; онъ не вѣдаетъ покоя, шеряетъ вкусъ ко всякимъ забавамъ, ненавидитъ даже самаго себя. Но какую ушѣку чувствуетъ онъ, когда найдетъ терзавшiя его подозрѣнiя неосновательными, и что возлюбленная была къ нему всегда вѣрна! Вспомни кто въ жизни своей провелъ нѣсколько дней въ плачевномъ принужденiи представлять себя холоднымъ предъ возлюбленною для обману глазъ ревниваго супруга, или хлопотливой мачери: какихъ не чувствуетъ шомъ услажденiй, достигнувъ времени, въ кошорое предаешь полной нѣжности любви? Тогда сiя чувствованiя, удерживаемыя на нѣсколько, учиняются живѣйшими и пламениѣйшими. По сему можно загаючить, что разлука сохраняетъ только ушѣку къ свиданiю; что ревность даетъ намъ лишь лучше познавать шастiе бышь любимымъ; и что препяшствiя учиняють насъ лишь влюбленнѣе и иштерпѣльнѣе. Прощайте, примолвилъ онъ, я не ощущаю усталости, я иду искать драгоценнаго валогу вашей свободы. — Тогда вышелъ онъ вонъ, и ходилъ безъ остановки по горду почши цѣлыя суши. Все, къ чему онъ прикасался, казалось ему желаемою спрѣдою; но все по испышанiю не было она.

Дру-

Другая ночь настала уже за нѣсколько часовъ, какъ почувствовавъ себя озягаема сномъ; вошелъ онъ въ первое жилье, которое оцупалъ; онъ нашелъ двухъ товарищей своего влчасшя, началъ говорить съ однимъ изъ нихъ, которой ежеминутно выпускалъ шажкіе вздохи; онъ просилъ его разсказать ему свои приключенія. Третій товарищъ присоединилъ къ тому свои прозвбы: *Мэллиббі* сказалъ онъ ему, удовольствуй наше любопытство; на что онъ согласился, и повѣствовалъ нижеписанное:

— — Я сынъ обитателя Херсонеса Таврическаго; отецъ мой въ молодости моей отправилъ меня въ путешествія, и мнѣ не было еще двадцати лѣтъ, какъ прибылъ я на полуостровъ Кимврскій (*). Обитатели оного, не взирая на суровый климатъ, лежащій въ самомъ Сѣверѣ, весьма ласковы и обходительны. Къ просвѣщенію своему присоединяють они ту пріятную вольность въ обхожденіи, которая составляетъ вкусъ къ обществу. Женщины тамошнія очень склонны къ забавамъ: любовь есть самое первое слово, которое выучивають онѣ говорить во младенчествѣ своемъ; а когда достигаютъ возраста, въ коемъ начинають раж-

(*) Полуостровъ Кимврской составляетъ Норвегію, Дацію и Швецію. Кимвры, придавшіе оному названіе, обитали въ Даціи.

Издаются страсти, любивъ, составляетъ первое движеніе, ощущаемое ихъ сердцами. Въ не всё вообще прекрасны, но почти въ имѣютъ пріятность обворожающую, шокко дѣйствующую на мужчинъ, и безъ которой самая красота почти безсилна. Въ совершенству ихъ недоспаетъ одного только постоянства; ибо сердца ихъ, удобо возпламеняющіяся, чувствуютъ шо не надолго къ одному предмету; непостоянство сіе составляетъ часть ихъ нравовъ, кои внушаютъ при воспитаніи молодымъ дѣвкамъ. Вы можете увѣришься въ томъ изъ слѣдствія походовъ, кои имѣлъ я шамъ.

Едва прибылъ я на оной полуостровъ, какъ употребилъ мое стараніе къ познанію свойства и вкуса обитателей онаго. Я замѣтилъ, что сей вкусъ, столько наблюдаемый во всѣхъ вещахъ, и столько переизъичивый, простирается до самыхъ лицъ: иногда большіе глаза на выкатѣ считались прекрасными; но вскорѣ вкусъ переизъичился: усупали они маленькимъ, и принуждены были считаться не надлежащими ко вкусу. Мужчины подражали сей странности какъ въ лицахъ, такъ и въ одѣяннн. Украшеніе разума, здравой разсудокъ, добрый нравъ, не были вещи, чрезъ кои можно было поправиться нѣжному полу. Они превращали дарованія и добродѣтели общественныя въ

ДРУ-

другіе предшеты. На приѣръ : чшобъ бѣглымъ пріятнымъ челоѣкомъ , надлежало знати особливое нарѣчіе , которое звели въ общаѣ ; почасту не наблюдашь вѣжливостѣ къ женщинамъ , вѣдашь о маленькихъ произшествіяхъ любовныхъ , мѣшались въ игры и забавы , конни онѣ занимались , и особенно держашь расходъ не по приходу , было до совершеннѣйшаго щегола.

Сін женщины , каждая въ своемъ обществѣ , собирались почши всякой вечеръ для жертвованія духу , владычествующему надъ празднествами. Надлежало , чшобъ женщины , желающіе бытъ причисленными въ некое общество , имѣли нравъ чрезибравно веселой , чшобъ они поѣбвали пѣсенки въ честь онаго духа и бога любви. Женщины , чшобъ разсказывали щеголеватыхъ похощеніе своихъ подругъ : но онымъ не составляло сіе затрудненія ; пошому что подъ именемъ другихъ сѣдовало разсказывать только о самихъ себѣ , чшобъ представитъ шочный подлинникъ.

Въ мѣкошорый день приеушшвуя въ шачковомъ собраніи , случилось мнѣ снѣтъ близъ молодой особы , называемой *Лимонія*. Она имѣла всѣ прелести молодости , хотя черты ея лица не слишкомъ были правильны. Родительница ея находясь ею беременна , видѣла во снѣ Поввиста , бога вѣшровъ ,

онѣ

ъ чего получила такое впечатлѣніе, что
 рожденная дочь ея весьма походила на
 ушливое изображеніе сего Царя воздушнаго.
 а была очень разумна, имѣла воображе-
 е живое и пріятное; она могла при-
 вать и самымъ бездѣлицамъ, о которыхъ
 ворила, нѣкошорую предель. По провъ-
 ея принужденъ былъ я голосомъ моимъ
 принести жертву въ честь духа. Я воспѣлъ
 достъ и утѣхи, царствовавшія въ томъ соб-
 нн, и красому госпожъ присуствовав-
 хъ. Не забылъ я также въхвалять и
Лимонію, въ разсужденіи разума ея и молодо-
 м; она показала ко мнѣ чувствительною,
 приглашала всякой вечеръ являться въ сіе
 браніе, въ которомъ находилась она обык-
 венно; она оказала ко мнѣ знаки склон-
 ности, кои всѣ замѣтили. Я не щадилъ пѣ-
 ній въ честь обожаемаго ими духа, при-
 шивая повсегда въ оныя нѣчто лестное
 ея счѣтъ, и по симъ-то пѣснямъ она по-
 знавъ, что я люблю ее, призналась, что
 чувствуетъ ко мнѣ склонность довольно нѣж-
 ную.

По ея сказкамъ, сердце ея было чрез-
 рно чувствительно, всегда занято однимъ
 безымыъ предметомъ; таковой родъ нѣ-
 жности былъ рѣдкая шамъ вещь: я захо-
 вѣлъ испытать *Лимонію*, и примѣчалъ всѣ
 поступки.

Часть IV.

Ж

Чрезъ

Черезъ нѣсколько дней узналъ я, что въ одномъ собраніи, въ которомъ меня и случилось, она блистада по своему обыкновенію, и что многократно бросала взоры страстные на молодого Кимвра, пригожаго собою; и что она сама ему упрекала за не вниманіе, къ ней оказываемое. Мнѣ показалось, что такое поведение много отличаетъ отъ присвоемаго ею себѣ; и какъ важнѣйшее, что меня къ ней прилѣпало, было шедшее описаніе свойствъ ея сердца, умѣющаго любить совершенно, не казалась уже она мнѣ отличною отъ своихъ односправокъ. Непостоянство за непостоянство: мнѣ выгодыѣе показалось приобрести сердце жемчужины прекрасной. Я постарался не выдашь нѣсколько дней *Лимонію*; она сдѣлала мнѣ выговоръ очень нѣжной, и каялась мнѣ, въ поправленіе причинъ, на которыя я жаловался, вести себя впредь постоянноѣе и столь чистосердечно, что я найду въ ней все могущее льстить любовнику самому прихотливому.

Въ самомъ дѣлѣ нѣсколько времени казалась она занимающеюся только однимъ мною; она писала ко мнѣ всякій день письма очень страстныя; она рачительно искала случаевъ со мною видѣться, и я могъ бы думать, что любить она меня чистосердечно, безъ одного произшествія, доказавшаго мнѣ, что можно ей нравиться, не бывъ любиму ею.

Слу-

Случается тамъ въ нѣкоторое время го-
 , что нѣкоторый духъ входитъ въ оби-
 нелей сего полуострова. Они тогда бы-
 шь въ нѣкоемъ родѣ шума, учиняю-
 го ихъ непохожихъ на самихъ себя; они
 гають по звуку музыкальныхъ орудій; ча-
 в видяща, другъ друга не узнавая, а
 яють не видя. Я увидѣлъ *Лимонію*, кою
 уповалъ найти тамъ; она говорила съ
 нисшвеннымъ видомъ къ молодому съ ней
 явшему мушинѣ. Я подшелъ такъ, чтобъ
 а меня не примѣшила, подслушалъ, что
 разговаривалъ съ нею очень нѣжно и
 новалъ ея руку, которую сжималъ своею;
 оставаясь общались они свидѣться наупрѣ.

Я показался *Лимоніи*. Не смущайтесь,
 азалъ я ей, мнѣ очень лестно, что учи-
 ася вашимъ повѣреннымъ я слышалъ вашъ
 говоръ, и не намѣренъ упрекать вамъ.
 не имѣю пререваній на ваше сердце; ибо
 ое не способно къ чувствованію сему, о
 шоромъ столь много сказано въ вашихъ
 зговорахъ и письмахъ. — Какъ вы несправед-
 вы! отвѣчала она, вы обвиняете меня непо-
 ояншвомъ въ ту минушу, когда я боль-
 е всего занята вами: молодой человекъ, ко-
 го видѣли вы со мною, есть *Арзандъ*; мнѣ
 вѣстно, что онъ вамъ пріятель: и для
 го не надѣясь васъ здѣсь видѣть, я обра-
 вдалась нашедъ того, съ кѣмъ могла пого-
 Ж ворить

ворить объ васъ. Разговоръ нѣжной, которую вы слышали ко мнѣ отъ *Арзана*, состоялъ изъ чувствованія, кои вы ко мнѣ имѣете; ибо ему извѣстны наши обязательства: вамъ бы не было причины на меня жаловаться, еслибы не любила я васъ съ такою нѣжностію, и разговоры *Арзановы*, не привлекали столько моего вниманія, не прорулили вашу щекошливость. Проси у меня прощенія своей несправедливости.

Вы притыдили меня, сказалъ я, какъ не основательно могъ я подозрѣвать васъ; по крайней мѣрѣ будетъ то въ послѣдній разъ въ моей жизни; ибо познаю теперь, сколько права имѣю на ваше сердце. — Мы разстались послѣ того, и я вѣдъ одной минуцы замѣшивъ, сколько *Лимонія* умѣетъ притворяться, не помышляя больше объ ея сердцѣ, и прилѣпился къ другому. Я видалъ ее между тѣмъ нѣсколько разъ, нашель, что разумъ ея очень разнствуетъ отъ сердца. Наконецъ чрезъ нѣсколько времени мы разстались съ нею добровольно: я отослалъ къ ней ея письма, давъ чувствовать ей, что сердце мое за нихъ не встываетъ; а она призналась съ своей стороны, что чувствуетъ почти то же; и такъ безъ упрековъ и досады мы прервали обхожденіе.

Но *Лимонія* была очень хитра, чтобы пропустить не извлечь выгодъ изъ наше-

разрыву; чтобъ родительница ея не свѣда о причинѣ онаго, и не пресѣкла ей редь способности видѣшь въ домѣ своемъ любовниковъ, сказала она ей: вы можете лишь удивляешесь, машушка, не видѣвъ у насъ выше *Моалиба*? Обхожденіе его очень пріятно; можно признаться, что онъ весьма увеселялъ мя чрезъ нѣсколько времени; онъ открывался, я влюбленъ въ меня, и сказывалъ то крайкраснорѣчиво; но когда я замѣтила преранія его, чтобъ и я его любила, тогда просила его отстать отъ сего требованія любящаго меня порѣже.

Родительница *Димоніи*, которая была вѣсь добрая женщина, легко тому повѣрилась. Такое чистосердечное признаніе показалось ей въ дочерѣ ея предестинною счастію добродѣтели. Когда я случался у ней, она встрѣчала меня съ видомъ насильника, что открыло мнѣ догадаться о предствѣ, коиъ дочь обманула мать свою. Не вѣрнъ бы я любилъ еще *Димонію*, можетъ бы я въ ошмщеніе послаалъ къ родителю нѣсколько ея писемъ; но мое сердце не могло отъ нее раны: а когда уже не любилъ больше, не стоилъ труда бышь благомысленнымъ.

Послѣ сего продолжалъ я мои путешествія, и возвращаясь, попалъ въ аданіе пшенищати теремовъ: тамъ испышалъ я при-

ключенія, приведшія меня въ сей бѣдственной городѣ. Покровительствующій мнѣ обнадёживаешь меня, что я скоро изъ него выду; но я желаю сей минуты шибко инокжайшимъ нешерпѣнѣмъ, чемъ она приближается, и я противу воли моей прошу грусти и вондыханіямъ, когда сонъ, начиная ошагощать меня, прелятствуешь искосвобождающую сирѣву. — —

По семъ словѣ *Моалибъ* и *Раймірѣ* спнули. *Раймірѣ* проснулся очень скоро, послышавъ шумъ, заключилъ, что всѣ городѣ уже всшали; онъ вскочилъ, и началъ ходить по обыкновенію. Едва выспилъ онъ нѣсколько шаговъ, почувствова сильной ударъ въ лобъ; онъ прощипнулъ руку испытать то, на что онъ нащкнулся по щастію была это освободительная сирѣва. Лишь только схватился онъ за нее, очутился въ великолѣпныхъ палатахъ. Появилъ его спала съ глазъ. Сколь великая была ея радость! Онъ избавился плачевнѣйшаго и свѣтѣ состоянія. Первое его движеніе состояло въ томъ, чтобъ выйти изъ оныхъ палатъ: онъ опасался повстрѣчаться съ новыми причинами прогнѣвать любовь; но добопытство превозмогло. Онъ вступилъ подъ переходъ, украшенный мраморными столбами, достигъ въ освѣщаемый пышною рукою залъ: въ концѣ онаго увидѣлъ онъ позорище

же , на кошоромъ представляли похождения
 въ Еллинской исторіи: двѣ госпожи, сидя-
 щія на софахъ, составляли всѣхъ зрителей.
 Въ ту минуту, какъ Райміръ подступилъ
 къ нимъ, на театрѣ Дидона говорила къ
 Кнею убѣжденія свои, стоявъ на колѣнахъ;
 окончаніемъ рѣчи ея представленіе кончилось.
 Одна изъ госпожь увидѣвъ Райміра, сказа-
 ла ему: подступите и вразумите насъ,
 какимъ образомъ вошли вы въ сія палаты?
 Надлежитъ, отвѣчалъ онъ, повѣствовать о
 множествѣ странныхъ приключеній, пред-
 шествовавшихъ минути, въ кошорую очути-
 ся я здѣсь. Вы одолжите насъ рассказа-
 ніемъ вашего похождения, сказала госпожа.
 Повинуюсь вамъ, отвѣчалъ онъ; родъ позво-
 рища, которымъ вы изволили забавляться,
 доказываетъ, что вы имѣете вкусъ къ пере-
 мѣннымъ увеселеніямъ, и можете быть повѣсть
 моей жизни заслужить ваше вниманіе. —
 Вкусъ къ перемѣннымъ увеселеніямъ, под-
 хватила молодая госпожа, кошорая до тѣхъ
 поръ не вмѣшивалась въ разговоры; пони-
 же, естли могу васъ просить, нныхъ пред-
 мешовъ для вашей повѣренности. Сія пере-
 мѣнное позорища, коихъ часть вы заспали,
 совсѣмъ не по моему вкусу, и какъ думаю,
 то и сидящая со мною госпожа участвуетъ
 здѣсь шолько въ угодность судьбѣ, все
 учреждающей мнѣ напрошавъ. Какъ ща-

сплывы нѣ люди (продолжала она) находящія всегда удовольствіе въ вещахъ, но сами избирать могутъ! — Такъ, подхватила другая госпожа, а особливо когда имѣють вольность избирать не однократно; ибо ежели держаться всегда одной вещи, она скоро наскучитъ, и можешь быть учинишься несноснокъ. — Позвольте мнѣ не согласиться въ этомъ съ вами, сказалъ Рай-диръ; мнѣ кажется, что несравненно пріятнѣе прилѣпиться къ первому выбору во всѣхъ забавахъ жизненныхъ; можно чрезъ то набавишься новыхъ отвращеній; ибо какъ мысль всегда простирается далѣе самой вещи, и какъ мы находимъ меньше, нежели себѣ обѣщали; то рѣдится нѣмой родъ ненависти къ желаемой вещи, отъ чего она скоро омерзѣетъ. Но когда и затѣмъ оную еще мы занимаемся; увеличивающая оную мысль удаляется, и омерзѣніе уступаетъ истинной привязанности; привычка занимаетъ разумъ и сердце — и удаляется таковымъ образомъ (примолвила госпожа) повѣсть, которую вы намъ обѣщали. При семъ словѣ принужденъ онъ былъ, оставивъ разсужденія, удовлетворить ихъ нетерпѣливостъ.

Повѣсть Раймірова.

Я сынъ Радислава, Князя Русскаго, котораго владѣніе простирается по обѣ стороны великаго озера Ирмера; а мать моя Царевна Таврическая. При рожденіи моемъ родитель мой, слѣдуя обыкновенію, призвалъ волхвовъ для предсказанія случаевъ моей жизни; найдено, что мнѣ предстояло множество несчастій во все шеченіе дней моихъ, естли первый избранный мною предметъ любви не будетъ одобренъ здравымъ разсудкомъ. Предвѣщаніе таковое приключило жестокою печалью ошцу моему: вдродой разсудокъ и любовь, по мнѣнію всѣхъ ученыхъ людей нашего государства, были вещи весьма между собою несогласныя; они неизвѣстны другъ другу только по имени, и никогда не обихаютъ вмѣстѣ. Единственное средство, которое счищали удобнымъ къ воспріятію, состояло въ томъ, чтобъ воспрепятствовать мнѣ влюбляться, пока я не получу основательнаго смысла. Родитель мой требовалъ на то совѣща у людей самыхъ искусныхъ при Дворѣ своемъ; одна волшебница предлагала ему, чтобъ для удаленія отъ меня склонности къ женщинамъ воспріятъ меня посреди оныхъ въ незнаніи до осьмнадцатилѣтняго возрасту обѣ моемъ полѣ, и что въ ожиданіи сего

Ж 5

сроку

сроку она употребилъ знаніе свое на помощь предопредѣляемой мнѣ участи. Ошцею мой счелъ, что не лзя прошивишься совѣтамъ волшебницы, столь могущественной; и хопя не проникъ во всѣ оныхъ пользы, рѣшился однако онымъ послѣдовать. Влнзъ столичнаго нашего города Русы находилса старинной гзродокъ Чудскихъ народовъ, коего одна отдѣленная слобода обншаема была только престарѣлыми женщинами, или шаковаго лица, кое не могло причинитъ предопредѣленнаго мнѣ нещастія. Пожилыя красавицы, тѣ, коихъ разгнѣванная Природа осудила къ вѣчному шербнью, и ненавидящія нашъ полъ, собирались въ сіе убѣжище, гдѣ обднхъ мужчинъ цѣнили безъ пощады. Заведеніе это было у насъ старинное, и не худо бы для спокойства въ обществѣ имѣть въ каждомъ городѣ по шаковой колоніи. Въ это мѣсто препроводили меня въ то время, какъ началъ появляться во мнѣ смыслъ; старались тамъ рзчншельно скрыть ошъ меня объ моемъ подѣ. Одна изъ нихъ ежедневно преподавала мнѣ уроки нравоучительныя, и ничего не пропускала могущаго мнѣ внушитъ владычество надъ самимъ собою, помогающее поборять шрасти. Старались также наставитъ меня и въ другихъ наукахъ, приличныхъ моей природѣ, чрезъ учителей, одѣ-
мыхъ

ныхъ въ женское платье; какъ сѣдалъ я
нослѣ.

В Е Ч Е Р Ъ XLIII.

Я препроводилъ до шестнадцати лѣтъ
сей родъ жизни. Въ нѣкошорый день, ко-
гда я еще спалъ, одна изъ женщинъ, по-
моложе другихъ изъ имѣвшихъ за мною при-
смотръ, вошла въ мою спальню; она сѣла
ко мнѣ на постель, и обнимая не одно-
кратно, разбудила меня. Чего ты отъ меня
хочешь? сказалъ я: на чемъ ты нарушаешь
сонъ мой? Не досадуйте, ошибчала она,
вы сами давно лишаете меня онаго: въ ош-
ищеніе за все прешерпѣнное мною хочу я
вывести васъ изъ невѣденія, въ коемъ на-
ходитесь вы объ самомъ себѣ, и препода-
дать вамъ уроки, за которые вы будете
обязаны мнѣ во всю жизнь. Послѣ сего вра-
зумила она меня во всемъ томъ, что отъ
меня скрывали; дала мнѣ знаніе объ моей
природѣ, и сказывала мнѣ, что родители
мой тайнымъ образомъ приходилъ поча-
сту навѣщать меня въ семь жилищъ; про-
водилъ цѣлыя дни, смотря и слушая разго-
воры

воры мои съ ними. Побужденіе сіе, при
молвила она, назмгається любовью, кошора
принудила меня открышь вамъ это тайно-
ство, кое осталось бы для васъ не извѣстно;
одно ваше сердце можешь мнѣ воздать прі-
ятнѣйшую за это благодарность.

Я обѣщаль ей все, чего она хотѣла;
но то, чему она меня научить хотѣла,
уничило жилище мое шамъ столь несно-
снымъ, что я не замедливъ опшуда
удалиться.

Я пришелъ ко Двору родителей моего,
не сомнѣвался, что безъ шруда меня при-
комъ узнаюшь; ибо волшебница сказывала
мнѣ объ этомъ, приходя невидимою навѣ-
щать меня. Одѣаніе на мнѣ было еще
шогожь покрою, кошорое носили женщины,
ошъ конѣ я обѣжалъ; и какъ оное совсѣмъ
ошмѣнно было ошъ носимаго въ городѣ про-
чими госпожами, привлекалъ я на себя взо-
ры всѣхъ, мимо кого я идъ шелъ. Я до-
стигъ уже рѣки, текущей сквозь столицу
моего родителя; шумъ нашель я его про-
гуливающегося съ моею матерью и всѣми
своими придворными. Взглянувъ на меня,
узналъ онъ покрой платья шѣхъ женщинъ,
коиъ онъ меня вѣрилъ; и мысля, что это
одна изъ нихъ пришедшая съ извѣстіемъ обо
мнѣ, велѣлъ мнѣ подступить; но лишь я
приблизился, узналъ онъ черты своего сына,
не

не могъ удержаться отъ слезъ, и чрезъ долгое время держалъ, заключивъ въ своихъ объятияхъ. Родительница моя также съдала по симъ знакамъ нѣжности: она съсчастливо цаловала меня, орошая своими слезами, съ которыми и я отъ естественнаго прищажения соединялъ свои. Король привелъ меня во Дворецъ свой, спрашивалъ, какимъ образомъ могъ я притти къ нему? я рассказалъ ему, что обязанъ за это одной изъ старухъ. Можно ли мыслить, присокупидля, въ разсужденіи оказываемыхъ вами мнѣ милостей, чтобъ я по вашему повелѣнію воспитывался въ таковой неизвѣстности? — Ахъ, любезной сынъ! отвѣчалъ онъ мнѣ, чегожь и стоило мнѣ разлучиться съ тобою, когда я инымъ образомъ не могъ отврашить угрожающихъ тебѣ несчастій! Ты предопредѣленъ къ жестокимъ влуключеніямъ, естли сердце швое предастъ себя во власъ любви; я счелъ, что убѣжище, куда я удалилъ тебя, запрепятствуешь тебѣ познашь оную: я хотѣлъ, чтобъ лучше юношество швое протекло въ невѣжествѣ, нежели бы вся жизнь швоя подверглась несчастіямъ. До сихъ еще поръ, сказалъ я, можно васъ увѣрить, что сердце мое не познало того, что угрожаетъ мнѣ несчастіемъ; старуха, вразумившая меня, не оставила во мнѣ впечатлѣнія, кото-

page

рзго бы слѣдовало опасашся, и кажется, что по испытанію моему сердце мое никогда не будетъ исполнено мною нѣжностію, кромѣ ощущаемой къ вамъ.

При семь словъ родители мой обняли меня, и приказавъ переодѣть меня въ платье приличное моему полу и природѣ; разговаривалъ со мною ежедневно о правилахъ, по которымъ благоразсудный человѣкъ долженъ учреждать жизнь свою. Казалось, что я съ усерднымъ вниманіемъ слушалъ его наставленія; но отецъ мой, судя по свойству мушны моего возрасту, которой не могъ быть твердъ, опасался, чтобъ какая нибудь изъ придворныхъ госпожъ не внушила въ меня страсти, могущей учиниться мнѣ бѣдственною. Сынъ мой! сказалъ онъ мнѣ въ одинъ день, я нахожу тебя въ шаковыхъ распложеніяхъ, какихъ я желаю; но надлежитъ, чтобъ врѣлой возрастъ совершилъ это: пребываніе твое здѣсь можетъ развратить тебя; надлежитъ тебѣ меня оставить. Шестуей^а, сынъ мой, объѣзжай всѣ страны, лежащія по берегамъ морей Варяжскаго и Евксинскаго; странствуй нигдѣ не останавляясь до совершеннаго возрасту; и естъли сыщешь страну, въ которой мушны рождаются съ отращеніемъ отъ владычества, въ ксемъ содержишь насъ женщины, поживи шамъ, и
 ВОВ-

рашися воспрішь мое государство съ серд-
ми неколебанными.

Онъ препроводилъ меня до судна прѣугошо-
еннаго къ отбѣду моему на Ирмеръ, и
Зринъ меня предводительству одного свсего
льмжи, обнялъ меня и со слезами разста-
лъ. Я объѣхалъ часть странъ, лежащихъ
о берегахъ Варяжскимъ; мнѣ очень хошѣлось
ышь въ Херсонесъ Таврическомъ: и для
ого проѣхалъ я сухимъ путемъ чрезъ Сар-
мацію до рѣки Гераза (*), которою доплылъ
въ Дунай, и наконецъ сѣвъ на корабль,
отправился въ Таврикію. Первой день
нашего плаванія былъ щастливъ, но на другой
трешерпѣли мы нападеніе отъ грабитель-
швующихъ Васшарновъ: сраженіе было крово-
пролитно, и не взирая на превосходное
число разбойниковъ, мы одолѣли ихъ и взяли
въ плѣнъ. Побѣдѣ сей послѣдовала жестокая
буря, сломившая на кораблѣ мачшу, и обор-
завшая снасти: носило насъ два дни по во-
дѣ вѣшровъ, наконецъ близъ неизвѣстнаго
берегу ударило объ камень; корабль потонулъ,
и только одинъ я спасся, можетъ быть
отъ хладнокровія, съ каковымъ встрѣтилъ
это нещастіе. Камень, сокрушившій наше
су-

(*) Сармація заключала въ себѣ многія страны;
но собственно значитъ Польшу. — Геразъ
рѣка, ныне называется Прудъ.

судно, былъ не въ дальности отъ берега
я доплылъ къ оному, и пошелъ къ пред-
ставившемуся мнѣ вдали городу.

Послѣ сего повѣствовалъ *Раймиръ*, какъ
онъ дошелъ къ тому мѣсту, на которомъ
видѣлъ похищеніе отъ чудовищныхъ птицъ
Королевы *Милославы*: онъ сдѣлалъ мнѣ нѣ-
которое начертаніе о пятнадцати перемѣ-
не забылъ также и о печальномъ жилищѣ
изъ котораго вышелъ чрезъ помощь осло-
бодительной стрѣлы, перенесшей его въ сіи
палаты. — — —

Во время повѣствованія своего поча-
стѣу взиралъ онъ на молодую изъ двухъ го-
спожъ, которая казалась ему бытъ Короле-
вою *Милославою*, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ
приключенія его касались до нее, онъ до-
вольно открылъ все то, что могла она впе-
чатлѣть въ его сердце во время нѣ-
сколько минутнаго возвращенія. Прекрасная го-
спожа сія не могла онаго слушать безъ смѣ-
шенія и удовольствія. Когда онъ кончилъ
свой походенія, госпожа, находящаяся съ
Королевою (ибо въ самомъ дѣлѣ была по
Милослава) поднялась, и подавъ руку *Рай-
миру*, вывела его вонъ.

Такое скорое осуществленіе удивило *Ми-
лославу*, коей присутствіе прекраснаго Кня-
зя начинало становиться не равнодушно; она
созывала въ мысли свои съ удовольствіемъ

знаки

какъ ибжнаго произведеннаго ею въ немъ
 печатанія при ея похищеніи; одобрила по-
 шрствованіе, учиненное имъ для нее въ те-
 махъ; и сіи воображенія занимали ее, ког-
 да возвратилась къ ней *Зорьмана* (ибо она
 была другая изъ шѣхъ госпожъ). Короле-
 вна спросила у ней, за чѣмъ она увела шакъ
 Коро Князя, повѣштовавшаго имъ свои при-
 нюченія. Ваше удовольствіе, кое оказали вы
 не слушать, отвѣчала волшебница, прину-
 дило меня къ тому. Вы находитесь въ ша-
 ровомъ времена, въ которое всего больше
 надлежитъ вамъ опасаться нещастій, при-
 соединенныхъ къ вашимъ пожеланіямъ. Ка-
 кое бѣдствіе! сказала Королевна; есть ли
 что несноснѣе, какъ не дѣлать никогда
 того, чего хочешь! При шомъ же, по какой
 причинѣ можешь онъ участвовашь въ спро-
 шомъ мнѣмъ предопредѣленіи? — Вы его
 выгнали отсюда, сказала волшебница; я имѣла
 причину приревновать: вы адѣсь составляете
 единственнѣй предметъ моего вниманія и
 утѣшенія; но при Князѣ произошло бы со-
 бѣднѣе иное. — Ахъ! нѣтъ, моя любезная
 волшебница! отвѣчала *Милослава* обнявъ ее;
 мое сердце ничѣмъ не можетъ быть заня-
 то, кромѣ помышленія о шомъ, чѣмъ
 должна я вашей дружбѣ. — Надлежитъ
 мнѣ оставить васъ на нѣсколько времени,
 сказала волшебница; со времени вашего

Часть IV.

3

похи-

похищенія, какъ я перенесла васъ въ сіи палаты, Король родилель васъ не вѣдаешь, что приключилось съ вами: пора уже его увѣдомишь. Я постаралась привезши въ сіе жилище мамку, воспитывавшую васъ, чтобы она дѣлала вамъ шеварищество во время шестидесяти дней ошлучки. Прощайте, не забывайте о томъ ни на часъ, что благополучіе предвѣдущахъ дней вашихъ зависишь отъ равнодушнаго состоянія, въ которомъ должно соде- ржать вамъ свое сердце; пропитавшись вашей склонности даже и въ малѣйшихъ вещахъ; а всего больше не помышляйте о Князѣ Рай- жирѣ. Вы взирали на онаго съ нѣконимъ родомъ удовольствія, кое будетъ для васъ пагубно, еслии произойдутъ изъ того слѣдствія. Старайтесь забыть того, коего вы почти не имѣли времени разсмотрѣть, и убѣгайте его безъ остановки, еслии иногда онъ съ вами повстрѣчается. Къ чему можете вамъ служить склонность къ такому человеку, которой не можете быть вашимъ супругомъ? ибо вамъ извѣстны условія, включенныя духомъ въ предсказаніе, касающееся до вашего брака.

Тогда вошла къ нимъ мамка *Милославна*; а волшебница обнявъ Королевну, отбѣжала.

Милослава, оставшись на свободѣ, предавалась въ глубокія размышленія; воспоминаше съ Рускомъ Князѣмъ не оставляло ее

и

ли на минуту; она старалась тому противиться, чтобъ посѣдовать совѣщаніемъ волшебницы, но сердце ея не соглашалось. Иногда даже желала она, чтобъ Раймиръ былъ въ ея палатахъ и могъ съ нею повстрѣяться. Наконецъ сражалась со страхомъ и своею склонностію, становилась она отчасу унывнѣе и безпокойнѣе.

Мамка ея по примѣшнѣ, старалась проникнуть въ причину сего. Отвѣдъ волшебницы весьма перемѣнилъ нравъ вашъ, сказала она ей; вы стали печальнѣе и задумчнѣе со дня разлуки съ нею. Огсушествіе такового друга, какъ она, безъ сомнѣнія должно быть чувствительное, но не производитъ таковой глубокой печали, и столь непрерывной, каковая васъ мучитъ. — О! сколь была бы я щастлива, отвѣчала Королевна, если бы уныніе мое происходило только отъ удаленія благодѣтельной волшебницы, которой должна я всемъ на свѣтѣ! я сражалась бы съ огорченіемъ долга своего, но иное занимаетъ меня противу моей воли, и возрастаетъ по мѣрѣ желанія моего шому сопровивляться. Волшебница предписала мнѣ убѣгать Князя Раймира и забыть объ немъ; но совѣтъ ея произвелъ прривное дѣйствіе въ моемъ сердцѣ. Въ шомъ день, какъ онъ разсказывалъ намъ свои пожденія, замѣнила я въ его особѣ и разговорахъ предести, о конхъ изяснить не могу,

жоту, и конь безпрестанно представляють
 его въ моей памяти. Я убѣгаю сего вооб-
 раженія, и встрѣчаю оное, когда счишаю се-
 бя удаленною отъ него. — Какъ! сказала
 мамка, страхъ отъ несчастій, представлен-
 ныхъ вамъ волшебницею въ шаковомъ слу-
 чаѣ, естли сердце ваше займется Княземъ
Райміромъ, не могъ учинить васъ равнодуш-
 ною? Вамъ давно уже свѣдомо, что всѣ
 желанія ваши должны бытъ вамъ бѣдствен-
 ны; и не пріобучены ли вы къ совершенно-
 му неуваженію всѣхъ вещей въ жизни?
 — Увы! отвѣчала *Милослава*, развѣ раз-
 судокъ можетъ учреждать нашимъ сердцемъ?
 Онъ можетъ только узнавать склонность,
 которой оное слѣдуетъ; но не можетъ ему
 противиться. Сверхъ того моя ли это соб-
 ственная склонность, коя должна бытъ для
 меня бѣдственна? Для чего судьба постав-
 ляетъ мнѣ въ порокъ мою нѣжность? Лю-
 бовь есть чувствованіе невольное; это
 страсть, влекущая насъ противу воли. Участъ
 моя принуждаетъ меня любить, и справед-
 ливо ли судьбѣ наказатъ меня за мученіе,
 тѣмъ мнѣ приключаемое? И когда рассу-
 докъ принуждаетъ бороться противу сей
 власти, опредѣляющей произшествія въ на-
 шей жизни, отъ него ли зависитъ шо испол-
 нить? Не подавай мнѣ совѣтовъ, которымъ
 не властна я повиноватъ. Вы не отниме-
 те

ше ни малой части моего разположенія, и лишь умножите мое смущеніе. — Я не угроживорѣчу вамъ, сказала мамка, но на- угрозивъ еще хочу сшарашься уменьшивъ ваше безпокойство.

Тогда оставила она Королеву, и судя по словамъ волшебницамиымъ, повелѣвающимъ бѣгашъ Князя, естѣмъ съ нимъ повстрѣчаешся, заключила, что должно ему находився еще шуть. Она пошла искать его по всѣмъ частямъ дворца волшебницаина, и нашедши, переговорила съ нимъ, и получила отъ него слѣдующее письмо къ *Милославъ*:

„ Волшебница, позволивъ мнѣ остаться
 „ въ сихъ палатахъ, запретила видѣть васъ,
 „ хотябъ шо было на мгновение ока; она
 „ предписала мнѣ этотъ священной законъ,
 „ вразумивъ меня о бѣдствіяхъ, предсто-
 „ щихъ вамъ отъ того, когда я предъ васъ
 „ предстану. Сколь ни предестно вообра-
 „ женіе о щастіи находився съ вами,
 „ но должно лишиться онаго, чшобъ не при-
 „ ключить вамъ нещастія: одно это пре-
 „ пятствіе оставляетъ меня, и не остается
 „ другого присоединить къ сему плачевному
 „ сопротивленію, кромѣ познанія о томъ,
 „ могу ли я вамъ нравиться. „

Королева читая письмо, почувствовала смущеніе, котораго скрыть не могла. И какъ *Райміръ* видѣсь? сказала она своей

мамкѣ. Такъ, сударыня, отвѣчала сія; ж
 нашла ея въ покояхъ волшебницыныхъ; онъ
 подоѣжалъ ко мнѣ, лишь меня увидѣвъ, и по-
 далъ это писемцо шрепещущею рукою: удо-
 стойте, сказалъ онъ, вручишь его Коро-
 левѣ, и увѣдомишь меня немедленно, какъ
 предопредѣлишь она судьбу мою. Я тотчасъ
 удалилась отъ него, не открывъ ему о впе-
 чатлѣніяхъ, гнадъ вами имѣ произведенныхъ.
 — Вы не говорили съ нимъ обо мнѣ? ска-
 зала *Милослава*; изрядно! онъ никогда
 не узнаешь объ моихъ чувствованіяхъ. Он-
 неси къ нему письмо его, и скажи, что я
 онаго не читала. Тогда хотѣла она письмо
 возвратити мамкѣ, но склонность, сильнѣй-
 шая самыхъ ея желаній, остановила руку ея.
 По нѣкоторомъ сраженіи съ собою, написала
 она отвѣтъ, и вручила оной мамкѣ для от-
 несенія къ Князю. Содержаніе онаго было
 слѣдующее:

„ Волшебница приказала мнѣ забыть
 „ объ васъ, и чтобъ больше къ тому убѣ-
 „ дить, предвозвѣстила мнѣ безчисленныя
 „ бѣдствія, естли я когдѣ на манушу зай-
 „ мусь вами. Я все употребила для пови-
 „ новенія ей; подумайше, какой проступокъ
 „ учиню я, когда сердце мое успѣетъ въ томъ!

Мамка пошла къ *Райміру*; а *Мило-
 слава*, оставшись одна, предалась всей ра-
 дости, узнавши о томъ, что она любима.
 Она

Она прочитывала нѣсколько разъ строки, подающія ей въ томъ новые знаки. Между тѣмъ она не однократно упрекала себя, что открыла ему чувствуемую къ нему склонность; а въ другую очередь казалось ей, что письмо, къ нему посланное, не ясно объ оной выражаетъ. Она опасалась, чтобъ онъ не проникъ въ успѣхи, произведенные надъ ея сердцемъ, и не постарался бы испробить чувствуемую къ ней нѣжность.

Къ сему безпокойству присоединилась нетерпѣливость ожиданія посланной; ей хотѣлось знать, какъ приметъ Раймиръ письмо ея. Какое смущеніе показалось тогда на лицѣ ея! Все то, что думала она читавъ письмо, присоединилось къ тому. Она заблаговременно составляла начертаніе разговора, коего всѣ обстоятельства были ей драгоцѣнны; и безпокойство ея достигло крайности, когда прешелъ почти весь день, а посланная не возвращалась съ отвѣтомъ. Она сѣтовала на ея пренебрежительность; многократно обвиняла Раймира, и столько разъ саму себя за то, что обвиняетъ его такъ легкомысленно. Наконецъ мамка возвратилась: гдѣ ты столько замѣш-калась? сказала она ей, надлежало бы тебѣ вспомнить объ моей нетерпѣливости. Я отдала еще письмо, отвѣчала она; Князь

удалился читать оное, я ждала его нѣсколько времени, и не дождавшись сошла въ садъ, гдѣ и прогуливалась до сей поры.

Сначала *Милослава* осердилась было, что *Райміръ* не отвѣчалъ на письмо ея, но въ тужь минушу наша въ своемъ сердцѣ шысачу причинѣ къ оправданію его, и на другой день поштру послала къ нему мамку свою, увѣряя, что онъ ожидаетъ сего самъ съ великою нетерпѣливостію. Но когда она возвратилась, *Милослава* къ крайней досадѣ узнала, что она не нашла его, хотя обыскала весь дворецъ. Не знала она, какъ посудить объ его отсутствіи, и безпокойство ея становилось живѣе, когда прошло нѣсколько дней безъ малѣйшаго объ немъ извѣстія. Она предалась крайней печали.

Сколько прогаешь меня ваше состояніе! сказала ей нѣкогда мамка; вы предались грусти, которой, какъ мнѣ кажется, *Райміръ* недостойнъ; естли бы онъ истинно любилъ васъ, не удалился бы онъ изъ палатъ сихъ. Я не хотѣла было вамъ сказать, что я вручая ему ваше письмо, замѣтила въ немъ недостатокъ того чувствованія, каковое надлежало бы имѣть любовнику, получающему благосклонность отъ любовницы. Слова сіи совершили досаду Королевицу; она ушла въ свою спальню, гдѣ

здѣ размысливъ обо всемъ, за что могла она негодовать на своего Князя, рѣшилась ипши искать его во всемъ дворцѣ. Аосада не позволяла ей вспомнить о запрещеніи волшебницыномъ; она обѣгала всѣ мѣста, и нашла наконецъ *Райміра*.

Для чего я оставлена въ безъизвѣстности объ васъ? сказала она ему; подумайше о той обидѣ, которую оказали вы мнѣ, пренебрегши чувствованія, кои вы во мнѣ къ себѣ открыли? Князь отвѣчалъ ей только смущенными взглядами; онъ ужасался сего свиданія съ нею.

Ахъ! что мнѣ заключить изъ шаковой холодности? продолжала *Милослава*; въ прошъ день, какъ вы рассказывали о своихъ и моихъ приключеніяхъ, я довольно замѣтила, что вы очень познали во мнѣ ту несчастную дѣвицу, похищенную изъ объятій родительскихъ; казалось мнѣ, что раздѣляли вы печальную судьбу мою съ движеніемъ живѣйшаго состраданія; послѣ того подтвердили въ письмѣ, ко мнѣ писанномъ, о чувствуемой ко мнѣ склонности: но увы! я обманулась! съ того времени, какъ открыла я вамъ мѣсто въ моемъ сердцѣ, получаю отъ васъ только знаки забвенія и равнодушія. Вамъ извѣстно, каковыми обдствіямъ предоставляю я себя, еслии удовольствію хотя одному моему желанію: до сего часа

могла я себѣ прошившись , но вы привели
 мнѣ въ забвеніе ужасъ ошъ угрожающихъ
 мнѣ бѣдствій ! И хотя и теперь не окаже-
 шесь вы чувствительны къ мученіямъ , ко-
 торымъ меня предоставляете , отрицаясь
 ошъ склонности , влекущей меня къ вамъ :
 можешъ бышь сердце мое простить вамъ и
 это .

Ахъ , жестокая *Милослава* ! вскричалъ
Райміръ ; для чего принуждаешь меня нару-
 шить молчаніе ? Я не могу прошившись ва-
 шимъ укореніямъ ! Мнѣ бы надлежало на
 васъ жаловаться . Послѣ онаго столько мнѣ
 милаго письма , въ коемъ открылись вы ,
 что спрость моя къ вамъ для васъ не рав-
 нодушна , я не получилъ ни малѣйшаго зна-
 ка вашего обо мнѣ воспоминаніа . Мамка ва-
 ша , приходившая ко мнѣ ежедневно , спо-
 кратно сказывала , что напоследокъ совѣ-
 ты волшебницыны превозмогли надъ ва-
 шимъ сердцемъ ; что вы меня совѣмъ ва-
 были и успокоились . — Ахъ , вѣроломная !
 она насъ обманываетъ , сказала Королева ;
 но сколько щаслива я , что обманута въ
 томъ , будто бы вы меня не любите ! —
 Если бы вы знали , говорилъ *Райміръ* ,
 что я претерпѣлъ услышавъ о томъ , что
 вы испрелили меня изъ своего сердца , сколь-
 ко бы достойнымъ меня сочли вашей нѣж-
 ности ! Но получая въ томъ увѣреніе , ща-
 сие

сти мое меня ужасаетъ; вы не знаете, ка-
кая участь намъ предназначена. Въ томъ
день, какъ я рассказывалъ вамъ повѣсть мо-
ей жизни, и когда волшебница уехала меня
отъ васъ въ сіи покои, сказала она мнѣ:
я замѣтила, что Королева взираетъ на васъ
съ удовольствіемъ; ей уже не много дней
осталось жить въ сопрствляющемся жела-
ніи ея состояніи. И такъ берегитесь ви-
дѣться и говорить съ нею, хотя бы она и
въ сіи покои къ вамъ пришла; ибо равно-
душіе, каковое чрезъ то вы ей покажете,
отвратитъ бѣдствія, которымъ она повер-
гаетъ себя предаваясь склонности, кою, какъ
мнѣ извѣстно, къ вамъ имѣетъ. Безъ сего
поведенія можете быть учинится то, что
вы ее не увидите вѣчно. Ахъ, моя дражай-
шая *Милослава!* продолжалъ онъ; сколько бу-
ду я достоинъ сожалѣнія, если подвер-
гнусь я сему влеченію! и сколько буду уп-
рекать себя въ томъ, что писалъ къ вамъ
и принялъ отвѣтъ вашъ, когда произойдутъ
столь пагубныя слѣдствія!

Волшебница, вошедшая къ нимъ тогда,
прервала разговоръ ихъ. Сколько вредите
вы сами себѣ! сказала она *Милославъ*; я
нахожу васъ съ *Райміремъ*, предувѣдо-
мивъ васъ обо всемъ, чему надлежитъ уда-
лять васъ отъ него. Завтрашній день ис-
полнится вамъ шестнадцатъ лѣтъ: завтра
ПОГАН

могли бы вы увидѣться съ нимъ безобидно: сколько достойны вы сожалѣній надлежишь, чтобъ вы мученіемъ загладить ушѣху сего удовольстворенія вашей склонности: прощайше, удайтесь изъ моихъ псалмъ; несчастія ваши кончились, но вы не дождались шого. Убѣгайте, сколько можно, что будете привлекать васъ, и предавайтесь лишь тому, что покажется вамъ отъвращительно. Слупай, моя любезная *Милослава*! не медли ни минушы; всякая изъ оныхъ, упраченная изъ вашего времени, прибавишь величайшее бѣдство къ вашей участи.

В Е Ч Е Р Ъ XLIV.

Увы! что предвозвѣщаете вы мнѣ? сказала *Милослава*; за чемъ мнѣ оставишь васъ? Для чего удались мнѣ отъ Князя? ибо не скрываю отъ васъ, что онъ мнѣ чрезвычайно милъ. Какихъ величайшихъ несчастій предъ испытанными мною надлежишь еще мнѣ опасаться? Есть ли что ужаснѣе, какъ разлучишься съ шѣмъ, что любезно?

Сама ты себя, Королевна, учишь несчастнѣе, ошибчала волшебница; за чемъ
сходь

еще съ страшнымъ воображашъ себѣ малое время, въ которое должно тебѣ быть въ разлукѣ съ любовникомъ твоимъ? Для предупрежденія разлуки вѣчной совѣтуютъ вамъ разстаться на нѣсколько. Подумай, не великое ли то благополучіе, чтобъ чрезъ малую разлуку избавишься лишенія навсегда предмета, тебѣ драгоценнаго? — Ахъ, благодѣтельная волшебница! вскричала Королева, я не могу познавать шеперь сего различія: я чувствую лишь разлученіе съ любезнымъ!

Райміръ повергся къ ногамъ волшебницы, обнималъ оныя стократно: одни слезы вмѣсто его говорили; ибо горестъ лишила его словъ. Сѣшваніе ваше, сказала волшебница, не можетъ премѣнить судьбу *Милославу*: нѣтъ! жертвованія смертныхъ другъ за друга не удовлетворяютъ опредѣленіямъ судьбы.

Тогда обняла она Королеву, заливающуюся слезами, и которая пошла въ ту самую минушу, едва осмѣлившись взглянуть на дражайшаго своего и въ несноснѣйшемъ отчаяніи находящагося *Райміра*.

Рыдающая *Милослава* не чувствительно удалялась изъ дворца волшебницына; она шла, куда глаза ея не глядѣли и не замѣчая пути своего. Уже лучезарный сѣшвидъ готовился погрузиться въ море, когда

да предстало ей позорище, приведшее ее въ шрепеть. Выль по духъ величины преужасной, нападающій на молодого челоуѣка, въ коемъ узнала она своего любовника; рука шого духа, вооруженная страшнымъ мечемъ, готовилась лишить онаго жизни. *Милослава*, презирая ужасъ, безъ всякихъ размышлений бросилась остановить духа; но лишь приближилась къ оному, оба сіа предмета превратились въ легкіе пары, рассыпавшіеся по воздуху, и она услышала голосъ волшебницы *Зориманы*, произнесшій таковыя слова:

Сражайся съ лютою судьбою,
Желанья всѣ тѣхъ истребай;
Но коль польстятъ тѣхъ имъ собою,
Къ бѣдамъ себя пригосовлай.

Благодѣшная волшебница! вскричала *Милослава*, могу ли слѣдовать я своимъ совѣшамъ въ шеперешнемъ моемъ состоиши? Можно ли видѣть любезнаго въ смертельной опасности, не спараясь оному помочь? Хотя видѣнное мною лишь пустая пѣнь милаго моего *Раймира*, но довольно и оной къ смущенію моему. -- Послѣ сего продла она пошюки слезъ, удобные смягчить сердце самое нечувствительное.

Уже

Уже смерклось, какъ увидѣла она предъ собою двѣ башни: одна изъ оныхъ была освѣщена, и казалась бытъ созданною руками самыхъ прелестей; а другая имѣла видъ печальной, и едва меркаль въ ней слабой лучъ лаяпады. Она не могла взирашь на одну безъ ужасу; рѣшилась однакожь въ ней поочевашь, и вошедши нашла одну не столько печальну, каковою казалась съ виду. Она легла шамъ, и предалась сну. Не долго наслаждалась она шѣмъ: глаза ея расшворились еще до зари; и лишь она занялась, пошла она далѣе.

Шедши нѣсколько, усмотрѣла она въ концѣ долины зданіе, коего прозрачныя стѣны не препятствовали видѣть проходящее внутри оныхъ. Представился ей жершвенникъ, великолѣпно украшенный, на комъ сидѣлъ духъ, владычествующій надъ сердцами. Казалось ей, что сей великомочный духъ давалъ знаками разумѣть, чтобы она приблизилась, показывая ей одною рукою Короля ея родишеля и Князя ея любовника, а другою корону. Милослава могла легко привлечена бытъ шѣмъ, чего желала съ нешерпѣливостію, и думая припомѣ, что духъ возвѣщаетъ ей окончаніе ея нещастій, побѣждала прямо къ жершвеннику. Но лишь только коснулась онаго, въ то мгновеніе родишель ея съ любовникомъ и всею вѣднѣ

нѣмъ исчезли, а она очутилась въ простран-
ной пустынѣ. Тогда самый шѣ же голосъ
который слышала она прежде, произнесъ
вновь шѣ же слова: сражайся съ люшою судь-
бою, желанья всѣ ты истребляй, и прочая.

Милослава, познавши свою ошибку, не
правила она только новымъ пролитіемъ
слезъ; она, сѣла подъ шѣнію древесною, и
васнула. Пробудившись, увидѣла она по-
сторонамъ у себя сидящихъ двухъ духовъ;
одинъ изъ нихъ имѣлъ всѣ прелести моло-
доси, а другой былъ шаръ, сторбившійся,
и нѣчто отвратительное имѣлъ во всемъ
своемъ видѣ. Молодой духъ тотчасъ
сказалъ ей: дѣвка! мы съ братомъ возна-
мѣрились оказать тебѣ честь нашею лю-
бовью, и въ самую ту минушу, какъ ты
проснулась, спорили, кому ты изъ насъ
должна достаться. Мы согласились предста-
вить это на твой собственной выборъ. Вѣ-
дай, что тебѣ не льзя убѣжать отъ насъ,
и не осталось въ твоей волѣ, кромѣ сего вы-
бору. Приведенная такими словами въ
ужасъ *Милослава*, пребывала опустивъ гла-
ва въ землю въ продолжительномъ молчаніи.
Рѣшись скорѣе! сказалъ старей духъ, изби-
рай одного изъ насъ, или впрочемъ доста-
нешься намъ обомъ; взгляни на того изъ
насъ, объятіемъ коего желаешь достаться.
Королева хотѣла всхавъ бѣжать, но духи
ее

удержали; она видѣвъ необходимость, поняла, что меньше можетъ претерпѣть, предавая себя старику, и устремила взоры свои на оного. Тогда молодой духъ исчезъ; она осталась съ дряхлымъ. И такъ меня ты предпочла, прекрасная дѣвица, скажи мнѣ онъ; съ сей минуты приобретаешь ты мое почтеніе. Надлежишь мнѣ воспользо-ваться склонностію, кою изхожу къ себѣ съ твоей стороны; тогда обнялъ онъ ее рукою, и схватилъ по шомъ въ оную обѣ руки ея. Милослава вкричала изъ всѣхъ силъ, хотѣла обороняться. Оставивъ крикъ, указавъ духъ; съ шого времени, какъ я дошнѣ третьяго ста лѣтъ моей жизни (*),

Часть IV. И еже.

*) Мнѣнія о свойствахъ духовъ, почерпнушыя изъ книгъ Зороастровыхъ, разпространились между всѣхъ народовъ, и претерпѣли странныя преобразенія. Толико отъ двухъ началахъ, благомъ и зломъ, хотя родилъ благихъ и злыхъ духовъ, но заблужденіе Зороастрово учинилось еще не-лѣпѣе въ народахъ, мало просвѣщенныхъ. По-спешавля духовъ, существомъ простымъ, приписали онымъ страши шѣлесныя, и предѣла бытія. Древніе язычники мнили, что духи рождаются, умираютъ и сообщаются съ челоуѣками. Летающіе по ночамъ къ женщинамъ огненные зми поднесъ еще остался въ воображеніи простаго нашего народа, и доказываютъ вкусъ Славянской нашей языческой богословіи.

ежедневно нѣбѣ я щастливый похождение
 ты умножишь счесть побѣдъ моихъ: приго-
 товься выслушать повѣсть моей жизни, ко-
 торую я хочу рассказать тебѣ. Вотъ и все,
 чего я требую отъ любовницъ моихъ; я не
 желаю отъ нихъ, кромѣ одного вниманія.
 Тогда оставилъ онъ *Милославу* на свободѣ,
 и она ошдѣлавшись отъ него за столь лег-
 кую цѣну, общалась слушать его со все-
 возможнымъ прилѣжаніемъ. Лице стараго
 духа учинилось тогда не столько стараш-
 шельно, раздѣлялся по оному видѣ чистосерде-
 чія, зашмившій всѣ чершы изможденной дрях-
 лости. Голосъ его, учинившійся уже не столь-
 ко суровымъ и ужаснымъ, прозвнесъ слѣ-
 дующую

Повѣсть Старого Духа.

Я духъ Авіятской, довольно извѣстною
 по всегдашней склонности моей помогати
 смершнымъ. Хотя свѣйство мое, возым-
 шакшее меня надъ многими другими земны-
 ми духами, по видимому, могло бы достав-
 лять мнѣ столькожъ владычества надъ са-
 мимъ собою, сколько нѣбѣ я надъ оными
 между тѣмъ во всю жизнь мое сердце
 нѣ было нѣжнибѣйшее и подверженное впе-
 чашлѣніямъ, кои можешь производить в
 ономъ женщина, любанъ достойная. Нецѣ
 спни

я шогкость вкуса приѣшала чрезъ до-
 время мою къ смершнымъ чувствешель-
 шь: мнѣ не довольно казалось того, чтообъ
 равнисья полюбившейся мнѣ красавицѣ;
 желалъ, чтообъ оная никогда не имѣла со-
 ю пришворства, ни самаго легкаго при-
 шденія. Въ томъ состояла аса шребуемая
 ю добродѣшель; чтообъ могъ я просишь
 мѣ шого невѣрность, должно было лишь
 шанашься. Юношештво мое заняло было
 шемъ обыкновеннымъ для молодыхъ ду-
 шь; но ешь иногда напомяшь воздухъ
 шражи, громомъ и свисшомъ, шашмѣвашь
 ду и звѣзды, выдирашь горы изъ нѣдръ
 шныхъ, принуждашь рѣки шечь къ ихъ
 шочникамъ, составляшь шадисмань для лю-
 шныхъ шворшовъ и прочихъ шаншешъ,
 ш разращенія шюзовъ, учинашь молоды-
 ш стариковъ, согнувшихся подъ бременимъ
 шрости; шовидашь ашигъ дворцы и цѣ-
 ше города, равномѣрно и разрушашь въ
 шнушу. Таковаго роду были упражненія
 шрыхъ дней моей жизни. Когдажь до-
 шигъ я возраста, въ коемъ шрасши начи-
 шшь колебашь сердце, я штарался шолько,
 шобъ шыскашь себѣ достройную любовницу;
 я желалъ, какъ упоминалъ уже, чтообъ
 на при прочихъ достройствахъ была шисто-
 шрочна.

Для избранія таковой возлюбилъ я
пробѣжать всѣ части свѣта, замѣчать
всякую странѣ прекраснѣйшихъ дѣвицъ,
переносивъ оныхъ въ мой Азіатской дворецъ,
сдѣлать изъ малаго сего числа рѣшительный
выборъ по моему вкусу.

Съ помощію знанія моего, въ короткое
время совершилъ я путь около земан: я жила
нѣсколько въ разныхъ земляхъ, какъ
бывало того развѣдываніе о славящихся
красотою дѣвицахъ. Я началъ путешествовать
съ острововъ Греческихъ; въ одномъ
изъ оныхъ, Хіо называемой, была дѣвица
названная Лѣнъ, прекраснѣе самой Леды;
похитилъ оную. Вторую унесъ я съ береговъ
Тибра; отшуда пролетѣлъ я страны
Ассирійскія, и близь Дуная избралъ прелестную
Посѣтивъ Славянскія области, близь Москвы
рѣки избралъ еще одну. Взялъ я также
одной изъ Галловъ, съ береговъ Темзы;
послѣднюю унесъ изъ четвертой части свѣта,
не извѣстной еще никому, окрѣпа
хотъ. Всѣ оныя были совершенныя красавицы.

Я помѣстилъ всѣхъ ихъ въ особыя
палаты, которыя построилъ близь моего
дворца: въ оныхъ находилось все могущее
удовлетворить вкусу и щеславію. Я раздѣлялъ
время мое поровну для каждой, и какъ
было бышлось мое въ ихъ ошечествованіи
прив...

примѣнишь ко нравамъ каждой страны
то появлялся я всегда ко всякой изъ нихъ
въ такомъ видѣ, которой лучше могъ
равиться.

Я замѣнилъ, что господствующая стра-
сть прекрасной Алеманки составляла гор-
дость и желаніе прельщать; снявъ въ пала-
тахъ своихъ нашла множество служницъ
совершенно пригожихъ, кои сказывали ей,
что она находится въ сералѣ Царя Нави-
онгскаго; что сей Монархъ себою очень люб-
ви достоинъ, поступки его щеголеваты и
просвѣщенны, сердце его постоянно; и что
когда уже онъ въ нее влюбился, можетъ
она льстить себѣ навсегда остаться пред-
метомъ его страсти, еслии только обра-
щеніе ея съ нимъ будетъ чистосердечно,
даже до самыхъ маловажныхъ вещей. Царь,
продолжали они, и насъ содержитъ въ се-
бе по собственной нашей волѣ; а тѣ изъ насъ,
чюихъ желаніе ему понравиться недоста-
точно будетъ удержатъ ихъ въ себѣ, отпра-
вляются въ ту минушу, куда имъ угодно.
Скоро настанетъ часъ, въ которой Царь
самъ придетъ сюда по обыкновенію; а въ
ожиданіи его, не угодно ли вамъ осмошрѣть
тѣ обширныя и великолѣпныя палаты? Вы
увидите, что кромѣ богатаго ихъ строенія
находятся въ нихъ все могущее увеселять;

и чего бы вы ни пожелали, тошво будете
въ мгновенте ока.

Алеманка посаждовала предводителей
ству своихъ услужницъ, и пошла прямо
въ шомъ залъ, гдѣ сказали ей, что немед-
ленно увидишь она Царя Вавилонскаго. Тамъ
предсталъ я ей въ видѣ молодаго пре-
краснаго мужчины; убранъ былъ я въ вели-
колѣпное плашье, и шествовалъ въ послѣд-
дованіи пышнаго множества придворныхъ.
Надѣюсь, сказалъ я ей, васъ предувѣдомилъ
уже сударыня, что идѣсь жилище вольно-
сти; вы останетесь въ немъ не долѣе того
пока вамъ будетъ угодно; но я желаю, чтобы
мой исканіа и чувства принудили васъ идѣсь
быть вѣчно. Алеманка отвѣчала мнѣ на это
съ великимъ остроуміемъ и цѣломудріемъ;
и съ того дни старалась она всячески мнѣ
понравиться. Но сколько былъ я безразсу-
денъ! Мнѣ не довольно казалось лестныхъ
ей наружностей; я хотѣлъ узнать, имѣтъ ли
для нее предмета, который можетъ она
предпочестъ мнѣ, и не способно ли сердце ея
къ пришворству. Я имѣлъ надежное сред-
ство въ шомъ удостовѣриться.

Въ одинъ день находась съ нею, сказалъ
я ей: есть одно мѣсто въ вашихъ палатахъ,
коего цѣны вы еще не знаете, и которое
достойно вашего любопытства. На краю пе-
реходовъ подъ круглымъ сводомъ находи-

ся

ся покой, называемый жилище Желаній: вы можете ходить въ оный, когда вамъ угодно, и пожелать, чего захочется; вы пошпашь увидите предметы, кои удостовѣряшъ васъ о слѣдствіяхъ желаемой вещи. Вся тайна состоитъ лишь въ томъ, чтобъ приближиться къ сосуду, стоящему на столѣ, приспавить губы ваши къ устью сосуда, и сказать тихимъ голосомъ о желаніи, какое вы имѣете.

Едва только я оставилъ ее, побѣжала она быстро въ показанное мѣсто; приблизилась къ сосуду, и наклонясь произнесла слѣдующія слова: „Я желаю, чтобъ время, истребляющее красоту прочихъ женщинъ, придавало моея повсегда новое блістаніе.“ По изреченіи сего представилась ей госпожа, точно ей подобная, и по мѣрѣ того, какъ приближилась она сію разсматривала, появлялись въ лицѣ ея новыя прелести, умножающія красоту ея. Наконецъ все исчезло, и она возвратилась въ свой покой очень довольна тѣмъ, что ей видѣлось.

Я пришелъ къ ней, минушу послѣ того спуща; чрезмѣрная радость сіяла въ глазахъ ея. Осмѣливаюсь спросить, сказалъ я, довольны ли вы жилищемъ Желаній? ошкройше мнѣ, что васъ туда привлекало? — Омъ всего сердца, отвѣчала она; желаніе мое слишкомъ для меня драгоценно, чтобъ можно было скрыть оное омъ васъ: я же-

дала сохранить навсегда одна преимущество свое предъ всеми господами, составляющими сервалъ вашъ: то есть любить васъ и ѣжнѣ нежели могутъ онѣ всѣ любить васъ. Ахъ сударыня! подхватилъ я, могу я чувствовать васъ в ю цѣну сей ѣжной вашей ко мнѣ благосклонности. Вы вскорѣ узнаете, какого роду будетъ признаніе мое за оную.

Я оставилъ ее, и пошелъ къ молодой Гречанкѣ. Въ бытность мою въ ея опеченствѣ узналъ я, что хотя она была любима всеми молодыми людьми, но она ни къ одному изъ нихъ не чувствовала склонности. Я предсталъ къ ней въ образѣ молодого Грека, влюбленнаго въ нее до безумія. Чтобы избавиться васъ, сказалъ я, отъ докучливости мнѣшества въ шягость вамъ окружающихъ васъ любовниковъ, перенесъ я васъ въ сіи палаты чрезъ помощь покровительствующаго меня духа. Здѣсь найдете вы все, что только можете польстить вамъ, и мы безъ возмущенія, безъ препяшствія можемъ здѣсь видѣться и любить другъ друга, естли сердце ваше удостоитъ на оное согласиться.

Казалось мнѣ, что она начала спяновинься чувствительнѣе, и что замѣченная мною холодность ея начала уступать мѣсто истинной ѣжности. Напоследокъ показалъ я ей жилище Желаній (ибо въ каждахъ

дыхъ палашахъ, построенныхъ мною для похищенныхъ дѣвицъ, сдѣлано было по плану). Сдѣлавъ насавленіе, какъ воспользо-вашься онымъ, удалися я отъ нее; тогда подошла она къ сосуду, и сказала: „Я же-лаю укииниться столькожъ чувствитель-ною къ страсти какого нибудь любовни-ка, сколь мало ощущала того до нынѣ.“ Вдругъ предсталъ ей молодой мущина, какъ бы единственно за шѣмъ созданной, чтобъ нравиться; она смотрѣла на него съ родомъ неизвѣстнаго ей до тѣхъ удовольствія до шѣхъ поръ, какъ оный исчезъ. Я пришелъ къ ней послѣ того. Ну! сударыня, сказалъ я, какъ понравился вамъ сосудъ? Откройте, какого роду было ваше желаніе? Я пожела-ла, отвѣчала она, ошатъсь въ такомъ раз-положеніи, чтобъ никого не любишь, oprичъ васъ. Ахъ! сколько вы прелестны! отвѣ-чалъ я; сколь сладостно находишь мнѣ васъ къ себѣ сполько нѣжною и вѣрною! Это справедливость, которую ошдаешь вамъ мое сердце, сказала она; вамъ извѣстно, съ ка-ковымъ равнодушіемъ взирала я на всѣхъ любовниковъ въ моемъ отечествѣ, доволь-ствуюясь только одною къ вамъ склонностію. — Я пошелъ отъ ней къ прекрасной Ро-эалинѣ, похищенной мною съ береговъ Тибра.

Она воспитана была въ крайней строгости; родители ея едва позволяли сиюсрѣчь ей на свѣтъ дневной. Я уповалъ, что введши ее въ палаты, гдѣ владычествовали утѣхи и пріятности, и представъ къ ней въ видѣ привлекательномъ, учинюсь вскорѣ неограниченнымъ властителемъ ея сердца. Я соединялъ по всякой день къ забавамъ, какія только можно вообразить въ угодность ея, попеченія и разговоры, могущія явить истинную мою любовь къ ней. Напослѣдокъ открылъ я ей объ томъ сосудѣ, исполняющемъ желанія; она не замедлила приложить къ оному губы, и сказала: „Я желаю познать всѣ степени утѣхъ, царствующихъ въ свѣтѣ, и имѣть возможность избирать оныя по моей волѣ.“ Тогда услышала она голосъ, отвѣчавшій ей: „желанія твои исполнятся: всякая минута жизни твоей будетъ доставлять тебѣ новыя утѣхи.“ Она возвратилась ко мнѣ очень довольною таковымъ предсказаніемъ. Я спросилъ у ней, къ чему употребляла она сосудъ? Я пожелала, отвѣчала она мнѣ, не имѣть другихъ утѣхъ, кромѣ владѣнія вашимъ сердцемъ и любить васъ во всю жизнь мою. Сколько я щастливъ, сказалъ я ей, что желанія ваши такъ совершенно моимъ соотвѣтствуютъ! половина оныхъ доспична къ моему блаженству.

На.

Нашедъ причину удадиться отъ ней, сдѣловалъ я въ палаты молодой красавицы, шохищенной при берегахъ Темзы. Она имѣла ростъ выгодной, черты правильныя, и цвѣтъ лица прелестнѣйшій на свѣтѣ; вышупка ея была легка и величественна: я замѣнилъ въ ней великую склонность къ забавамъ, и не пропустилъ ничего, чтобъ показаться ей любви достойнымъ; ибо вѣдалъ, что для того, чтобъ нравиться, должчо всегда утѣшать, кого любишь. Я занималъ каждую минушу ея времени какими нибудь предметомъ, могущимъ ей нравиться. Поведеніе сего рода было для меня удачно, и казалось, что я соспавлялъ драгоценнѣйшую для нее вещь на свѣтѣ. Наконецъ указалъ я ей жилище Желаній, и сдѣлавъ ей наставленіе, какъ онымъ воспользоваться, оставилъ ее. Она шопчасъ нагнувшись, сказала въ сосудъ: „Я желаю, чтобъ мое сердце могло дѣлиться на столько частей, сколько есть монаховъ хотѣній.“ Тогда усмотрѣла она духа владычествующаго надъ сердцами, подающаго ей всѣ свои стрѣлы. Я увидѣлся съ нею послѣ того, и спросивъ, какого роду было ея желаніе, получилъ въ отвѣтъ: я пожелала, чтобъ ваше сердце было ко мнѣ всегда столько вѣрно, сколько мнѣ оное дорого. Я поблагодарилъ ее за такую ибжность,

Я

и пошелъ къ прекрасной Мексиканкѣ, похищенной изъ части свѣта неизвѣстной еще.

Обитатели ея ошечесва не знаютъ иныхъ законовъ, кромѣ естественныхъ, и живутъ почти какъ первыя люди на свѣшѣ. Удивленіе ея было безконечно, когда очутилась она вмѣсто пустыни въ преогромномъ аданіи, и всѣ вещи въ новомъ видѣ. Я принялъ видъ ея одноземца: утѣшался нѣсколько времени ея смирненіемъ, и испыталъ, что по мѣрѣ, какъ привыкала она къ видимымъ предметамъ, мысли ея сражались, и что имѣла она сполькожь здравой разумъ, какъ и въ извѣстныхъ земляхъ нѣкошорыя люди. Я уповалъ, что ее ничто не можешь занять, кромѣ любви ко мнѣ; потому что не предостѣвлена она была гѣмъ различнымъ движеніямъ, кои раждаются отъ притворства и опытовъ въ женщинахъ Европейскихъ и Азіатскихъ. Я употребилъ все для внушенія въ нее любви, и казалось, что имѣлъ успѣхъ. Я подумалъ по сему, что спрась ея будешь естественное движеніе сердца, коему нѣшь нужды въ помощи воображенія. Наконецъ пѣзнавъ въ ней всѣ чувствованія, сходныя съ женщинами прочихъ странъ, научилъ я ее употребленію таниственнаго сосуда; она тотчасъ пошла въ жилище Желаній, и сказала: *Я хочу, чтобъ минута моей жизни, которая будетъ*

„Деть мнѣ пріятнѣе, продолжалась, сколько я желаю.“ Тогда представились ей ушѣхи въ образѣ крылатыхъ младенцовъ; всякой вертѣлся около ея: оныя столько были внимательны къ ея взорамъ, что она могла ими дѣйствовать, какъ хошѣла. Когда спросилъ я у ней объ родѣ ея желанія, получилъ въ отвѣтъ: что она, не зная щастливѣйшаго состоянія предѣ тѣмъ, въ коемъ находится, пожелала остаться въ ономъ на всю жизнь. Судьба ваша, сказалъ я ей, зависитъ отъ васъ самихъ, въ чемъ вы скоро удословѣришь.

Обратился я по томъ къ веселой Кларисѣ, похищенной съ береговъ Сены. Я представлялъ у ней молодого верхопраха; она шесть часовъ была въ меня смертельно влюблена, по томъ стала холоднѣе. Я безпрестанно съ нею шандовалъ, рѣвился и пѣлъ новыя пѣсенки; она съ утра до вечера перемѣнила на себѣ шестнадцать разныхъ प्रकारовъ плашья. Узнавъ о шайнственномъ сосудѣ, сказала она въ оный: „Я хочу, чтобъ жизнь моя наполнена была веселіемъ, и чтобъ сердце мое подвластно было одной мнѣ.“ Тогда представъ къ ней духъ, владычествующій надъ сердцами, съ множествомъ крылатыхъ мальчиковъ; онъ вдунулъ въ ея сердце порошокъ, состав-

дѣн-

лениаго изъ шолченаго аміаншу (*), а мальчишки прыгали около ея, пока ей захохѣлось спать. На вопросъ мой объ ея желаніи, сказала она мнѣ, что оное состоявало лишь то, чтобъ сердце ея было всегда подвлястно одному мнѣ, и чтобъ я всегда находилъ въ ней шаковоежь веселіе, каковое обрѣщаетъ она во мнѣ. Я вмѣсто ошѣшу пропѣлъ ей новую пѣсенку, пропрыгалъ съ нею побрашски, и пожелавъ ей добраго вечера, ушелъ къ предѣстной Славянкѣ.

В Е Ч Е Р Ъ XLV.

Прекрасная Славянка посѣщала не однократно жилище Желаній, и въ первый разъ сказала: „ Я хочу узнать особу, „ которая мнѣ понравится послѣ того, „ какъ нынѣшній любовникъ мнѣ наску- „ чить. „ Тогда появилась предъ нею любви до.

(*) Аміаншъ есть родъ камня, раздѣляющагося на нити, которыя прядутъ по подобію льна, шкутъ подошно, которое въ огнѣ не сгораетъ. Дѣлаютъ также изъ онаго и бумагу, равно- мѣрно неподверженную дѣйствію огня.

достоинной иудина, которой бросившись на колѣни, благодарилъ ее за ускореніе похоти манушою, въ которую пріобрѣтаешь онъ ее сердце. Она столько занялась новымъ своимъ любовникомъ, что ежедневно, когда онъ нѣе удалялся, бѣгала въ жилище Желаній, гдѣ препровождала все время, которое могла украсть отъ меня; она не пропустила сходишь туда и въ томъ часѣ, когда я убѣждалъ ее открытъ о свойствахъ ея желанія.

Должно быть противу васъ чистосердечною, сказала она мнѣ; во первыхъ по тому, что сердце Славянки не можешь спрашиваться того, что дѣлаешь, а равнобѣрно и обхожденіе ваше со мною столь обязательное, что не справедливо бы было заплачивать за оное лицемѣрствомъ. Въ томъ день, какъ вы открыли мнѣ о тайнственномъ сосудѣ, пошла я къ одному изъ единого любовничества, и разсудивъ, что не можно вѣчно любить одинъ предметъ, пожелала я узнать человека, которой по васъ заступитъ мѣсто въ моемъ сердцѣ. Сей появился, и признаюсь въ моей слабости: онъ показался мнѣ столько любви достоинъ, что я предалась совсѣмъ вдохнутой имъ въ меня къ нему склонности. Я не заслуживаю больше вашихъ стараній: и такъ удалилъ меня отъ себя въ мое отечество; но въ послѣдній
опытъ

опытъ вашей любви ко мнѣ, присоедините ко мнѣ моего новаго любовника, и опустите меня съ нимъ.

Приванте сего рода, долженствовавшее побудить меня къ досадѣ, произвело прошивное дѣйствіе въ моемъ сердцѣ: оно восхитилось, нашедъ чистосердечіе, котораго искалъ я съ такимъ желаніемъ въ нѣжномъ полѣ. Нѣшъ, *Селмира!* (такъ называлась она) ты останешься со мною, сказалъ я ей; хотя склонность твоя ко мнѣ угасла, но со всемъ тѣмъ ты мила для меня. Чистосердечіе твое замѣняетъ въ сердцѣ моемъ все мѣсто нѣжности, которой ты меня лишила. Нѣшъ! не могу я рѣшиться на то, чтобы съ тобою разстаться: я люблю тебя столько, что старанія мои превозмогутъ надъ сею новою похищающею тебя у меня любовію. Припомъ же, еслии вы согласитесь, я могу чрезъ помощь моего искусства сыскать средства, кои вселятъ въ васъ отвращеніе къ новому столько милсму вамъ предмету. . . . Но нѣшъ! я не хочу владѣть вашимъ сердцемъ чрезъ иное средство, кромѣ любви. Побъжайте, а я умру! — Состояніе мое въ самомъ дѣлѣ было тогда жалосно; великодушіе ея преодолѣло. Она согласилась остаться со мною на нѣсколько времени. Старался я дать ей познать всѣ красоты обитнаемаго ею жилища, въ коемъ пред-

предупреждало ее все, что составляет удовольствие въ жизни. Я пренебрегъ тогда притихъ похищенныхъ мною красавицъ, и занимался только ею; но увы! всѣ заботы мои имѣли печальную участь. Сѣ чистосердечіе, коимъ прельстила меня *Селмира*, дало мнѣ почувствовать жесточайшее мученіе. Она ежедневно признавалась мнѣ, что сердце ея неспособно имѣть ко мнѣ возобновленіе страсти, и что новой любовникъ будешь навсегда онаго властитель. Признайте ее подвергло меня крайнему отчаянію: увы! говорилъ я ей не однократно, отвергните сію ужасную для меня искренность! Обманывайте меня, чшобъ я увѣрился о любви вашей! Сносите бытъ оболъцему шѣмъ, чего желаете страшно. Ахъ! оказывайте мнѣ хотя слабый видъ нѣжности вашей ко мнѣ; не ужь ли великаго принужденія стоить для женщины притвориться? — Нѣтъ! отвѣчала она, не отъ меня зависитъ: мое сердце очень занято любезнымъ моимъ, чшобъ могло казаться страшнымъ къ другому; я принуждена являть себя шаковою, какова я въ самомъ дѣлѣ. Не лъзя и вамъ имѣнить мнѣ въ пресупленіе шу добродѣтель, кешпорой сами во мнѣ желали.

Наконецъ видѣвъ, что я не могу ничего пріобрѣсть надъ нею, рѣшился удалить ее отъ себя: я привелъ ее въ чертоги двор-

Часть IV.

I

ца

да моего, гдѣ находились уже и прочія похищенные мною дѣвицы. Я ничего не желалъ отъ васъ, сказалъ я имъ тогда, oprичъ чистосердечія, и безъ прищворства даже и въ налѣйшихъ вещахъ; но одна только изъ васъ открыла имъ истинну, въ разсужденіи тайнаго своего вопроса; а прочія всѣ спарались меня обмануть. Вы познаете, чего стоить противиться великомочному духу, имѣющему сердце подобное моему. — Вы, госпожа, похищенная при Дунаѣ, желали, чтобъ время, лишшающее красоты прочихъ женщинъ, придавало вашей ежедневно новое сіяніе: прижите сей сосудъ воды столько прославленной стихошворцами, которая исполнитъ желаніе ваше ошашься навсегда прекрасною.

Что надлежитъ до васъ, сказалъ я прекрасной Гречанкѣ: вы пожелали учиниться столькожъ чувствительною къ страсти какого нибудь любовника, сколько мало ощущали того до нынѣ: вотъ талисманъ, имѣющій доставить сердцу вашему желаемую чувствительность; красота ваша довершитъ прочее, и послужитъ вмѣсто привороша.

Ваше желаніе, сказалъ я по томъ *Резалинѣ*, относилось къ тому, чтобъ познать всѣ степени ушѣхъ, царствующихъ въ свѣтѣ, и имѣть власть избирать оныя по вашей волѣ: возвратитесь къ брегамъ Тибра; шамъ, вмѣсто сей принужденной жизни, буде

деше

деше вы находимся въ полной свободѣ, и всѣ ушѣхи отверзущся для васъ по вашему желанію.

Въ разсужденіи васъ, продолжалъ я къ молодой обитательницѣ Темзы; вамъ хотѣлось, чтобы сердце ваше могло дѣлаться на столько часшей, сколько есть вашихъ хотѣній; для раздробленія таковыми образомъ сердца, ниѣ кажется, что надлежитъ вамъ лишь послѣдовать вашей склонности. Между шѣмъ примите сей алмазной перстень съ таинственными характеристиками, которой поможетъ вашему сердцу принимать впечатлѣнія, какія вамъ угодно.

Обратился я по шомъ къ пригожей Мексиканкѣ. Воспитаніе ваше, сказалъ я ей, дѣлаешь миѣ довольно чести: вы вдругъ вышла изъ слѣпошны, и научились притворяться искуснѣйшимъ образомъ; хотя, сказать правду, за таковой успѣхъ должны вы больше разположенію вашей природы, чѣмъ мои наставленія. Вамъ хотѣлось, чтобы пріятнѣйшая минуша жизни вашей продолжалась, сколько вамъ будетъ угодно; примите это рѣдкое кольцо, могущее произвестъ сіе дѣйствіе, когда вы надѣнете оное на вашъ палець. Но чтобы лучшее употребленіе учинить этому моему подарку: забудьте дикое ваше отечество, и переселитесь обитать въ свѣтлыи города, орошаемаго рѣкою Сеною.

Въ разсужденіи васъ, прекрасная *Клариса*! чтобъ, по вашему желанію, жизнь ваша наполнена была веселіемъ, и чтобъ сердце ваше подвластно было только вамъ самимъ: возвратитесь домой, спарайтесь отгонять отъ себя разсужденіе, и пользуйтесь симъ неизчерпаемымъ кошелькомъ, кошорой я дарю вамъ; желанія ваши совершатся.

По окончаніи сего обратился я взоры на *Селмиру*; я не могъ взирать на нее безъ крайняго смятенія. Спупай, сказалъ я ей, жестокая моя мучительница! угодно тебѣ было узнать особу, кошорую будешь любить тогда, какъ я тебѣ наскучу: вы видѣли сего любовника, похитившаго у меня ваше сердце. . . . Но чѣмъ льстимься мнѣ и въ семъ, будшо бы онъ учинилъ васъ ко мнѣ невѣрною? вы меня не любили, или по крайней мѣрѣ нѣжность ваша ко мнѣ была какъ кратковременна, что некогда было и познашь мнѣ оную. Однако желаніе ваше исполнилось: вы владѣете тѣмъ, что вамъ любезно: возвратитесь въ ваше отечество. Я могъ бы учинить любовника вашего сколькожъ непостояннымъ, каковы были вы въ разсужденіи меня; но ваши горести не исцѣлять меня отъ моихъ; увы! напротивъ, печаль ваша умножила бы мои мученія. . . . Не все еще въ помѣ, государыни мои, что могъ я для васъ сдѣлать: я даю вамъ по колесницѣ,

ком

кон перенесуть васъ, куда будетъ вамъ угодно; и наконецъ прошу васъ взять съ собою всѣ дорогіе камни и украшенія, находящіяся въ вашихъ палахахъ. Вотъ послѣдніе знаки моего вамъ мщенія! Мнѣ не на кого жаловаться, кромѣ на самаго себя. Вы научили меня, что должно разумѣть объ женщинахъ по виду, подѣ коимъ онѣ кажутся. — О ешьлибъ сѣдоваалъ я сему правилу, сколь былъ бы я благополученъ! Наружность ваша была для меня прелестнѣйшая на свѣтѣ. *Селмира*, приключившая мнѣ столько огорченія, имѣла все, что могло льстить меня до минуты, въ которую пожелалъ я испытать глубины ея сердца; мнѣ надлежало бы пользоваться ея чувствованіями, не стараясь повлиять сердцу столько искреннее и непостоянное. — Прощайте, милостивыя государыни, сохраните меня въ памяти вашей; ибо надѣюсь, что я заслужилъ это. Тогда онѣ разѣхались, а я удачился въ единеннѣйшую часть моего дворца, гдѣ испытывавъ чрезъ нѣсколько времени все отчаяніе, кое чувствуютъ при утратѣ любезнѣйшаго на свѣтѣ, рѣшился исцѣлить себя шаманствомъ, которое съ помощію времени возстановило спокойство страдающаго сердца.

По мѣрѣ, какъ сіе спокойство рождалось во мнѣ, мученія любовныя истребля-

лись ежедневно, и я равнодушно началъ
 вспоминать только о тѣхъ минутахъ,
 кои приносили мнѣ утѣхи. Для совершен-
 наго восстановления души моей,
 вознамѣрился я объѣхать всѣ острова и мѣ-
 ста, не извѣстныя еще мнѣ въ Азіи. Сѣлъ
 я на корабль при берегахъ Коромандельскихъ;
 поварищи сего путешествія показались мнѣ
 людьми пріятными въ обхожденіи. Я по-
 плылъ съ ними, надѣясь въ нихъ обществѣ
 и отъ перемѣны мѣста разогнать оспаш-
 ки моей скуки. Мы объѣхали берега Афри-
 канскіе, моря Средиземнаго, и чрезъ Про-
 понту вошли въ Евксинское море. Тутъ
 кормчій нашъ усмотрѣвъ гонящихся за нами
 корабли, и хотѣлъ удалиться, но старанія
 его были бесполезны; шхъ судна, легчай-
 шія нашего на ходу, скоро къ намъ при-
 ближились: по знакамъ примѣтили, что
 были то морскіе разбойники, вышедшіе отъ
 устья рѣки Фермодона. Кормчій нашъ ска-
 зывалъ, что на берегахъ сказанной рѣки
 находится Королевство, населенное и управ-
 ляемое одними воинственными женщинами,
 Амазонки (*) называемыми; и какъ оныя
 раж-

(*) Амазонки, сіи славныя въ древности воин-
 ственныя женщины, обитали въ малой Азіи по
 берегу рѣки Фермодона, находящейся нынѣ
 въ Каппадокии Понтійской. Древніе Писатели
 многое объ нихъ упоминаютъ.

ождаемыхъ отъ себя мущинъ истребляющъ,
но безпрестанно вооружающъ корабли для
разбѣговъ, берушъ мущинъ въ плѣнъ, и
одержавъ оныхъ въ неволѣ, иногда на всю
жизнь.

Всѣ сопутники мои поблѣднѣли отъ се-
го извѣстнаго, и условились защищать свою
вольность до послѣдней капли крови; одинъ
только я пропавшася сему намѣренію: я
совѣщовалъ имъ ошдашься въ плѣнъ безъ
обороны, обѣщая извлечь ихъ изъ рабства,
кошораго они опасаются, и увѣряя, что
тогда выведу всѣхъ ихъ изъ сего мѣста,
когда пребываніе въ ономъ имъ наскучитъ,
обремененныхъ припомъ всеми богатствами
сего государства. Но увидѣвъ, что обѣща-
нія мои мало въ нихъ дѣйствующи, захо-
тивъ я принудить ихъ чрезъ силу искусства
моего какимъ нибудь необыкновеннымъ
приключеніемъ: я коснулся до корабля на-
шего моею волшебною палочкою, швы онаго
потчасъ раскопашились, вода полилась въ
него ручьями, и они сочли уже за щастіе
спасши жизнь свою на корабляхъ Амазонкѣ.

Сии женщины, обрадовавшись получен-
ной добычѣ, вскорѣ доплыли въ пристань
свою, и привели насъ въ столичной свой го-
родъ, гдѣ пустили насъ ходить на свободѣ,
не подвергнувъ никакому закону. Мы про-
вели нѣсколько дней въ сѣмъ состояніи, и

безъ сомнѣнiя весело, въ шаковомъ мѣстѣ, гдѣ мужчины были дороже волоша. Товарищи, взятыя въ плѣнъ со мною, не оспучались отъ меня: я постарался доставлять имъ избыточество во всемъ нужномъ для жизни, и они начали имѣть великую надежду въ исполненiи моего обѣщанiя. Въ одинъ день, когда собрались мы на большой городской площади, окружили насъ вдругъ множество женщинъ, приказавшихъ намъ за собою сѣдовать; я не хотѣлъ, чтобы имъ оказано было сопротивленiе, и первой протянулъ руку къ наложенiю оковъ, коими насъ обременили. Привели насъ въ обширныя палаты, гдѣ нашли мы собранiе женщинъ, сидящихъ рядами на нѣкоемъ родѣ амфитетра, и показывающихъ на лицахъ важной видъ; онѣ всѣ были совершенно прекрасны. Одна изъ нихъ начала говорить ко мнѣ, какъ къ начальствующему между плѣнниковъ: здѣсь Сенатъ, сказала она, гдѣ судятъ преступниковъ; пригоовьтесь къ заслуженному наказанiю.

А какое наше преступленiе? сказалъ я; мы не признаемъ себя виновными: и еслили учинились оными въ невѣденiи, это улаживаетъ узы, наложенныя вами на насъ, когда изрекла нашъ приговоръ уста прекраснѣйшихъ на свѣтѣ. — Такимъ-то образомъ приносишь вы оправданiе! продолжала она; это

нѣ-

вѣконнѣ образомъ уменьшаетъ обиду, намъ приключенную, но не совсѣмъ: вамъ бы надлежало знать, что всѣ мужчины здѣсь невольники; и когда находятся они недѣлю въ нашемъ царствѣ, слѣдуетъ имъ добровольно избрать его, коему подвергнуться. Съ того времени, какъ вы здѣсь, надлежало бы вамъ развѣдать о семъ главномъ законѣ; но теперь подвергли вы себя виною узамъ, кои бы впрочемъ наложили по вашему выбору.

Тогда начали онѣ совѣтовать между собою, и назначили намъ разныхъ особъ, кому кого изъ насъ отдавать въ рабство. Я, благодаря щастливой моей наружности, меня украшавшей тогда, достался на часть Царицы. Я просилъ у ней единой милости, прежде нежели развели насъ по мѣстамъ, назначеннымъ для невольниковъ, чтобы переишь наединѣ съ моими товарищами.

позволено. Я обвинялъ оныхъ всѣхъ и сказалъ, что никогда не оставлю ихъ безъ помощи; что буду я почасту съ ними видѣться, и что они всего могутъ надѣяться отъ моей силы. Слова мои убѣдили ихъ взирать безъ ужасу на рабство, въ которое они впали, и по оказаніи мнѣ благодарности, мы разстались, чтобы предаться нашей участи.

Меня опшведи въ палаты, гдѣ заперты были узники Царицыны; я умираю съ неперпѣнїа увидѣшь сїю Государыню. У ней столько было невольниковъ, сколько часовъ въ году: они одѣшы были щеголевахо, и насшавляли ихъ въ играхъ и пласкахъ для ея забавы. Не проходило дня, въ кошорой бы не приходила она ихъ навѣщашь; для всякаго изъ нихъ былъ особливой покой, снабженный всѣми надобностями; а когда Царица приходила ихъ смотрѣшь, разстановляли оныхъ въ большихъ переходахъ, гдѣ всякой шарался другъ предъ другомъ ей понравившяся.

Одни, когда она проходила, цаловали свои оковы, другіе обшершывали оныя около головы на подобіе вѣнца; нѣкоторыя въ пѣсняхъ, подражая Грекамъ, возвышали свое рабство надъ скипетрами всѣхъ Царей земныхъ. Иные, одѣшы образомъ духа владычествующаго надъ сердцами, у ногъ ея полагали стрѣлы и пламенники, производящїе любовь. Въ одной сторонѣ шолпа сихъ плѣнниковъ чрезъ пѣнїе и шѣлодвиженїа изображали печаль, приключаемую имъ ея опсушствїемъ. Въ другой сторонѣ иные такимъ же образомъ извѣляли блаженство шѣхъ, кои учиняются предметомъ ея милосшей; ибо она ежедневно приходя забавалась ихъ играми, повсегда нововобрѣшенными, всегда

гда полагала выборъ на котораго нибудь изъ невольниковъ; она просягивала къ шому поцаловашь руку. Тогда освобождали сего изъ оковъ, украшали цѣпями изъ цѣштовъ, налагали на него миршовой вѣнокъ, и онъ подавъ руку Царицѣ, провождалъ ее въ храмъ, посвященный Богинѣ увеселеній. Такъ Амазонки называли Венеру, или по Славянски Ладу, извѣстную въ прочемъ свѣстѣ подъ именемъ Волшебницы утѣхъ. По совершении жершвы предпочтенный невольникъ возвращался въ свои оковы, и не получалъ ошличія предъ прочими.

Едва только одѣли меня въ одежды невольника, опведенъ былъ я въ переходы, куда ожидали Царицу. Я примѣшилъ движеніе во всѣхъ моихъ шоварицахъ въ сысканіи средства понравиться сей Государыни. Миѣ показалось, что къ достиженію сего должно взять совсѣмъ прошивныя мѣры, и что общія со всѣми ухватки меньше ошличашь меня отъ нихъ, нежели досада, оказываемая къ ношенію оковъ. Я постарался на сей конецъ занять у трехъ сильныхъ волшебницъ, называемыхъ Граціями, все, что онѣ имѣютъ живѣйшаго и прелестнѣйшаго для Лады.

Когда появилась *Фелестра* (такъ называлась сія Царица), увидѣвъ я усугубленіе ябощъ и шщанія во всѣхъ невольникахъ.

Сколько

Сколь достойна была она сего! Никогда природа не производила ничего ее прекраснѣе: въ чертахъ и поступкахъ ея господствовало нѣчто влекущее къ ней души. Одинъ я только посреди внимательной толпы предсталъ ея взорамъ съ видомъ равнодушна; я казалъ себя стыдящимся моими оковами, и являлъ печаль, царствующую на лицѣ моемъ. Царица взумлена была поступкомъ новаго своего невольника, котораго тогда ей представили; она похвалила приятность моей особы, и жаловалась на печаль, въ коей казался я погруженнымъ.

Къ чему си знаки унынія, сказала она; участь, коей предопредѣленъ ты со множествомъ другихъ, восхищенныхъ своимъ рабствомъ, можешь ли оскорблять себя? — Монархиня! сказалъ я, естли бы рабство было щастіе, лишь бы при васъ имѣло оно приятности; оно показалось бы мнѣ щастивымъ, когда бы я самъ избиралъ оковы, наложенныя на меня по неволѣ: я не вѣдалъ, что по законамъ вашего царства, пробывъ здѣсь нѣсколько дней, надлежало предупредить свою неволю, чтобъ не попасть въ оную. И такъ, свѣтлѣйшая Царица! не сердце мое, но незнаніе виною, что я попалъ въ ваши узы. Повели возвратить мнѣ свободу, и я шотчасъ учиню добродѣтельное пожертвованіе той красавицѣ въ

вашемъ царствѣ, къ которой больше при-
влекешь моя склонность. — Сія склонность,
сказала *Фалестра*, можешь ли доставить
лучшее достоинствѣ предъ шѣмъ въ каковомъ
ты находишься? Можно ли быть щастливѣе,
какъ надлежать той, которая владыче-
ствуетъ въ этомъ царствѣ? Но ты,, примол-
вила она, довольно для меня не важенъ, и
по тому соглашаюсь я оказать требуемую
тобою милость. Выговоривъ сіе, она удали-
лась, и не хотѣла въ сей день смотрѣть
игры и забавъ, отправляемыхъ въ палатахъ
невольниковъ. Она не выбрала никого изъ
узниковъ, и возвратилась въ свой дворецъ.

Меня порадовало скорое ея удаленіе, и
то, что она не выбрала ни одного изъ не-
вольниковъ. Последнее совершило бы для
меня ударъ жестокой; ибо я почувствовалъ
къ ней нѣжнѣйшую страсть. Я льстилъ
себѣ, что выразеніе, съ каковыми произ-
несла она слова, *ты довольно для меня
не важенъ*, доказывало совсѣмъ о против-
номъ, и безъ сомнѣнія досада, оказанная
мною къ ношенію ея оковъ, произвела въ
ней выгодныя для меня разположенія; по-
неже не рѣдко случается, что оскорбляя
щеславіе женщины, пріобрѣтають любовь
я.

Я съ нетерпѣливостію ожидалъ дня,
въ который *Фалестра* придетъ возвратитъ

ми свободу, а я опять пожертвую ей оной! Она прислала за мною на другой день; и сама присушествовала въ Сенатѣ. Увидѣвъ я ее сидящую на великолѣпномъ престолѣ, и украшенную всею, что могло возвысить ея прелести. Чиновныя ея госпожи сидѣли на своихъ мѣстахъ по обѣимъ сторонамъ.

Царица дала знакъ къ сложенію съ меня оковъ: ты свободенъ, сказала она мнѣ; размотри прелести всѣхъ особъ, составляющихъ Дворъ нашъ: возьми оковы, лежащія на подножій престола моего, и отнеси къ стѣпамъ той, кошорую изберешь свое сердце. — Я повиновался, и притворясь на нѣсколько занятымъ размышленіемъ, поднялъ опредѣленныя мнѣ оковы, и пошелъ къ наперстицѣ царицыной; *Фалестра* заключивъ, что я оной предаюсь въ невольничество, оказала въ себѣ великое смущеніе. Я приблизился къ той госпожѣ, и сказалъ: милосшивая государыня! вы та особа, коей свѣдѣйшая Царица никогда ни въ чемъ не отказываетъ; удостойте присоединить ваше предшательство къ усердѣйшимъ моимъ прозьбамъ, чтобъ я удостоенъ былъ опять войти въ тѣ же ея оковы, кои она повелѣла сложить съ меня. Я никогда не желалъ вольности, кромѣ того, чтобъ добровольно оную ей пожертвовать. Убѣдите прекраснѣйшую Моцархнію принять новые

вый опытъ жершвы, приносимой ей оубъ моего сердца.

Наперсница всшала, и препроводя меня къ подножію престола, повелѣла повергнуться предъ оными. *Фалестра*, не могшая до того времени скрыть своего безпокояшва, оказала на лицѣ своемъ движеніа радости; она сама наложила на меня подносивыя мною оковы; я осибился спокрашно добзашъ прелестную руку, учиняющую меня невольникомъ, и замѣчалъ въ очахъ ея смяшеніе, одобряющее восторгъ мой. Царица дала знакъ къ ошведенію меня въ палашы невольниковъ; я побѣждалъ въ оныя, льсша себѣ приближеніемъ минушы, въ кошорую учинюсь я рабомъ предпочтеннымъ ея.

Она пришла почти въ слѣдъ на мною. Лишь появилась она на переходахъ, оказалъ я ибжное смущеніе, производимое присушствіемъ возлюбленнаго предмета, и между шѣмъ, какъ прочіе невольники занимались обыкновенными своими играми, взоры мои устремлены были шолько на нее. По приближеніи къ шому мѣшшу, гдѣ я стоалъ, дала она знакъ одному изъ невольниковъ приближиться къ себѣ; она просянула къ нему руку: я сочшя, что выборъ ея палъ на онаго, пораженъ былъ живѣйшею горештію, и пронзесъ громкій вопль. *Фалестра* пришворилась не замѣшнвшеею сего; она подала при-

приблизившемуся невольнику свой скипешръ :
 ошнеся сей, скавала она, къ новому моему
 паѣннику, и чшобъ онъ самъ возвращилъ
 миѣ оной. Я принялъ скипешръ шрепещу-
 щюю рукою, обѣжалъ простреться къ ногамъ
 ея, и держалъ оныя долго въ монхъ обѣ-
 ятіяхъ. Она подала миѣ руку свою; я ца-
 довалъ оную съ восшоргомъ челоувѣка совер-
 шенно влюбленнаго. Надлежало меня отша-
 щить для украшенія убраншвомъ, въ ко-
 торомъ слѣдовало миѣ вести Царицу въ
 храмъ Богини увеселеній. *Фалестра* сама
 опушала меня цѣпами изъ цвѣшовъ, и воз-
 ложила на меня вѣнокъ миршовой; я подалъ
 ей руку, и мы пошли къ храму.

В Е Ч Е Р Ъ XLVI.

Гошovy уже мы были вшупишь во вра-
 та, какъ вавшоры оныхъ сомкнулись съ
 усилемъ, и грозный голосъ произнесъ слѣду-
 ющія слова:

Здѣсь предестей огня сердцамъ извѣстна
 страшнымъ,

Ни чья еще отнюдь не чувшвовала кровь:

Накажешся ошнынъ всякъ бѣдствіемъ
 ужаснымъ,

Кшорого сюда приводишь *не любовь.*

Какъ!

Какъ! сказала *Фалестра*; любовь, сей
 опасной богъ, хочешь подавашь законы въ
 моиѣ царствѣ? Говоришь, что народы все-
 го свѣща ему подвластны, но мы адѣсь за-
 раемъ на его права и ушѣхи не иначе,
 какъ на увеселеніа: шакъ назвала мы и храмъ,
 въ которъй приходимъ воздавашь жершву
 то машери, жершву, въ кошорой сердца на-
 ши не участвуешь; мы пріобыкли сохра-
 нять оныя въ ненарушимой независимости.
 Но скажи миѣ, продолжала она, какія шо
 движенія, конхъ шребуешь ошъ насъ любовь?
 — Ахъ! сколь много дали вы миѣ познашь
 оныя! ошвѣчалъ я; и сколь достоинъ я со-
 жалѣнія, естльи оныя вамъ неизвѣстны!
 Сей ужасъ, почувшвованный мною, когда,
 показалось миѣ, что вы избираете не меня,
 а другаго невольника: радость, послѣдовавшая
 оному, когда рука ваща простерлась къ
 ушамъ моиѣ. . . . Какъ! сказала *Фалестра*
 прервавъ слова мои, сіи-шо знаки власти,
 кон имѣешь любовь надъ нами? увы! нѣшь
 причины обвиняшь мое сердце. Безпокойство
 и радость, изображенныя миѣ шобою, и ко-
 нхъ я еще не вѣдала, жестоко занимали
 сердце мое съ самой шой минушы, какъ
 я себя увидѣла; я желала бышь и въ тебѣ
 смѣ движеніамъ, объявшимъ меня противу
 моей воли, и почувшвовала несказанное удо-
 вольствіе, познавъ, что и щы со мною это

Часть IV. К рай-

раздѣляешь. Пойдемъ ; входъ во храмъ намъ позволенъ , и сей духъ , только проникшій въ мое сердце , по видимому требовавши лишь изустнаго моего признанія , Тогда двери храма разверзлись ; мы вошли , поверглись къ подножію жершвенника , и шократно благодарили духа , коего владычество надъ собою почувствовали. Царица повелѣла всѣмъ придворнымъ господамъ своимъ собраться въ храмъ для отреченія отъ оной независимости сердца , коя чрезъ столь долгое время была имъ драгоценна. Оныя сбѣжались очень скоро , и каждая изъ нихъ съ своей стороны оказывала ревность и усердные обѣщанія для пріобрѣтенія благосклонности бога любви. Тогда шократно возпѣли въ честь любви гимнъ , мною сочиненный въ которомъ постарался я помѣстивши всѣ побѣды бога сердець , и все , что и-кусство стихотворческое имѣешь въ себѣ привлекательнаго.

По совершеніи онаго обряда вышли мы изъ храма въ торжествѣ. Я велѣлъ Царицу въ палаты невольниковъ. Едва вслушались мы въ оныя , женщина , показывающая начальника стражи , хотѣла возложить на меня оковы. Нѣтъ ! сказала Царица , сіи знаки поноснаго рабства не для того смертнаго , котораго я люблю ; я однимъ сердцемъ моимъ хочу удержатъ его въ неволѣ. Она шокчасъ позволила своимъ господамъ

авби

забирать изъ ея невольниковъ шѣхъ, кои понравятся ихъ сердцу, и снять съ оныхъ оковы. По учиненіи сего разбора повелѣла она, чтобъ сіи невольники не обижали уже больше въ ея палатахъ, и чтобъ не случались ошъ своихъ госпожъ до шѣхъ поръ, какъ духъ, владычествующій надъ сердцами, позволишь удалиться ошъ особы, любезной каждому.

Какая скорая переменѣна во всемъ царствѣ! Красавицы, обходившіяся всегда презрительно съ своими невольниками, повели каждая своего шоржешвенно; и чтобъ подражать пошупку своей Государыни, появились на лицахъ у всѣхъ чувствованія нѣжности. Начались всюду игры, щеголеватыя пирушки; всякая старалась въ свою очередь пріобрѣсти славу въ шомъ, чтобъ учинить любовника своего совершенно щасливымъ. Царица назначила для себя два дни въ недѣлю, въ которые лишь начинало смеркаться, госпожи съ любовниками своими собирались для праздниства въ увеселительной домъ, освѣщенный различными огнями. Зданіе сіе вмѣщало въ себя все шо, что нѣдра земныя и искусство ни имѣють драгоцѣннаго и блистательнѣйшаго. На шеашрѣ, въ части онаго находящемся, предшавляли свиданія любовниковъ и нешерпѣливостъ ихъ ожиданія. Изъ шеашра переходили пировать въ огромной залѣ,

валъ, гдѣ наслаждались вкуснѣйшими ѣствами, и гдѣ отборнѣйшія Греческія вина были расточаемы. Радость, сіяющая на лицахъ и въ сердцахъ всего собранія, совершила великолѣпіе празднества.

Духъ иѣжності, предѣдательствующій шумъ, повсегда давалъ чувствовашъ свое присушствіе. Царица, для отвращенія припущенія, изгнала изъ сихъ собраній преимущество и различіе чиновъ; она не хотѣла предъ подданными своими имѣть ниаго предпоченія, кромѣ того, чшобъ страшнѣе любилъ своего невольника.

При окончаніи пиршества я взялъ лиру, и при звукѣ струнъ воспѣлъ любовь Певши и Купидона. Я изобразилъ бѣдственное любопытство сей любовницы, навлекшее ей столько несчастій. Я не забылъ пушешествія оныя во адъ. Я изобразилъ благоденствіе ея, когда она по укрощеніи ревности Венериной учинилась супругою возлюбленнаго своего бога, и какъ Юпитеръ учинилъ ее безсмертною. На послѣдокъ всякая чеша удалалась на покой, и осматокъ ночи посвящалася шоржествамъ всемоной Лады.

Сколь завидна была тогда моя участь! Я беспрестанно былъ съ драгоцѣннѣйшею моею Царицею, и которая съ своей стороны оказывалась забывающею для меня все на

на свѣтѣ. Я занимался только ею, пренебрегалъ всѣ танчества моего искусства: не было для меня ничего сладостнѣйшаго, какъ сравниться моею возлюбленною. Но цѣлствіе знаковое было не долговременно. Съ движеніями любви происходишь то же, что случается и съ прочими вещами въ жизни, кои всегда близки къ концу, достигая совершенства. Истиннѣя заботы мои къ удержанію сердца *Фалестрина* лишили меня онаго; опричь ее не имѣлъ я иныхъ предметовъ; и хотя услуживали мнѣ только женщины, одна другой прекраснѣйшія, ниже одна изъ нихъ не вдохнула въ меня ни малѣйшей склонности къ измѣнѣ. *Фалестра*, какъ узналъ я по чрезъ вѣрныхъ особъ, не имѣла ни одной минушки чрезъ все оное время, въ которое могла бы быть недовольна мною: но увы! удосновѣреніе для женщины, что ее совершенно любяшь, не есть вещь, могущая учинить ее вѣрною! Царница сія испытавъ, что ничто не можешь у ней похитить моего сердца, начала меньше уважать онымъ; она до нѣхъ поръ набывала обо всемъ могущемъ ее омучать отъ меня. Истинное наше присущствіе служило намъ вмѣсто вѣхъ ушѣхъ на свѣтѣ: но я началъ замѣчать ежедневно, что она теряла то живое стремленіе, кое вдыхаетъ страшная любовь; она начала искать пред-

готовъ, для конхъ бы можно ей было, ошъ
меня удалишься. Силою моего знанія могъ
бы я сѣдашъ о шомъ, что ее ошъ меня
ошълекаетъ; но я опасался проникнуть въ
испинны бѣдшвенныя любви моея, и лучше
кошѣлъ оставишь въ неизвѣстности.

Въ нѣкошорый день бывъ оставленъ ею,
пошелъ я жаловашься духу, владычештвую-
идему надъ сѣрдцами, на перемѣну, находи-
ную мною въ *Фалестрѣ*. О! сколько шы
жешокъ! сказааь я ему; для чего учиниаь
шы невѣрною ко миѣ мою любовницу, и
шогда, какъ я повсешасно мииаь дости-
ташь времени бышь испинно любиму? Моє
сѣрдце, мои забошы и мои штаранія про-
пустииаь хошя что нибудъ къ шому нуж-
ное? — Они-шо и лишають шебя еѣ, ошъ-
вѣчалъ духъ. Ивлишняя вѣрность въ любов-
никѣ влагаетъ въ сѣрдце женцины нѣко-
шорую скуку, кошорая скоро приводитъ ее
въ равнодушіе; измѣна лучше ихъ привязь-
заетъ. Въ женцинѣ самолюбіе почашу
бываешъ сильнѣе шой страшни, кою я вну-
шаю; и когда самое это самолюбіе не
имѣетъ уже больше чего желашъ въ одномъ
предметѣ, ищешъ оно другаго, могущаго
доставишь ему какое-нибудь желаніе. Но
познай все швое нещастіе (продолжалъ
онъ): Царица швоя совсѣмъ шебѣ невѣр-
на; она шеперь находишь въ палатахъ не-

воде-

вольничковъ, гдѣ жершвуешь шобою одному
 плѣннику своему. — Ахъ! какимъ ударомъ
 ты меня поражаешь! вскричалъ я. Для че-
 го не оставилъ ты меня въ невѣденіи о
 семъ несчастіи? Не знать совершенно, еще
 сомнѣваясь, составляетъ только часть ша-
 коваго бѣдствія! — Не жалуйся шакъ мно-
 го, отвѣчалъ мнѣ духъ сей; шѣ, коимъ ош-
 крываю я объ истинномъ ихъ состояніи,
 не весьма достойны жалости: однако я
 оправдаюсь предъ шобою въ перемѣнѣ къ
 тебѣ *Фалестриной*. Не справедливо обви-
 нять любовь за невѣрности, господствующія
 въ свѣтѣ; я не виновенъ въ нихъ. Спрѣ-
 ды, которыми поражаю я сердца, про-
 изводятъ въ оныхъ склонность, называемую
 любовью; но страсть сія не останавливается
 твердо на одномъ предметѣ: прочія имѣютъ
 право оную къ себѣ привлекать, что зави-
 ситъ отъ случаевъ и часто отъ своевра-
 вія женщинъ. — Но, могущественный духъ!
 сказалъ я, не можете ли вы по крайней мѣ-
 рѣ отврашить невѣрность, кгда *Фалестра*
 вздумаетъ предпочестъ мнѣ другаго неволь-
 ника? Сдѣлайте, чтобъ оной показался без-
 образенъ и отврашительнъ въ глазахъ ея.
 — Ештли мнѣ обезобразить, отвѣчалъ
 онъ, всѣхъ особъ, производящихъ невѣрность,
 или оной подвергающихся, во всей вселен-
 ной будущъ только одни чудовища. Поло-

жизнь на меня, не ищи ничего, кроме чистоты покаяния своим виновнику; достоверное ищенье состоитъ въ послѣдованіи ея приговору.

Я поблагодарилъ духа за поданные мнѣ совѣты; но не могъ принудить себя послѣдовать онымъ. Я спѣшилъ возвратиться къ сей невѣрной любовницѣ. Она вспрыгнула мнѣ возвращающаяся изъ палатъ невольниковъ; я учинилъ ей выговоръ самой ибжной; ошвыстствовано мнѣ съ холодностію, и сказано мнѣ шутливо, что подозрѣніе мое не основательно, и что не чѣмъ мнѣ упрекать ее. Родъ сего оправданія повергъ меня въ отчаяніе и подтвердилъ извѣстіе, сказанное мнѣ отъ духа властителя сердецъ. Въ самомъ дѣлѣ *Фалестра* и на другой день удалась въ палаты невольниковъ. Наглостяшковая меня рассердила; я побѣждалъ за нею, и предускорилъ ее, написалъ памфлетъ на дверяхъ палатъ, и сіюю онаго всѣ невольники изчели. *Фалестра* весьма изумилась, нашедъ пущымъ звѣринецъ свой; и ужасъ ея умножился, когда донесли ей, что и всѣ прочіе невольники во всемъ царствѣ также пропали безъизвѣстно. Вѣдомость сія привела ее въ крайнее бѣшенство; я былъ удовольствованъ утѣшаться ея отчаяніемъ; ибо я не ослушался отъ нее, а только учинился невидимымъ. Однако прозрѣла меня до внутренности души ю, что мнѣ всѣхъ

всѣхъ ея движеній познавъ я, сколь малую часть имѣлъ я въ сожалѣнн ея объ упрямѣ невольниковъ. Это принудило меня продолжать еще больше смущеніе, нисю ея приключенное.

Тогда отдава она повелѣніе вооружить всѣ корабли, находящіеся въ ея пристаняхъ, и послашь для наловленія по берегамъ Азии попребнаго числа невольниковъ къ наполненію палатъ своихъ. Немедленно женщины, опредѣленныя къ войнѣ, вступили на корабли и отплыли въ море; онѣ всѣ оживляемы были крайнею отважностію: имъ надлежало истишь ва вещь общую, и никогда не слѣдовали онѣ сему съ таковымъ жаромъ. Между шѣмъ Царица съ крайнею нетерпѣливостію ожидала кораблей своихъ, обремененныхъ тысячею разныхъ невольниковъ для вамъны шѣхъ, кошорыхъ упрасила. Я послѣдовалъ ва нею всюду, не бывъ ею видимъ. Сколько разъ готовъ былъ я повергнуться къ ногамъ ея и возвратить ей всѣхъ пѣвниковъ; но воспоминаніе объ невѣрности ея меня удерживало; и безъ сомнѣнія, что со временемъ увидѣлъ бы я въ каждомъ изъ оныхъ предпочтеннаго совѣсшника.

Въ нѣкоторой день услышали на пристанѣ морской радостныя восклицанія; причиною оныхъ было возвращеніе корабля.

Фалестра побѣждала сама шуда. Побѣда! побѣда! кричала госпожа начальствовавшая надъ кораблемъ, увидѣвъ свою Царицу; я привожу къ Вашему величеству прекраснѣйшихъ невольниковъ изъ всей Азии. Начали оныхъ сводить съ корабля; но вмѣсто ожидаемыхъ красавцевъ она увидѣла только недоростковъ, или мирмидоновъ, родящихся подъ Сѣвернымъ полюсомъ. Оные были шакъ слабы и шощи, что едва могли передвигать ноги, и имѣли видъ гадкой и отвращительной. Царица прогибавалась на женщинъ, начальствовавшихъ надъ кораблемъ, кои сами изумились, взглянувъ на плѣнниковъ своихъ, и клялись, что были шо прелестнѣйшіе изъ мужчинъ, когда они попались въ ихъ руки. *Фалестра* принуждена была имъ вѣрить и ушѣшась ожиданіемъ прочихъ кораблей, посланныхъ въ разбѣды. Между шѣмъ приказала она сихъ скверненькихъ плѣнниковъ отвести въ пущы свои палаты: но досада ея достигла крайности, нагда она чрезмѣрно долго безуспѣшно ждала возвращенія другихъ кораблей съ добычею. Надобно было Нимѣшь шерпнѣе. Она ходила иногда увеселяться въ палаты къ вилымъ своимъ невольникамъ, и чрезъ наряды старалась закрывать естественныя ихъ несовершенства. Поступскъ таковой понудилъ меня разстаться съ нею; я разсудивъ заключилъ, чтошобъ стараясь по-

ва-

забышь ее, не оказавъ ей ни малѣйшаго знака досады. Это было лучшее мщеніе:

Въ одинъ день, когда была она въ палатахъ невольниковъ, подала поцаловать руку своему нѣкоторому изъ вышеупомянутыхъ мирмидоновъ, коего она удостоила избраніа: вдругъ увидѣла она его превратившагося въ иную особу, и былъ это я, показавшійся глазамъ ея. Не безпокойтесь, скавалъ я ей, сего открытія; ибо не намѣренъ я мстить за мученія, приключенныя мнѣ вашею невѣрностію; я овладѣвъ сполнокомъ моимъ сердцемъ, что совершенно вамъ оную прощаю. Я пришелъ лишь испросить у васъ прощенія во множествѣ претерпѣнныхъ вами безпокойствъ, коихъ я былъ причиною. Признаюсь въ винѣ моей: не надлежитъ вмѣнять въ преступленіе любовницѣ того, что она уже насъ не любитъ. Постыжнѣ ей только возможно упрекать насъ, когда перестанемъ мы быть ей яравны; она можетъ у насъ спрашивать о причинѣ пропажи того въ любовникѣ, что ей льстило и чего она болѣе уже не находить. Но вы, сударыня, довольно дали мнѣ почувствовать, что я пересталъ вамъ быть угоденъ: и для того не вина васъ ни въ чемъ, возвращаю вамъ всѣхъ вашихъ невольниковъ, коихъ учинилъ я невидимыми. Я стеръ тогда шалисманъ, написанный на дверяхъ,

ъ

и невидящцы появились. Я испросилъ позволеніе у Царицы изключенія вѣнчаній въ павиль селеною, чтобы оныя возвращена была ихъ вольность. Она позволяла на это, и дала мнѣ корабль для отъезденія ихъ, куда угодно, наградила каждого изъ нихъ безчисленными сокровищами. Она старалась только меня удерживать при себѣ: вѣдь, отъѣзжая я на это, должно мнѣ васъ оставить, и единственно для того, чтобы вѣжная спросты наша опять не возобновилась: это не будетъ уже столько для меня легко, какъ возпоминованіе опрощенія моего счастья.

Фалестра, видѣвъ твердое намѣреніе мое къ отъѣзду, подарила мнѣ свой собственной корабль; я принялъ оный, и просилъ ее проводить меня до пристани. Прощаясь съ нею, сказалъ ей я: должно показать вамъ, сударыня, каковъ былъ любовникъ, котораго вы любите. Тогда вступивъ на корабль, превратилъ я оный въ крылатого слона, который съ быстротою поднявшись на воздухъ, вскоре сокрылъ меня изъ глазъ ея.

Я возвратился во дворецъ мой и старался искать утѣхи отъ любви. Тамъ ежедневно старался я удалять отъ себя желанія, могущія опять меня подвергнуть своему влеченію любовницы. Я вступилъ въ знакомство съ прочими духами моей сабаши, чтобы удалившись отъ участія съ нею, ко-

нѣ

широкой владычествуешь надъ сердцами. Я участвовалъ вообще съ ними въ важныхъ приключенiяхъ на свѣтѣ; но всегда вышнiвался только въ полезныя смертныя.

Въ это время подавъ я помощь Азиятскому Государю, испытавшему жесточайшiя несчастiя; и вошъ по какому случаю принялъ я участие въ судьбѣ его. Пошелъ я въ нѣкоторой день прогуляться на маленькой островѣ, близъ береговъ Малабарскихъ находящiйся; прiятности и чистой воздухъ шашошнiй увеселяли меня. Находяшiйся на ономъ долина ровная, усаженная ошъ природы въ разныхъ нѣствахъ деревьями, при корени коихъ прошекали источники, пропадающiе иногда и опять съ журчанiемъ появляющiеся. На концѣ долины сей видимо было море, иногда мирное, но временемъ грозящее сену острову ужаснымъ шумомъ и водымающиися волнами, какъ бы поглотили его грозящими. На сей долинѣ увидѣлъ я человекъ, находящагося въ глубокихъ размышленiяхъ; во всей его особѣ оказывалось нѣчто величественное, хотя крайняя печаль изображалась на лицѣ его и во всѣхъ движенiяхъ. Онъ почти ежеминутно испускалъ тяжкiе выдохи. Я подшелъ къ нему и скавалъ: возможно ли, чтобъ столь прiятное мѣсто обитаемо было шакowymъ, коему прелести онаго несчастливѣдны? Надлежитъ причинѣ

и въ горести вашей бышь весьма великой, когда и самая красота природы не можешь оную разсѣять. — Я несчастнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, ошѣчалъ онъ; обстоятельство, приведши меня на сей островъ, служашъ лишь учинишь мнѣ красоту онаго несноснѣйшею. Страшная пустыня, гдѣ бы не видалъ я, кромѣ дикихъ горъ и бесплодныхъ песковъ, приличіе была бы для моего состоянія. — Удоснойше ошкрышь мнѣ о вашихъ несчастіяхъ, сказалъ я; какою бы силою оныя ни были приключены, могу я прекратишь ихъ. — Увы! говорилъ онъ, естли по числу множества заключеній можно бы достигашъ конца оныхъ, я могъ бы полагашъ себя у предѣла моего бѣдствія. Я расскажу вамъ повѣсть моей жизни, и хощи гдѣи возобновлю мое опечаленіе, привлеку на память страшныя изображенія; но весьма щасливъ буду, естли состраданіе ваше доставитъ мнѣ общаему вамъ помощь. Тогда повѣстывовалъ онъ слѣдующее:

— Я не сомнѣваюсь, что довольно наслышались вы о смерти великаго Могола, произведшей возмущеніе во всемъ пространствѣ его Имперіи и движеніе по всей Азій. Я старшій изъ шрехъ оставшихся сыновъ его, и называюсь *Амаданъ*.

Корона по усшаванъ Государшвеннымъ слѣдовада мнѣ; вшорой мой братъ, съ ко-
нмѣ

имъ повсегда соединенъ былъ я нѣжнѣмъ дружествомъ, не прошивилъ моему праву; но меньшей, позавидовавъ моему щастію, вознамѣрился пріобрѣсть по силѣю, чего не надлежало ему по законамъ. Онъ собралъ страшное войско въ краткомъ времени; и какъ умѣлъ онъ скрыть намѣренія свои, посадилъ онъ меня въ столицѣ моей тогда, какъ я не успѣлъ собрать довольнаго числа войскъ къ моей оборонѣ. Онъ, не взирая на храбрый отпоръ, овладѣвъ городомъ и учинилъ меня своимъ пѣнникомъ.

Не одно только властолюбіе учинило брата моего ко мнѣ жестокимъ; съ самаго дѣтства питалъ онъ крайнюю ко мнѣ ненависть, хотя я ни чѣмъ не заслуживалъ оныя. Учинившись же властелиномъ судьбы моей, открылъ онъ злобу свою ужаснѣйшею лютошестію.

При жизни еще родителя моего влюбился я смертельно въ молодую Дагестанку (*), называемую *Кризиною*, и хотя она имѣ-

(*) Дагестанцы суть праотцы нынѣшнихъ Лезгинцовъ, горныхъ Черкесовъ и прочихъ занимающихъ пространство между Азовскаго и Каспійскаго моря жителей. Въ послѣдствіи временъ присоединившеся къ нимъ остатки Печенеговъ, Обрговъ, Половцевъ и Козаровъ, составляютъ въ щастливомъ нашемъ вѣкѣ подданныхъ Россійскаго престола.

ниѣла всѣ прелести, учиняющія женщину
любови достойною; дарованія души ея, добрыя
правѣ и нѣжность ко мнѣ почувствованная,
привлазили меня къ ней еще болѣе. Когда
увидѣлъ я ее впервые, паѣнившись кра-
сотою ея, хотѣлъ я познать ея сердце; и
чтобъ успѣть въ томъ и не быть ни чему
обязаннымъ въ той склонности, хотѣлъ хо-
тѣлъ произвестъ въ ней, утанилъ я отъ нее
мой чинъ; вышло сына Моголова сочла она
меня простымъ гражданиномъ, влюбившимся
въ нее спрасшно. Выдумка моя соотвѣст-
ствовала моему желанію. Я произвелъ въ
ней столько нѣжную любовь ко мнѣ, ка-
кую и она внушила въ мое сердце. Для
испытанія постылиства ея, предлагалъ я ей
не однократно честь помѣщенія въ сералъ
Моголова сына, и изображалъ ей лучшими
красками щастіе, каковаго можешь уповать
она безъ сомнѣнія, учинившись его любовни-
цею. Однако сердце ея вопрошивалось на-
деждамъ, кои могли бы обольстить про-
чихъ жницъ Азіатскихъ; она учинила мнѣ
пожертвованіе тѣмъ драгоцѣннѣйшее, что
не оказала ни малѣйшаго къ тому желанія,
и сохранила ко мнѣ любовь, каковою шоль,
ко можешь быть доволенъ человекъ, самый,
прихотливѣйшій на спрасшныхъ.

Я препровождалъ съ нею все время,
которое шолько могъ удѣлать отъ моей дол-
жно

жности. Тогда освободившись отъ блистательна моего чину и суетнаго величества, поминалъ я, что нѣтъ на свѣтѣ сладчайшей власти, какъ царствовать надъ сердцемъ той, которую любишь.

Моголь родитель мой скончался тогда; а я, увидѣвъ себя владѣтелемъ его государства и собственной моей воли, старался наградишь вѣрность дражайшей моей Каримы. Открывъ ей, кто таковъ былъ ея любовникъ, возвелъ я ее съ собою на престолѣ. Тогда-то наслаждался я удовольствіемъ, которое можно имѣть, учинивъ любезную свою щастливою; и тогда-то мой немилосердый братъ пришелъ осадить меня въ столичномъ городѣ. Пѣнивъ меня, произвелъ онъ ударъ, ужаснѣйшій, нежели бы отнять самую жизнь мою. Онъ, обременивъ оковани мою супругу и меня, повелѣлъ отвести насъ въ городскую темницу: тогда приказалъ онъ нѣкошорому изъ невольниковъ своихъ принести къ себѣ голову Каримину. Представляете себѣ ужасъ тогдашняго моего состоянія! я испросилъ позволеніе у моихъ приставовъ повергнуться къ ногамъ его; я предлагалъ ему собственную жизнь мою въ замѣну дражайшей моей супруги, которая сама съ своей стороны предлагала свою голову, прося мнѣ пощады: но сей неумолимый мучитель глухъ былъ къ прозьбамъ, нечув-

Часть IV.

Д

слы-

спвишеденъ къ слезамъ и красотѣ; онъ
лишь умирилъ его безчеловѣчїе. Онъ под-
твердилъ данное повелѣнїе; меня поразило
это столько, что я упалъ безъ чувствъ. Я
опоминлся изъ обморока за тѣмъ только, чтообъ
умираю безпрестанно, узнавъ о смерти
Каримжиной, и меня сослали въ сей пустой
островъ, на которомъ вы нашли меня. —

Окончавъ сіе, несчастный Монархъ
пролилъ потоки слезъ съ шаковымъ болѣз-
неннымъ рыданїемъ, что несчастїе его
тронуло меня чрезмѣрно. Я взялъ намѣре-
нїе наказать его безчеловѣчнаго брата. Сту-
пай! сказалъ я *Амадану*; участь твоя же-
на тронула, и ты будешь немедленно оп-
ищенъ. Тогда подхвативъ его, прилетѣлъ
я ко Двоу лютаго хищника престола Моголь-
скаго, и покрывъ *Амадана* облакомъ, учи-
щавшимъ его невидимымъ.

В Е Ч Е Р Ъ XLVII.

Мы нашли сего лютаго брата окру-
женного всѣми его придворными: я поразилъ
его смертельнымъ ударомъ, отъ коего онъ
давшия жизни предъ ихъ глазами. По томъ
по

показалъ я имъ *Амадана*. Вотъ *Моголъ* вашъ! сказалъ имъ я; чрезъ мою помощь происходитъ онъ вновь на престолъ родителя своего. Не оставляйте ничего въ памяти вашей къ наказанному хищнику, опричь проклятiя, и повинуйтесь законному вашему Государю; любите его, или впрочемъ шепещите власти такового покровительствующаго его духа, каковъ я!

Услышавъ слова мои, всѣ поверглись къ ногамъ *Амадановымъ*: одни произносили радостныя восклицанiя и лобзали стопы его, а другiе благодарили меня за наказанiе ихъ мучителя. Монархъ сей возшелъ на престолъ своихъ предковъ. Между тѣмъ смертная горестъ изображалась на лицѣ его. Отъ чего происходитъ печаль такая, сказалъ я ему, когда уже лжшость вашего брата омьша проливною его предъ вами кровiю? — Увы, великомочный духъ! ставчалъ онъ мнѣ; я чувствую все то, чемъ я долженъ вамъ, знаю цѣну возвращенной мнѣ вами короны; но всего того мало къ возвращенiю моего спокойства. Сей престолъ припоминаетъ мнѣ объ особѣ, которая со мною оный раздѣляла; онъ припоминаетъ мнѣ смерть ея, и сей горестной уронъ пребудетъ мнѣ всегда чувствительнѣе всѣхъ радостей, могущихъ случиться со мною въ остатокъ дней моихъ. . . . Но, боги! что

Д 2

ви-

вижу я! вскричавъ онъ, взглянувъ на одну женщину приближающуюся къ престолу, при помощи поддерживающихъ ее служителей. Возмозноль! это ты, моя вселюбивѣйшая *Каризма*? — Говоря сіе, бѣжалъ онъ къ ней, и въ нѣжнѣйшихъ объятіяхъ оказали они всѣ чувствованія, свойственныя шѣмъ любовникамъ, кои чаявъ себя навѣкъ разлученными, нечаянно зряшъ себя опять вмѣстѣ. Нѣкоторый изъ провожавшихъ *Каризму* чиновниковъ разказалъ мнѣ, какимъ образомъ наказанной мучитель удовольствовавался, приключивъ горестъ своему брату мнимою смертію его супруга, взошчавъ оную въ удаленнѣйшее мѣсто своего серала, и какимъ образомъ, опасаясь бунта ошъ другаго брата своего, лишилъ онаго безъ милосердія жизни.

Амаданъ и *Каризма*, опомнившись отъ восторгу своего, хотѣли повергнуться къ ногамъ моимъ для возблагодаренія за щастіе, кое доставилъ я имъ; но не допустивъ ихъ къ тому, сказавъ я имъ: удовольствіе, чувствуемое мною отъ того, что я учинилъ васъ благополучными, составляетъ для меня неощѣненную награду. Я обѣщавъ имъ навѣщать ихъ часто, покровительствовать всегда, и возвратился по томъ во дворецъ мой.

На-

Напоследокъ опять испыталъ я власть любви, не взирая на вознамѣреніе мое, чтобъ впредь никогда не познавать онаго. Духъ, владычествующій надъ сердцама, постигъ меня во дворцѣ моемъ. Я обремененъ печеніями, сказалъ онъ мнѣ; городъ, орошаемый рѣкою Тибромъ, занимаетъ меня столько, что я долженъ почасту пренебрегать прочія части свѣта; подай мнѣ помощь въ обстоятельство для меня важноѣ. Спупай на край Средиземнаго моря, гдѣ оное имѣетъ великой заливъ; тамъ найдешь ты городъ, великолѣпно на водѣ стоящій. На краю сего города увидишь ты огромныя палаты, гдѣ присущствуетъ волшебница шамощнаго народа, Мудрость называемая; тамъ увидишь ты молодую совершенную красавицу, по имени *Зелонду*. Она едва достигнувъ пятнадцатилѣтняго возрасту, старается подвергнуть всѣ сердца законамъ шой волшебницы; но я хочу, чтобъ сама она покорилась мнѣ. Спупай! тебѣ я поручаю дать ей познать власть мою; тысяча особъ просили у меня усердно сего исполненія. Не опасайся огорчительныхъ послѣдствій; я ручаюсь за успѣхъ.

Не осмѣлился я прощившись сему столько могущему духу, хотя помнилъ крайности, которыми онъ меня подвергалъ. Я перелетѣлъ въ назначенное мѣсто, и шомчасъ

узналъ красавицу, кою надлежало мнѣ покорить. Нашелъ я средство проникнуть въ ея спальню, и внушить ей отвращеніе къ жилищу, въ коемъ слѣдовало проводить ей дни свои.

Сначала мнилъ я, что привелъ ее къ чувствованію нѣжной страсти безъ всякаго участвованія въ томъ моего сердца; но вскорѣ позналъ, что былъ я ближе ко сной, нежели сама она, или по крайней мѣрѣ почувствовалъ равнодѣрную той любовь, каковую производилъ въ ней. Уже приближался день тѣтъ, въ которой Зеландъ слѣдовало предѣ престоломъ волшебницы принести клятву въ ненарушимой вѣрности; но я все то упредилъ похищеніемъ ея и перенесеніемъ во дворецъ мой. Тутъ вкусила она совершенную радость и свободу совѣтъ отличную, каковой не вѣдала она въ прежнемъ своемъ жилищѣ. Мы предались взаимной любви, и никогда два соединенныхъ сердца не занимались съ таковою пріятностію другъ другомъ.

Какое постыженіе во нравѣ, какое прилѣпленіе нашелъ я въ семъ новомъ моемъ завоеваніи! Ничто не могло отворотить мысли ея ни на минушу отъ меня; безпрестанно оказывала она заботы, увѣряющія меня навсегда въ ея сердцѣ. Поведеніе таковое мнѣ льстило, и я соотвѣтствовалъ оно-

оному съ моей стороны. Но удовольствіе мое не могло быть навсегда таково совершенно; чрезъ нѣсколько времени примѣшляя въ себя, что безпрестанная привязанность ко мнѣ сей красавицы начала скучать мнѣ. Я укрѣпѣлъ себя въ равнодушіи, находимомъ въ моемъ сердцѣ; я припоминалъ себя о мученіяхъ, приключенныхъ мнѣ нѣкогда подобнымъ поступкомъ Царицы Амазонской. Я старался принуждать себя, чтобъ Зелонда не примѣшила ей перемѣны, но сердце же надолго можешь скрывать свои чувствованія; и притомъ она любила меня такъ много, что не могла примѣшлять того, что любя въ ея меньше. Она упрекала меня, и укороенія ея были справедливы; но между тѣмъ самыя сіи упреки и мои раскаянія лишь только удаляли меня отъ нея. Я искалъ случая, чтобъ разстаться съ нею. Напоследокъ не могли далѣе себя принуждать, сказавъ я ей, что отъѣзжаю на нѣсколько въ ближній городъ для поданія помощи особамъ, находящимся изъ давняго времени подъ моимъ покровительствомъ, и что я скоро возвращуся.

Сколько я несчастлива! отвѣчала она мнѣ; довольно уже познала я, что сердце ваше мною утрачено: вы меня оставляете, и нѣсколько дней отсутствія лишатъ меня совсѣмъ онаго. Увы! первой предметъ,

нибующій представившись глазамъ вашимъ, испребитъ меня изъ вашей памяти. Вы жертвуете сердцемъ самымъ нѣжнымъ и вѣрнѣйшимъ особѣ васъ недостойной, и которая столько любить васъ не можешь. Сдѣлала ли я преступленіе въ томъ, что чрезмерно любила васъ, и донесъ любовь еще? Наддежало извлечь меня изъ вѣдръ моего опеченства, дабы перенести въ жилище, гдѣ вы сдѣлали меня несчастною? Но я не прошу васъ о возвращеніи къ моимъ родственникамъ, хотя невѣрность ваша и повергаетъ меня въ жесточайшее отчаяніе: увы! не видашь васъ, мнѣ кажется еще величайшимъ шгою злочастіемъ! Обытайше по крайней мѣрѣ со мною въ одномъ мѣстѣ: сожалѣніе опнюдь не мѣшаетъ недостаткамъ нѣжности. Тогда пролила она пошоки слезъ, удобныя всякаго умягчить, кромѣ любовника невѣрнаго.

Я чувствовалъ состраданіе, но оно не столько сильно было, чтобъ удержашъ меня. Я отѣхалъ, обещавъ скоро къ ней возвратишься. Едва прибылъ я въ означенный городъ, какъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ исполненіе ея предчувствованія: я влюбился въ одну женщину, которая весьма не стоила той, кою я оставилъ; и въ дополненіе моего мученія, никакъ не могъ я приобрести ея склонности. Я не щадилъ ничего, ни вре-

не

мени, ни заботъ, ни всего, чемъ можно побѣдить сердце женщины; но не получилъ ничего, кромѣ того, что сталъ больше влюбленъ и меньше уважаемъ.

Сколько наказываюсь я за невѣрность, учиненную особѣ, любви достойнѣйшей на свѣтѣ! говорилъ я себѣ поминутно. Наконецъ испытавъ, что не могу получить никакого успѣха надъ сердцемъ новой моей любовницы, рѣшился я возвратиться къ оставленной во дворцѣ моемъ. Претерпѣнными мною мученіа учинили меня чувствительнѣе къ той, которой я приключилъ оныя; я спѣшилъ и нашелъ ее почти умирающую. Красота лица ея и радость потчасъ заняли мѣсто блѣдности и мрачной печали. Я произвелъ былъ состояніемъ, въ которое привелъ ее; но чувствуя, что сердце мое не можетъ больше заниматься ею, не хотѣлъ я ее обманывать. Я самъ признался ей въ склонности, полученной мною къ городской госпожѣ, и какъ былъ за то наказанъ; я стократно обнималъ ее колѣни, прося прощенія въ моей невѣрности. Вы будете свидѣтельницею (говорилъ я) моего чистосердечнаго раскаянія; я хочу привести себя въ несостояніе быть невѣрнымъ. Тогда принялъ я тайной составъ столь сильныхъ средствъ, что произвелъ во всей моей особѣ жестокою перемену: лице мое

востарѣлось и сморщилось, какъ бы въ самыхъ глубокихъ дѣтахъ; станъ мой согнулся, нога ослабла и погнулась, и вся крѣпость моя меня оставила; словомъ сказать, въ ту минушу учинился я въ цѣвущихъ дѣтахъ дряхлымъ старикомъ.

Переиѣна сія произошла равномерно во внутренности, какъ и въ наружности моеи: я не ощущалъ уже тѣхъ живыхъ движеній, кои производятъ пламень молодости; испытанная столько мною нѣжность представлялась воображенію моему въ такомъ ощущеніи, что почти меня не трсгало. Не жалуйтесь на меня больше, сказалъ я ей голосомъ дрожащимъ и прерывающимся; въ отчасти причиною крайности, которой я подвергъ себя. Какъ страсти приключали отдствія въ моей жизни, наиѣрлся я перейти въ таковой возрастъ, въ коемъ оныя не властны уже болѣе мучить. *Делонда* поражена была чрезъ то крайнимъ изумленіемъ. Она искала во мнѣ любовника, которой столько былъ ей дорсгъ; и хотя глаза ея онаго не находили, но сердце еще ей онаго представляло.

Я предлагалъ ей безчисленное богатство, и обѣщалъ во мгновение ока перенести въ то мѣсто, которое избреть она себѣ въ жилище; она отпеклась отъ того и другаго, и вмѣсто всего просила той милости, чтобъ учинить ее такою же старушкою. Я

лю-

любилъ васъ чрезмѣрно, говорила она, чтобъ не могла совсѣмъ безъ извѣстiя прилѣинься къ судьбѣ вашей. Я согласился исполнить ея волю, и съ того времени живемъ мы вмѣстѣ, бывъ соединены драгоцѣннымъ дружествомъ.

Я чувствую нынѣ отращенiе ко всему прежнему, и то унылое состоянiе, кое почти всегда не разлучно съ старостiю; сильнѣйшая нынѣ страсть моя состоятъ въ рассказыванiи моихъ похожденiй. Я препровождаю нѣкоторую часть дня въ разныхъ странахъ, гдѣ принуждаю всѣхъ женщинъ, мнѣ встрѣчающихся, слушать объ ихъ приключенiяхъ; и шѣмъ, кои внимаютъ она прилѣжно, прилагаю на помощь всевозможное изъ силы моего знанiя. — Я доволенъ вниманiемъ и вашимъ, продолжалъ онъ къ *Милославѣ*; расскажите мнѣ свои приключенiя, и вы можете ожидать всего отъ моей благодарности. — — —

Милослава, безпрестанно занимающаяся своими приключенiями, рассказала старому духу обо всемъ приключившемся съ нею со дня ея рожденiя. Духъ шронувъ былъ шѣмъ: я ни чѣмъ не могу служить вамъ, сказалъ онъ ей; волшебница, васъ покровительствующая, столькожь сильна, какъ и я; объ одномъ лишь могу увѣдомить васъ, что конецъ нещастiй вашихъ приближается, и я пер-

первой предстану поздравить васъ тогда , какъ , учинишь вы благополучною .

Сказавъ сіе духъ исчезъ ; а *Милослава* продолжала путь свой , дрожа опасностей , могущихъ съ нею приключиться . Размышленія ея были нарушены великимъ стукомъ , къ ней приближающимся . Она увидѣла колесницу , везущую въ себѣ шрехъ живошныхъ , ужасной наружности и страшнаго голоса , и которыя звали ее къ себѣ . Королева хотѣла было убѣжать , но вспомнивъ , что ей надлежитъ предаваться лишь вселющему въ нее ужасу , пошла рѣшительно занявъ мѣсто между шрехъ чудовищъ . Едва всушила она въ колесницу , помчалась она съ чрезвычайною быстростію . Она сидѣла понуривъ взоры , и нетерпѣливо ожидала окончанія своего печальнаго путешествія . Напослѣдокъ колесница остановилась , и чудовища изъ оной вышли ; одинъ изъ нихъ помогъ Королеви учинить то же , принявъ ее подъ руку , и повелъ ее съ прочими къ стѣнамъ нѣкотораго великаго горста . Едва только всушили они въ ворота , чудовища исчезли , и вмѣсто оныхъ стали Король , оцедъ *Милославинъ* , волшебница *Зоржана* , и Князь , любовникъ ея . *Милослава* не вѣдала , что подумать о семъ превращеніи , и опасаясь , чтобъ не было ли вновь ослѣпленіе мечты , могущей учиниться ей

ей бѣдственной, хотѣла бѣжать прочь, но волшебница ее удержала. Вотъ лѣкарство отъ вашихъ несчастій, сказала она; вы взглянули пороку недовѣрчивости къ своимъ совѣшамъ: наслаждайтесь теперь щастливою судьбою; участь ваша, учинившая бѣдственными для васъ всѣ ваши желанія, не имѣетъ уже надъ вами больше власти.

Королева бросилась съ объятіями къ своему родителю, и по оказаніи живѣйшей радости препровождена была отъ него въ чертоги своей родительницы: тамъ возобновились нѣжныя восхищенія. Король и Королева, сказала ей волшебница, знаютъ уже о взаимныхъ чувствованіяхъ, соединяющихъ васъ съ *Райміромъ*; они вѣдаютъ объ его природѣ и свойствахъ, дѣлающихъ его достойнымъ васъ: они согласны соединить васъ бракомъ, и учинили бы то, когдабъ суровая участь, присоединяющая къ судьбѣ вашей извѣстныя условія, не препятствовала помышлять о такомъ щастіи.

По томъ проводили Королеву въ ея спальню для принятія успокоенія, въ которомъ имѣла она великую нужду. Послѣ сего Король, Королева, волшебница и *Райміръ* собрались совѣшавать. Благодушельная *Зоримана!* сказалъ Князь Русскій, не оставляйте несовершеннымъ щастія, котораго отъ васъ ожидаю. Возшоржествуйте, еже-

ли можно, надъ препятствіями, лишающими
меня руки *Милославной*. Я вѣдаю, отвѣ-
чала волшебница; духъ, владычествующій
надъ сердцами, можетъ насъ наставить; пой-
демъ спросить его, можетъ быть его на-
реченія прекращать наши безпокойства.

Совѣтъ волшебницынъ былъ отъ всѣхъ
принятъ и назначенъ день къ вопрошенію
духа. *Милославъ* опредѣлено въ шомъ уча-
ствовать. Время къ отвѣду настало, сѣ-
ли въ колесницу волшебницыну, и въ про-
долженіи пути оная рассказала *Милославъ*,
что по ея старанію собраны были *Король*,
родитель ея и *Князь Русскій*, показавшія
ей чрезъ искусство волшебства чудовищами.

Они достигли во дворецъ духа власти-
теля сердецъ, и по дорогѣ къ оному видѣли
множество людей изъ различныхъ странъ
сѣва; оныхъ вела вѣкошорая волшебница. на-
зываемая Упованіе, и которая почасту вмѣ-
сто показанія имъ пути принуждала ихъ
заблуждать.

Король, *Королева*, волшебница, *Мило-
слава* и *Райміръ*, допущены были къ под-
ножію престола, на которомъ сидѣлъ духъ.
Престоль сей поддерживаемъ былъ велико-
мочною волшебницею, называемою Воображе-
ніе; всѣ движенія души и сердца, исключая
разсудокъ, окружали волшебницу сію.

Зоржана подступивъ къ духу, говорила: „О ты, коего власть простирается надъ сердцами! вразуми насъ, великомочный духъ, какаа можешь бышь истинная благосклонность, кою нѣжная любовница въ состояніи оказать своему любовнику? „ Духъ усмѣхнулся съ пріятностию, и взглянувъ на Милославу и Райміра, отбѣчалъ на вопросъ волшебницынъ однимъ словомъ: *Вѣрность*. Тогда блестящее облако покрыло престола его, и волшебница обращаясь къ Королеви, говорила слѣдующее:

„Судьба ваша совсѣмъ перемѣнилась; изреченіе духа властителя сердецъ дало вамъ разумѣшь объ истинной благосклонности, составляющей щастіе любовника, и что благосклонность сія состоитъ только въ чувствованіи. Правило это не всегда наблюдается въ свѣтѣ; но мы должны вѣришь самому Лелю, богу любви, оно изрекшему. Знаки вѣрности, оказанные вами къ Князю, жадаемому вами въ супруги, исполняютъ тысячу и одну благосклонность, кою должны вы оказать ему прежде вашего брака. Теперь судьба ваша зависить отъ вашего сердца: его чувствованія ускорятъ бракомъ вашимъ, или удалятъ оный навсегда. Вы начали уже оказывать Райміру тѣ благосклонности,

къ

„къ коимъ осуждены вы вѣрностію, когда
 „сохранили оную, не взирая на преляшства,
 „вами претерпѣныя, и кои могли бы по-
 „будить васъ не любить его больше. Но
 „есть еще другой опытъ, которому серд-
 „це ваше не было подвержено: разлука про-
 „изведетъ оный; и такъ надлежитъ вамъ
 „разстаться съ *Райміромъ* на время, кото-
 „раго предѣлъ мнѣ неизвѣстенъ. Ше-
 „стнадцатой годъ жизни; я провожу васъ въ жи-
 „лище, гдѣ на глаза ваши ничего не будетъ
 „представляться, oprичь пріятнаго. Вы всту-
 „пили въ шестнадцатой годъ вашей жизни,
 „вы можете составлять желанія и удовле-
 „творять онымъ; предсказанія, которыя до
 „сего времени учинили ихъ вамъ бѣдствен-
 „ными, не имѣютъ уже надъ вами власти.„

Тогда волшебница, взявъ Королеву за
 руку, и послѣ того, какъ она съ нѣжно-
 стію простилась съ своими родителями, по-
 вела ее въ свою колесницу и сѣла съ нею.
Райміръ бѣжалъ за нею въ слѣдъ, и бро-
 сившись предъ *Милославою* на колѣни, гово-
 рилъ: какъ! вы удаляетесь? Одному толь-
 ко сердцу моему позволено питать жела-
 нія? не позволяется прилагать къ тому мо-
 ихъ исканій? Ваша нѣжность можетъ ли
 соглашаться на такую разлуку? Она по-
 всегда производитъ сильныя страсти, и мо-
 жетъ быть только одно сердце мое най-
 деть

дешь средство къ защищенію меня отъ оныкъ. — Въ разлукъ буду я любить тебя еще больше; вошь все, чего я желаю, отвѣчала *Милослава*. Не присоединяйте къ оставшимся намъ минушамъ изображенія вашихъ безпокойствъ; утѣшайте вмѣсто этого меня въ моихъ и увѣрайте меня, что я всегда пребуду вамъ мила. При словѣ семъ Князь Русскій схватилъ ея руку, которую Королева сама протянула къ нему, и цаловалъ ее спокрашно съ восхищеніемъ человека, совершенно страшнаго.

Волшебница остановила его, сказавъ ему: не мѣшчайте Князь вашимъ отвѣздамъ; вы чрезъ то отсрочиваете желаемое вами щастіе. Прощайте! надѣйтесь, что когда нибудь достигнете вы на верхъ вашихъ желаній; попеченія мои ускорятъ часъ сей. Тогда колесница волшебницыня поднявшись на воздухъ, скоро скрылась изъ виду. Пролетѣвши различныя степеня воздуха, достигли они въ великой городъ. Вошли они въ огромныя палашы: казалось, что шамъ ожидали прибытія *Милославина*; ибо выбѣжало къ ней на встрѣчу множество служителей, которые проводили ее до покоевъ, для нее назначенныхъ. Вошь вмѣсто, назначенное мною для вашего пребыванія, сказала волшебница; я займу оное вмѣстѣ съ вами. Народъ здѣшней страны единоспавляетъ се-

Часть IV.

М

65

Объ законы по своей волѣ; большая часть жителей повинуется только своимъ желаніямъ. Двѣ страсти ихъ, заглушающія всѣ прочія и управляющія всемъ сердцемъ, составляютъ самолюбіе и корысть: вы пошчасъ ихъ распознаете. Надлежитъ вамъ только познаться съ женщинами сего народа, и вы немедленно замѣтите, какимъ различнымъ движеніемъ можетъ подвержено быть сердце.

Едва препровели они нѣсколько дней въ семъ городѣ, какъ всѣ, сколько ни было тутъ щоголей, домашнихъ и иностранныхъ, начали къ нимъ свои прѣбавы; всѣ они ничего не щадяли, чшобъ понравиться *Милославѣ*: волокишство, праздники, вечеринки и гулянья употребляемы были безпрестанно; волшебница рачительно замѣчала число господчиковъ, старавшихся другъ предъ другомъ привлечь сердце Королевино; она не повъ была ни одной ихъ глупости, дѣлаемой въ честь ея, и сколько *Милослава* была всегда равнодушна къ ихъ исканіямъ и любовнымъ объясненіямъ.

Въ числѣ означенныхъ обожателей находился одинъ шакой, котораго волшебница сама ей представила: онъ назывался *Арнстенъ*, и имѣлъ всѣ свойства, учинающія мужчину совершеннымъ; но онъ не былъ ни на волосъ щасливѣе прочихъ.

Цѣ-

Цѣлой годъ пршелъ, въ безпрестанномъ приношеніи Королеви подобныхъ жертвъ, въ которыхъ сердце ея не участвовало: разлука ни мало не умалила нѣжности ея къ Князю *Райміру*. Объ немъ только ежеминутно говорила она съ волшебницею; ей признавалась она, что находишь особливую радость жертвовать своему любовнику всѣми ежедневно подносимыми ей сердцами. Съ самаго часа разлуки моей съ нимъ, продолжала она, ничто ни на минушу не могло поколебать права его надъ моимъ сердцемъ; и если бы способна была я къ иному какому чувствованію, была бы то лишь нѣкоторая жалость, въ коей не можно опекаться къ участи *Аристеновой*; мнѣ кажется, что равнодушіе мое къ его исканіямъ приводитъ его въ несчастнѣйшее на свѣтѣ положеніе. Между тѣмъ сожалѣніе сіе не можетъ меня понудить къ учиненію его меньше несчастнымъ; но если бы способна я была къ переменѣ, она послѣдовала бы въ его пользу. — Ахъ, Королева! сказала волшебница, сколь подовришельно мнѣ это сожалѣніе! я боюсь того, что *Райміръ* не столь безпредѣльно владычествуетъ вашимъ сердцемъ, какъ вы сказываете! Какъ бы то ни было, я не виѣняю вамъ сего въ преступленіе; вы нынѣ самовластны въ вашихъ желаніяхъ; и если сердце ваше уже

не таково, и когда другой предметъ зани-
 жаетъ въ немъ мѣсто Князя, долженство-
 вавшаго бытъ вашимъ супругомъ, а совѣ-
 шую вамъ не мучить себя принужденнымъ
 постыдливостемъ: мы проживемъ здѣсь до
 ихъ перъ, какъ вамъ угодно; можешъ бытъ
 обстоятельствомъ очень оправдающъ васъ въ
 невѣрности. *Раймиръ* можешъ бытъ вамъ
 всегда вѣренъ, но разлука имѣетъ весьма
 сильную власть надъ сердцами; нѣжность
 можешъ ослабѣть. — Какъ! вы хотите,
 чтобъ одно только чаяніе рѣшило меня къ
 переменѣ? подхватила *Милослава*. Нѣтъ,
 я больше люблю *Раймира*, чтобъ могла за-
 бытъ его хотя на минушу; да и тогда,
 хотябъ я увѣрилась въ его непостоянствѣ,
 трудно принудить меня подражать ему въ
 томъ. Сверхъ того хотя бы я и утращи-
 ла нѣжность, прилѣпляющую меня къ нему,
 какъ могу забыть я объ его исканіяхъ, сле-
 захъ и обо всѣхъ знакахъ оказанна имъ
 совершенной любви ко мнѣ? Дѣвица, имѣю-
 щая благородную душу, должна владѣть со-
 бою, когда повнаетъ, что страстна; снис-
 хожденія, оказанныя ею въ пользу любовни-
 ка, извинительны: но ничто не можешъ
 оныхъ оправдать, какъ любовь къ нему на
 всю жизнь постоянная.

Вошедшій къ нимъ *Аристенъ*, пре-
 рвалъ разговоръ сей. Онъ имѣлъ видъ радо-
 сши

ренности на лицѣ своемъ. Мисударыня! сказалъ онъ Милослашелъ уведомить васъ о производимомъ необходимо должно посылъ къ забвенію удаленнаго ошъ аника. Когда узнаете вы о некую которую я разказашъ хочу, вы, что духъ, владычествующій въ году надъ отсутствующими, обстоятельства столь несчастны, динъ изъ любовниковъ не скажется. Королевна считала, что онъ бузсказывать примѣръ таковой невѣроторыя воображеніе придворныхъ ковъ производилъ ежедневно; она въ слушать его безъ любопытства и, и *Аристенъ* началъ таковымъ .в:

нѣсколько дней пришелъ въ присего государства корабль изъ Азии: оному былъ столь попушной, что онъ былъ въ чешыре мѣсяца великое разе. Родной мой братъ, которой года тыре отправился путешествовать, прина сномъ. Онъ объвѣдилъ мнѣ м государства какъ моремъ, шакъ и сухимъ пуразказалъ мнѣ слѣдующую невѣсть.

В Е Ч Е Р Ъ XLVIII.

Братъ мой (продолжалъ *Аристенъ*) находясь въ Винешѣ, полюбопышествовалъ осматрѣвъ Государство Князя Русскаго, и Варяжскимъ заливомъ вѣхалъ въ рѣку впадающую въ Ирмерѣ; а напоследокъ приспалъ къ берегу близъ столичнаго Русскаго города за восемь предъ симъ мѣсяцовъ. Когда вѣхалъ онъ въ шомъ городъ, услышалъ радостныя восклицанія народа, и увидѣлъ разныя на площадяхъ пріугошовленія къ великому празднеству. Онъ спросилъ о причинѣ онаго, и получилъ въ отвѣтъ, что нынѣ будешь торжествованъ бракъ Князя *Райміра*, сына и единственнаго наслѣдника нашего Государя, съ дочерью Падишаха Персидскаго. — *Милослава* поблѣдѣла, услышавъ сіе; волшебница согласясь въ себѣ произшествіи, скрыла однако отъ всѣхъ присутствующихъ, что сей Князь назначенъ *Милославъ* въ супруги: вѣдали только, что она стоворена за нѣкотораго Государя, но не знали его отчества и имени, даже и о самой *Милославъ*, кто она. Королева взглянула на волшебницу, и чая находясь на лицѣ ея знаки шогожь смущенія, коему сама была подвержена, подверглась величайшему без-

Безпокойству. Между шѣмъ не хотѣла она нарушать повѣщиванія *Аристенова*, чшобъ чрезъ то скорѣе удостовѣриться о своемъ несчастіи.

Аристенъ продолжалъ. — Братъ мой имѣя надобность въ починкѣ судна, на которомъ намѣренъ онъ былъ чрезъ Варяжское море отѣхашъ въ Азію, сыскалъ Вельможу начальствующаго надъ водоплавателями. Онъ прося его о своей нуждѣ, поднесъ ему подарки, которые считалъ рѣдкими въ ихъ странѣ. Вельможа обѣщавъ ему свою помощь, и удивляясь подаркамъ его, сказалъ, что оныя достойны бышь поднесены самому ихъ Князю, и чшо при семъ случаѣ можетъ бышь онъ самъ предъ онаго представленъ. Братъ мой просилъ Вельможу принять оныя въ разсужденіи того, что имѣешь онъ еще шаковыежъ для поднесенія его Государю. Вельможа препроводилъ его до самаго престола, на которомъ сидѣлъ Монархъ Русскій. *Раймиръ* находился тогда близъ своего родителя; и какъ онъ самъ много путешествовалъ и зналъ языки почти всѣхъ народовъ въ свѣтѣ, разговаривалъ долго съ братомъ своимъ о подробностяхъ, касающихся до нашего опечества. По окончаніи выслушанія предъ родителемъ его проводилъ онъ брата моего въ придворной садъ для дальнѣйшихъ разговоровъ.

Вамъ должно почти весь свѣтъ про-
 вхашь для совершенія предприемаемаго ва-
 ми путешествія, говорилъ ему Райміръ;
 однакожь не уповаю, чтобъ встрѣшилось съ
 вами что нибудь страннаго моихъ приключе-
 ній; находишься въ оныхъ начертаніе чув-
 ствительнаго примѣра непостоянства сердца
 человѣческаго; и хотя я виѣняю то себѣ
 въ порокъ, но не вѣдаю, какая сила принуж-
 даетъ меня рассказывать объ ономъ особамъ
 незнакомымъ. Я думаю, что сіе есть дѣй-
 ствіе духа, владычествующаго надъ сердца-
 ми; онъ принудилъ меня къ ужасной невѣр-
 ности противу Королевы, достойной все-
 свѣтнаго сжженія. Хотя разумному чело-
 вѣку надлежало бы воспротивиться въ по-
 корности законамъ духа несправедливаго и
 своенравнаго: но признаюсь, что правило
 шакое легче предлагать другимъ, неже-
 ли самому оному слѣдовать.

По нѣкошрымъ обстоятельствамъ, о
 коихъ нѣтъ нужды вамъ подробно рассказы-
 вать, Князь родитель мой принужденъ былъ
 на нѣсколько лѣтъ удалить меня отъ себя
 и разстаться съ сыномъ, коего любилъ очень
 нѣжно. Я повиновался судьбѣ, исторгнувшей
 меня изъ его объятий, долго путешество-
 валъ. За два года предъ симъ попалъ я
 на берегъ государства одного, въ которомъ
 всѣхъ населя въ великой печали. Королева

Мило-

Милослава, дочь ихъ Короля, похищена была тогда на воздухъ двумя чудовищными пшицами, и не знали, куда сіи оную унесли. Я былъ очевидцемъ сего плачевнаго позорища; я увидѣлъ оную Королевну только на нѣсколько минушь тогда; она имѣла всѣ прелести, удобныя произвестъ впечатлѣніе въ сердцѣ; и мое то испытало. Нѣщастіе ея меня тронуло, и красота ея побудила меня искать ее по всему свѣту. Претерпѣвъ тысячи препяшствій, нашелъ я ее наконецъ; я открылся предъ нею въ любви моей: она соопвѣтствовала моей страсти даже до того, что всѣ претерпѣныя за это обдствія не могли поколебать ея постоянства, и никто бы другой не могъ въ подобномъ случаѣ удержатъ таковой швердости. Я самъ любилъ ее до безумія.

Мѣсяцовъ съ шесть тому назадъ, какъ принужденъ былъ я съ нею разстаться на нѣкоторое время, послѣ коего имѣли мы навѣкъ съ нею соединиться. Поклявшись взаимно быть другъ другу вѣрными, мы разбѣхались: я возвратился въ мое отечество испросить у моего родителя позволенія на бракъ мой съ нею. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней чувствовалъ я все то, что разлука съ любезною имѣетъ въ себѣ мучительнѣйшаго; но едва прибылъ я къ вѣдшему двору, какъ отецъ мой предло-

жидь мнѣ женишься на дочери Персидскаго
 Шаха. Когда я увидѣлъ сію невѣсту, про-
 изошла въ сердцѣ моемъ столь скорая пере-
 мѣна, что я шопчасъ забылъ *Милославу* ;
 и долженъ признашься, что новая спрась
 моя произведена единственно личными до-
 стоинствами новой моей невѣсты. Я до-
 вольно упрекалъ себя за такую измѣну ;
 можетъ быть, говорилъ я самъ себѣ, *Ми-*
лослава свѣдала уже объ моемъ непостоян-
 ствѣ : мнѣ извѣстно, сколько она нѣжна и
 вѣрна ко мнѣ ; она умретъ съ отчаяніа. Я
 и безъ того приключилъ ей множество бѣд-
 свій. Стокрашно прелестные глаза ея про-
 ливали потоки слезъ, и за всю цѣну поли-
 кой нѣжности, одна минуша принуждаетъ
 меня забыть объ ней ! Но всѣ разсужденія
 сего рода мало меня шрогали. Весьма вели-
 кое различіе въ томъ, когда огорчаешь осо-
 бу любезную, или шу, кошорая намъ учи-
 няется равнодушна. Когда я любилъ *Мило-*
славу, самой слабой помыслъ объ огорчені
 ея приключалъ мнѣ несноснѣйшее мученіе :
 а теперь раскаяніа мои основывающся шоль-
 ко на одномъ воображеніи разума; и сказать
 правду, движенія, производящія въ сердцѣ
 нашемъ отъ послѣдняго, шакъ слабы, что
 духъ, производящій въ насъ спрасши, есть
 особа шранная. *Раймірѣ* приглашалъ по томъ
 моего брата присутствовать при шорже-
 ствѣ

ствѣ бракосочетанія его; оной принялъ милость сію съ радостію, и былъ вришелемъ, какъ оба супруга принесли предъ богами кляшвы въ вѣчной вѣрности. Радость всего народа была неописанна. — — —

Остановись, жестокой *Аристенъ*! не спарайся далѣе поражать меня столь страшными ударами! вскричала *Милослава*, слушавшая до сего мѣста съ жесточайшимъ принужденіемъ повѣсть его, и упала по шомъ въ обморокъ.

Волшебница привела ее тотчасъ въ себя прикосновеніемъ жезла своего; но сколь велико было удивленіе ея, когда открывая глаза, увидѣла она *Аристена* мало помалу превращающагося въ Князя *Райміра*, которой повергся къ ногамъ ея, и обнималъ оныя проливая радостныя слезы! Оба они надолго пребыли въ восторгѣ сильнѣйшаго и сладостнаго безмолвія.

Щасливые любовники! сказала волшебница, подшедъ къ нимъ: съ сего мгновенія начинаешся ваше благополучіе, и ничто уже онаго возмушить не можешъ. Вы, сказала она *Милославъ*, должны простить *Райміру* скрывающемуся чрезъ силу моей науки подъ видомъ *Аристеновымъ*, приключенныя вамъ огорченія; оныя необходимо нужны были для послѣдняго опыта вашего постоянства. Судьба ваша совершилась, и пред-

ска-

сказаніе духа исполнено: вамъ не можно было никогда сочешась съ супругомъ, которому бы не оказали вы *тысячи одной* благосклонности прежде вашего брака по смыслу изреченія духа, владычествующаго надъ сердцами; вы слышали отъ него сами, что лучшая благосклонность къ любимой особѣ состоить въ опытахъ вѣрности. Вы все это исполнили. Любовникъ вашъ, скрытый подъ образомъ *Аристана*, самъ былъ свидетелемъ жертвъ, кои вы ему приносили; вы отвергли, пренебрегли для него тысячу и одно сердце, и учинили по единственно изъ вѣрности къ нему: это составило столько числомъ вашихъ къ нему благосклонностей. Какая любовь живѣйшая и прочнѣйшая можетъ соединять чешу супруговъ, когда бы всегда полагаемы были таковыяже условія между ними въ началѣ любви ихъ!

Что надлежитъ до васъ, сказала она обратившись къ Русскому Князю: вамъ не слѣдовало влюбляться, когда бы разсудкъ не оправдалъ вашей страсти. Чувствованія, внушенныя въ васъ *Милославою*, и поведенія ваши, исполнили силу предсказанія учиненнаго при вашемъ рожденіи. Шествуйте нѣжныя любовники! поспешимъ во Дворецъ Короля родителя *Милославина*, для совершенія щастливаго брака, имѣющаго навѣкъ совокупить сердца ваши.

То-

Тогда блестящее облако окруживъ, подхватило ихъ на воздухъ, и помчавшись съ чрезвычайною быстротою, скоро перенесло ихъ въ чертоги *Милославныхъ* родителей. Оные обрадовавшись ея возвращенію, и не менѣе узнавъ о томъ, что вѣшь уже никакихъ препонъ къ вступленію ей въ бракъ, отдали повелѣнія къ приутоженію нужнаго для торжествованія онаго въ слѣдующій день.

Прозорливая волшебница постаралась для совершенія радости пригласить родителей *Райміровыхъ* въ столицу ихъ свата, и перенести оныхъ въ почтовой своей каретѣ. Между тѣмъ, какъ сіи гости вѣхали, готовились къ ихъ встрѣчѣ и запасали нужное къ празднествамъ; искусство *Зоржанино* не пощадило ничего нужнаго къ великолѣпію, и все успѣло въ одну ночь.

Она заботилась лишь о томъ, что почтовая карета ея замѣшклась, и всѣ чудились тому, вѣдая, что въ волшебныхъ колесахъ ося не ломаются. Подождавши нѣсколько догадливая, *Зоржана* совѣщала начашь торжество, зная, что въ подобныхъ случаяхъ для любовниковъ минуша кажется годомъ. Уже первосвященникъ во храмѣ *Дяда* (*) изготовивъ верви, омоченныя въ

кро-

(*) Д и д ъ Славянской богъ браковъ, сынъ Дандиъ, и братъ Деда, или Деид, бога любви.

крови снѣгоподобныхъ голубей, ожидалъ при-
 шествія брачныхъ, для связанія ихъ оными
 въ вѣчный узелъ супружества; уже шествіе
 началось при радостныхъ восклицаніяхъ на-
 рода: какъ вдругъ съ воздуха опустилась
 блестящая отъ самоцвѣтныхъ камней коле-
 сница, изъ коей вышли родители *Райміровы*,
 съ молодымъ мужчиною и женщиною чрез-
 мѣрной красоты. Послѣ радостныхъ при-
 вѣствій между восхищенныхъ родственни-
 ковъ, Княгиня Русская представила своей
 невѣсткѣ привезенныхъ съ собою мужчину и
 красавицу. Чрезъ помощь сихъ любовниковъ,
 сказала она, раздѣляемъ мы удовольствіе
 присутствовать на бракъ вашемъ, любезныя
 дѣши; ибо почтовая карета благодѣтель-
 ствующей намъ *Зориманы* дорогою слеза-
 лась. — Прошу извиненія, сказаъ тогда
 незнакомой, подшедъ къ волшебницѣ, я под-
 пилилъ у ней оси; мнѣ досадно было на-
 ходиться въ праздности тогда, какъ вы
 истощили всѣ щедроты свои въ пользу пре-
 лестной *Милославы*: и для того я ошнѣлъ
 у васъ по крайней мѣрѣ шу честь, чтобъ
 представить къ ней родителей ея любезна-
 го. *Зоримана* подала ему руку съ веселою
 усмѣшкою; а онъ обратясь къ *Милославѣ*,
 сказаъ: вы не узнаете меня, прекрасная
 Королевна? Вы видѣли меня нѣкогда совсѣмъ
 въ противномъ состояніи нынѣшнему моему

вн-

виду. Я пошѣ старой духъ, которой столько напугалъ васъ, и которой рассказывалъ вамъ похождение свое въ пустынь. Миѣ наскучило то спокойное состояніе, которому я предосудилъ себя; я узналъ, что лучше быть подвержену страстямъ, нежели предаваться брюзгливости печальной старости. Вотъ сей молодой духъ, нападавшій со мною на васъ въ одно время, или лучше сказать, возлюбленная моя *Зелонда* (продолжалъ онъ, показывая на незнакомую красавицу), учинившаяся изъ любви ко миѣ старушкою: мы оба чрезъ дѣйствіе таинственнаго сосѣва возвратились въ цвѣтущую нашу молодость, и вкушаемъ по прежнему нѣжные плоды страстнаго нашего пламени. Я общалъ вамъ явиться первой съ поздравленіемъ объ окончаніи вашихъ нещасій, и радуюсь, бывъ свидѣтелемъ благополучнѣйшаго часа вашей жизни. Я не предлагаю ничего изъ силы моего знанія къ украшенію сего праздника; чета столь совершенныхъ любовниковъ исполняетъ онаго блистаніе.

По окончаніи привѣтствій, новоприбывшіе Монархи вступили съ прочими въ храмъ. Бракъ совершился со всеобщимъ веселіемъ. О великолѣпнѣ торжества, при томъ бывшаго, чрезъ многіе вѣки съ удивленіемъ пересказывали старики своимъ внукамъ, во всемъ Сѣверѣ. *Райміръ* и *Милослава* были при-
мѣ-

и́броиъ любви и вѣрности супружеской до конца дней своихъ. *Милослава*, по смерти родителей своихъ наследовавшая ихъ царство, присоединила оное къ государству Русскому, коимъ до сего пришестья Славянъ владѣли потомки двухъ сыновъ, рожденныхъ ею отъ *Раймира*; и по сей-то причинѣ древнѣе Князья Славянорусскіе имѣли право на всю обласшь, орошаемую водами Дуная, моря Евксинскаго и залива Меотискаго. — — —

Я доволенъ своею Сказкою, сказалъ *Изборъ* рассказывавшему оную *Скалозубу*; хоща ты въ ней по своему обыкновенію и ничего не помѣшилъ смѣшнаго, однако ешь въ ней много пріятнаго. *Славмиръ!* какъ ты думаешь? — Мнѣ нравится въ ней, ошѣчалъ престарѣлый Вельможа, то хорошее нравоученіе, изъ котораго молодымъ людямъ можно почерпнуть полезныя примѣры. — А какіе бы? подхватилъ юный Государь. — Изъ примѣровъ постоянство, ко которому нынѣ сердца молодыхъ людей не слѣдуютъ; здравой разсудокъ въ избраніи предмета постоянной любви своей, чрезъ пренебреженіе чего видимъ мы нынѣ столько неудачныхъ браковъ, и — — — постою, сказалъ *Изборъ*; довольно я разумѣю, что ты говоришь хочешь. Но разтолкуй мнѣ о пашацкихъ шерехахъ и о царствѣ слѣпыхъ,
че-

чему не слышалъ я объясненія въ развязкѣ сказки сей? — Чрезъ шерема оныя, продолжалъ старикъ, изображены страсти, встрѣчающіяся молодымъ людямъ при вступленіи оныхъ въ большой свѣтъ. Красавицы, прельщавшія *Райміра*, суть роскоши, отъ которыхъ производяшъ всѣ на свѣтѣ пороки. Они имѣютъ привлекательную наружность, ошведяшъ съ пуши должности, учиняющъ добродѣтель несносною, [подвергаютъ праздности, и непримѣтно превращающъ челоувѣка въ недѣлятельнаго шунелца; онѣ похищаютъ наше здоровье, становятся намъ въ шягость и осшавляютъ по себѣ невозвращимое уныніе на ошашки нашихъ дней. Езшли бы *Райміръ* предъшлся ихъ наружношью, онѣ ошася бы въ шеремхъ; между тѣмъ, когда ошечество и родители его ошждали пользы отъ его пушешествій, и напослѣдокъ онѣ возвратилъ бы подданнымъ своимъ Государа пріобыкшаго къ порокамъ; можно догадаться, что Руссы не были бы подѣ владѣніемъ его щасливы. Городѣ, гдѣ богъ любви наказывалъ слѣпотою, изображаетъ, что власть его простирается надѣ разумомъ ослѣпленнымъ; но что благоразудный челоувѣкъ и въ ослѣбленіяхъ своихъ можетъ сыскашъ освободительную стрѣлу, или раскаяніе, приводящее къ употребленію разума, и слѣдшвенно на пушь щастія. — Въ

Часть IV,

Н

са-

самонѣ дѣлѣ, сказалъ *Изборѣ*, очень полезно, слушая сказки извлекашь изъ оныхъ наслаждение! надлежитъ разбиратъ, съ какимъ намѣреніемъ оныя сложены. Волшебные знаки, колесницы и превращенія, не всегда могутъ поршить воображеніе, какъ ты сказалъ мнѣ нѣкогда, любезной мой *Славомирѣ*. . . . Кого мы завтра будемъ слушать? продолжалъ онъ оглядываясь на всѣхъ. — Не слушайте никого, кромѣ здраваго разума; сказалъ *Славомирѣ* усмѣхнувшись. — О! ты шутишь, говорилъ *Изборѣ*; я это помню, но я говорю объ сказкѣ. — Я съ позволенія Вашего Величества, сказалъ *Уклонѣ*, начну завтра повѣсть о *Славорадѣ* и *Свѣтанѣ*. — О! эта сказочка хороша, приговаривалъ *Скалсзубѣ*; но съ позволенія господина *Уклона* можно открытъ за тайну, что она взята изъ Гальскихъ сочиненій, и припахиваетъ *Талемиковѣ* и *Зенерою*. — Что до того! сказалъ *Изборѣ*, лишь бы она была незнакома и хороша. Какая мнѣ нужда разбиратъ, Галлы ли взяли оную у насъ Древянѣ, или мы у Галловѣ, *Талемикѣ* ли превращенъ въ *Славорада*, или *Славорадѣ* въ *Талемика*?

КОНЕЦЪ ІУ ЧАСТИ.

